

АЛЕКСАНДР МАЗИН

САГА О ВИКИНГЕ

Викинг

Белый волк

Кровь Севера

Александр Мазин

**Сага о викинге: Викинг.
Белый волк. Кровь Севера**

«Автор»

Мазин А. В.

Сага о викинге: Викинг. Белый волк. Кровь Севера /
А. В. Мазин — «Автор»,

ВикингГлавный герой, мастер спорта России, мастер исторического фехтования, коллекционер холодного оружия и большой любитель всего средневекового оказывается там, где его таланты – не хобби, а наилучшее средство выживания. Без них ему пришлось бы совсем худо, а с ними – просто нелегко. Но он – мастер. Вдобавок человек веселый, общительный и с чувством юмора. Это очень помогает, если вокруг тебя – самые грозные воины человеческой истории. Знакомьтесь, Ульф Черноголовый! Викинг. Белый волкСбылась мечта мастера исторического фехтования и большого любителя всего средневекового Николая Переляка. Он – в девятом веке. И он – викинг из команды славного ярла Хрёрека-Сокола. Впереди – великий поход во Францию, но сначала надо перезимовать на датском острове Роскилле, владении самого сильного и жестокого из норманнских конунгов – Рагнара Лотброка. Те, кто думает, что зимовка в компании датских викингов – это непрерывный пир с друзьями-воинами и веселыми девчонками, не совсем прав. Еще есть бодрые кровавые праздники в честь местных богов и развеселые норманнские игры, из которых не каждому удаётся выйти целым и невредимым. А также безбашенные берсерки, агрессивные соседи и красавицы датчанки, которых не стоит трогать руками без разрешения, чтобы не остаться без рук. Словом, скучно не будет. Ни герою, ни читателю. Кровь СевераУльф Черноголовый встает под знамя Ворона, знамя легендарного датского конунга Рагнара Лотброка. Великий поход свирепых норманнов, разоривших Западную Европу, будут помнить и через тысячу лет. Но каково это – быть одним из героев-викингов, самых лучших и самых страшных воинов того времени? И что будет, когда на истерзанную междоусобными войнами землю Европы прольется свежая кровь, кровь воинов Севера? Пришла пора потомкам Карла Великого, считающим себя наследниками Великой Римской империи, платить дань истинным потомкам древних варваров!

© Мазин А. В.

© Автор

Содержание

Викинг	7
Глава первая,	7
Глава вторая,	10
Глава третья,	13
Глава четвертая,	16
Глава пятая,	18
Глава шестая,	21
Глава седьмая,	24
Глава восьмая,	27
Глава девятая,	29
Глава десятая	32
Глава одиннадцатая,	34
Глава двенадцатая,	37
Глава тринадцатая,	40
Глава четырнадцатая,	43
Глава пятнадцатая,	47
Глава шестнадцатая,	49
Глава семнадцатая,	51
Глава восемнадцатая,	55
Глава девятнадцатая,	59
Глава двадцатая,	64
Глава двадцать первая,	67
Глава двадцать вторая,	73
Глава двадцать третья,	78
Глава двадцать четвертая,	83
Глава двадцать пятая,	88
Глава двадцать шестая,	94
Глава двадцать седьмая,	98
Глава двадцать восьмая,	103
Глава двадцать девятая,	107
Глава тридцатая,	113
Глава тридцать первая,	117
Глава тридцать вторая,	121
Глава тридцать третья,	124
Глава тридцать четвертая,	129
Глава тридцать пятая,	131
Глава тридцать шестая,	134
Глава тридцать седьмая,	135
Глава тридцать восьмая,	138
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Александр Мазин
Сага о викинге: Викинг.
Белый волк. Кровь Севера

© А. Мазин, 2007, 2011, 2012

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

ВИКИНГ

Глава первая, *которая, собственно, является одновременно началом и завершением истории дренга¹ Ульфа Черноголового*

Норег² был здоровенный, как вставшая на дыбы «субару-импреза». Огромный, широкий и столь же быстрый, как машинка, на которой я гонял в том мире.

У нореха было славное имя – Торсон, что значит – сын Тора, и славным я бы его не назвал. Во всяком случае, в привычном моему времени значении слова.

Слава этого пиратского (морского, как здесь говорили) ярла была исключительно неприятного свойства и определялась количеством народа, которое Торсон-ярл нашинковал своим здоровенным мечом. А меч у рыжебородого викинга был внушительный. Длинный «полуторный» клинок, очень похожий (хотя заметно более тяжелый) на тот, который позже назовут «бастардом». По-здешнему – выблядком.

Ничего унижительного ни в слове, ни в мече не содержалось. У любого ярла (в том числе и у моего) бастардов – целый выводок.

Даже рожденные от матерей-рабынь, они все равно крупнее, сильнее и шустрее своих единоутробных родственников и даже могут рассчитывать на военную карьеру. Разумеется, если папаша соблаговолит дать матери свободу. Здесь, в Дании, по закону сын наследует материнскую участь.

Малость недотянувший до полноценного двуручника «бастард» Торсона был настолько же крупнее моего меча, насколько рыжебородый – меня самого. Однако в деле мой клинок ничуть не уступал «бастарду». Клеймо «Ulfberht», знакомое мне еще по *той* жизни, многое говорит знающему человеку.

Именно из-за клейма я и приобрел шесть дней назад этот замечательный меч.

Если оружие способно прожить тысячу лет, на мой век его точно хватит. Дивный клинок был достоин собственного имени, и я ему это имя дал. Вдоводел. Так сказать, в духе эпохи. Не знаю, женат ли Торсон-ярл. Но, даже если и холост, Вдоводелу это не помешает. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Да, позвольте представиться: Ульф Черноголовый. Почему черноголовый, понятно. А Ульфом назвался в свое время из конъюнктурных соображений. Волчишек викинги жалуют. Чувствуют природное сродство.

В *той* жизни меня звали не так образно. Николай Григорьевич Переляк, значилось в моем паспорте. Но в здешнем обществе лучше не представляться «румийским» именем. А уж фамилия и вовсе никуда не годится. Переляк на здешнем словенском наречии означает «перепуг». Мне оно надо?

...Норег махнул щитом, перекрыв мне линию зрения, и тут же секанул понизу. Таким ударом можно отрубить обе ноги разом. Ноги же мне весьма дороги, поэтому я вовремя под-

¹ Дренг – младший воин скандинавской дружины.

² Норег – норвежец. Древний. Соответственно дан – датчанин, свей – швед. Хотя сами себя они чаще называли не по народностям, а по областям. Ютландцы, халогаландцы и т. п. Посторонние всю эту скандинавскую братию именовали совокупно: норманны или нурманы, т. е. – люди севера. Вероятно, что позже так называли в первую очередь норвежцев. Они ведь самые северные из скандинавов. Норег также означает северный путь.

прыгнул, пропуская «ублюдка» под собой... И в следующий миг понял, что двухметровый убийца как раз и ждал от меня такого вот высокого прыжка. Радостно осклабясь, рыжая сволочь от души двинула меня щитом снизу.

Я не полетел вверх тормашками только потому, что вовремя толкнулся ногой от Торсона щита. Хоп – и я опять в твердой стойке на приличной дистанции.

Торсон удивился. Даже лыбиться перестал. Надо полагать, до сих пор финт со щитом получался у него эффектнее. Спору нет, финт хорош. К счастью, я уже знал кое-какие фокусы и трюки здоровенных морских разбойников, внушавших лютей страх всем, кроме таких же головорезов, как сами. И еще множество трюков. Сотни, а то и тысячи уловок, придуманных человечеством за тысячи лет шлифования искусства отчеккрыжить важный для жизни кусок от тушки ближнего. И лишь благодаря этим знаниям я пока что успевал уберечь свою единственную и очень любимую шкурку от необратимой порчи. «Бастард», которым рыжебородый громила Торсон размахивал с непринужденностью французского дуэлянта, орудуя тонкой шпажкой, рвал и кромсал воздух с мощью и скоростью промышленного вентилятора. Двухметровый детина в пудовой броне, с пудовым щитом в волосатой лапе прыгал легко, как балерина. И при том ухитрялся наносить чуть ли не по два удара в секунду. Да еще таких удара, что развалили бы железнодорожную шпалу. И это не гипербола, а реальность. Пять минут назад я видел, как рыжебородый пожиратель мяса в два маха, играючи, прикончил отличного парня и неслабого поединщика Фрэлава, который уж точно был попрочнее шпалы.

Бах – и полщита на земле. Бах – и половинка второго щита там же. А вместе с ней и полчерепа славного датского парня, вызвавшегося выйти против двухметровой машины членовредительства по имени Торсон-ярл.

Будь моя воля, я бы расстрелял этого двуногого ящера с безопасной дистанции. Думаю, трех хороших лучников хватило бы.

Но такой вариант был по местным понятиям дурным тоном. Мой ярл навсегда потерял бы лицо и, вместе с ним, уважение «электората».

А вот выставить вместо себя добровольца-поединщика – это нормально.

Я был вторым кандидатом в мясорубку.

Приятно поглядеть на удивленные рожи Рагнара-конунга и его головорезов, когда я шагнул вперед.

Сынок Рагнара, Бьёрн Железнобокий, даже пробормотал что-то ироническое...

Я его понимал. Они хотели красивого боя и сомневались, что у меня получится.

А я вот не сомневался. Даже если кровожадный «сын Тора» расчленил мое брненное тело, этот процесс займет намного больше минуты. Со мной Торсону придется повозиться. Готов поспорить: он изрядно пропотеет и запыхается, прежде чем один из нас отправится в Валхаллу. А если этим одним буду я...

Тоже не без пользы. Утомив Торсона, я облегчу моему ярлу задачу выживания.

...Вначале я надеялся, что неистовый викинг умается раньше меня. Ярл не оправдал надежд. Поднимаем пыль уже минут десять, а рыжебородая помесь орангутана и промышленной мясорубки бодр, как молодой петушок теплым майским утром. А ведь я для него – неудобный противник. Нетипичный. Во-первых, бьюсь без щита. Во-вторых, веду себя неправильно.

Тут как принято: когда такая вот действующая модель гигантопитека с алчным ревом бросается на тебя, ты (если ты, конечно, – конкретный местный пацан в авторитете) с таким же похотливым рыком несешься навстречу. Бах-бабах – и чей-то щит (это при бескровном результате столкновения) превращается в печную растопку. Поскольку у каждого поединщика есть еще пара запасных, то процедура повторяется, пока все не окажется разбиты в хлам. Или

раньше, если хозяин щита не проявил нужного проворства. Как бы там ни было, финал однозначен. Одним любителем мяса меньше.

Со мной традиционный номер не прошел. Когда зверообразный викинг, разинув зубастую пасть, понесся на меня, я с элегантностью тореро уклонился в сторону и аккуратно ткнул его мечом в почку.

К неопишуемому сожалению, названный сын козлолюбивого бога³ оказался намного проворнее быка (я знаю, с быком в *той* жизни тоже играл), развернулся на полном скаку и мало того, что прикрыл могучую поясницу краем щита, так еще и лягнул меня. Правда, не дотянулся.

Вот так мы с тех пор и танцевали. Прыг-скок, фьють, фьють. Каждое «фьють» могло стать для меня последним, потому что это было «фьють» вертолетной лопасти. Парировать молодецкие удары Торсона я даже не пытался. Всё мое искусство, всё филигранно отточенное умение вышибать меч противника оказалось бессильно против лапищи, прочной, как вагонная сцепка.

Разок попробовал – и больше не пытался, чуть не оставшись без меча. Только вертелся и скакал горным козлом, уклоняясь то от меча, то от щита, которым рыжебородый убийца орудовал, будто теннисист – ракеткой для пинг-понга.

Впрочем, я уже несколько раз мысленно возблагодарил Бога за то, что норегский Кинг-Конг вооружился щитом, а не секирой. Отступи он, подобно мне, от славных традиций хольмганга⁴ – и с большой долей вероятности я бы уже осел на травку кучкой внутренностей под соусом из богатого гемоглобином содержимого моих сосудов.

Наконец живой блендер с метровой лопастью сделал паузу. Не потому, что устал. Он заинтересовался. Как так? Он уже минут пять орудует своей замечательной мухобойкой, а вредное насекомое все еще живо?

Вот теперь его следовало подбодрить. Лучше всего – смертельно обидеть. Что я и сделал. Норег до словесной перепалки не снизошел.

Это правильно. В таких случаях спорить и оправдываться – верный путь стать посмешищем. Проще убить обидчика. Пусть меч скажет свое слово. Труп врага – самая убедительная победа в интеллектуальной дискуссии. Такая здесь конкретная жизнь. И жизнь эта мне нравится. Пока. Потому что у рыжебородого Торсона есть очень серьезный шанс прибавить к имени Ульф Черноголовый неприятный глагол «был». Что ж, если мне суждено сегодня сгореть в пламени погребального костра, я все равно ни о чем не жалею. Те месяцы, что я провел *здесь*, стоят многих лет жизни *там*.

А начиналось все так...

³ Для тех, кто не в курсе: любитель прицельного молотометания бог Тор ездит на упряжке плотоядных козлов, коих время от времени сжирает. Однако при правильном соблюдении технологии сжора, козлы успешно регенерируют из кучки костей, и процедуру можно повторить по новой.

⁴ *Хольмганг* – дуэль по-древнескандинавски. Более подробно – ниже.

Глава вторая, в которой герой принимает неравный бой и несет первые потери

Мой папа – бизнесмен. Мелкий, но на жизнь ему хватало. На жратву, любовниц, двухсотый «мерс» и горные лыжи в Швейцарии. Папа – умный мужчина. Не зарывался.

Даже когда я стал признанным авторитетом (спортивным, не уголовным) и обзавелся очень солидными приятелями, папа по-прежнему платил за «крышу» и ментам, и чиновникам, и «синим». Понемногу, но аккуратно. Но его все равно выжили из родного города губернаторские «реформы». Я предлагал помочь («защентить» дареный клинок требовалось многим городским «шишкам»), но папа отказался. И год назад уехал в глубинку.

Я, впрочем, тоже. Причем намного дальше, чем он.

Как это у меня получилось? А вот получилось! Есть люди, которые всегда получают то, чего хотят. Я – один из них. Тут главное: как следует захотеть. Захотел я качественно: текущая жизнь обрыдла до тошноты.

То есть у меня самого все было неплохо, но вокруг... Блин!

Словом, я почувствовал, что еще чуть-чуть – и кого-нибудь убью. Кого-нибудь, просто повернувшегося под руку.

Можно было податься за кордон... Но это было бы бегством. И признанием поражения. А я с детства не любил проигрывать.

В общем, однажды, после очередной ролевки, где славные, в общем, парни, не очень умело лупят друг друга тупыми мечами (среднестатистический кандидат в мастера спорта по сабле «порубал» бы их всех минут за пять), а потом очень умело пьют водку под ароматный шашлычок, я все и сделал.

Презрел свои обязанности арбитра, отошел подальше в лесок, закрыл глаза и взмолился Тому, Кто Наверху: «Сделай мою жизнь такой, чтобы я в ней был – как клинок в хорошо подогнанных ножнах». И так остро и нестерпимо было мое желание, что башка отрубилась напрочь.

Однако Тот, Наверху, – вял. И даже проявил недюжинное чувство юмора.

Когда Коля Переляк (то есть я) очнулся, в ушах у него звенело, а спина была голая и искусанная комарами.

И лежал Коля голый и босый, на голой земле, вернее – на голых сухих колючках, и добродушные лесные мураши проложили торную дорожку по нежным частям его продрогшего организма.

Вопреки расхожим штампам, я не стал думать о том, что меня треснули по башке и ограбили. Я как-то сразу, чисто мистически осознал: истошный вопль моей тоскующей души услышан и удовлетворен.

Потому я воздвиг продрогший организм в вертикальное положение, отряхнул с него муравьев и иголки, расправил плечи и с трепещущим сердцем пустился на поиски приключений.

Которые не заставили себя ждать.

Испокон веков, когда храбрые мужчины бьют зверя и друг друга, их прекрасные подруги занимаются собирательством. Сбившись в веселую стайку, милые девицы отправляются в дремучий лес по грибы, по ягоды. Дабы не потерять друг друга и предупредить прочие непри-

ятные неожиданности, девушкам положено звонко перекликаться. Или хотя бы аукаться... В противном случае, как мы знаем из сказок, они рискуют напороться на неприятный сюрприз.

Например, на голого мужика. Меня, то есть.

Юная девица, румянощекая крепенькая блондинка в архаичном (как я тогда решил) наряде, с корзинкой и посошком, возникла на моем пути внезапно для нас обоих.

Что думает блондинка, наткнувшись в пригородном лесу на голого мужика?

Она думает: маньяк.

Вернее, МАНЬЯК!

Поэтому я, естественно, открыл рот, чтобы объяснить, что вовсе не тот, о котором она подумала. Что я – хороший...

Не успел.

Увидав мой мускулистый торс и все, что от этого торса отрастало, девица не завопила истошно, не захохла и не отвернулась деликатно, а глянула цепко – будто сфотографировала... И свистнула так, что ей позавидовал бы футбольный судья. А затем воинственно взяла наизготовку полутораметровой длины посошок.

На свист из ближайшего кустарника, свирепо рыча, выломилась псина размером с южно-русскую овчарку и примерно такая же шерстистая. Не утруждая себя предупреждающим лаем, она сходу заклацала зубищами и совершенно определенно рассчитывая что-нибудь откусить.

Будь у меня под рукой хоть бейсбольная бита, я бы с легкостью доказал приоритет высшего разума над дикой звериной стихией. Но, пребывая в эйфории от случившегося чуда (да и в головке моей еще не все устаканилось), я, беспечный, даже простой палкой не потрудился обзавестись. За что и поплатился.

Вы когда-нибудь пробовали отбиваться от собачки в три пуда весом, оказавшись в чем мать родила?

Не приходилось? Рад за вас.

Прежде, чем я изловчился ухватить псину за спутанную шерсть и частично обездвигать, она успела цапнуть меня за обе руки (это мне просто повезло – целила-то она совсем в другое место) и изодрать когтями живот. В итоге – патовое положение. Пока я держу псину, она не может укусить. Но и я не могу ей ничего сделать, потому что руки заняты. Однако назвать это ничьей я бы не рискнул. Псина-то была целехонька, а из меня бодрими струйками вытекала влага жизни.

Не следовало забывать и о блондинке. Эта храбрая девушка решительно подобралась сзади и огрела меня палкой. Целила по голове, но я увернулся, и удар пришелся по хребту. Тоже мало приятного. Зато я получил шанс. Поднатужась, я отшвырнул псину подальше, выиграв секунды полторы. Этого хватило, чтобы обезоружить белокурую воительницу и встретить лохматого кусаку по достоинству: хлестким ударом поперек морды. Попал удачно. По носу.

Пока псина переживала неприятность, я вышиб из руки девицы приличных размеров ножик, пришедший на смену отнятой палке, остановил этой самой палкой высокий прыжок псины (кровожадная зверюга целила в шею) и взялся преподавать другу человека основы хорошего тона. Начал с полновесного тычка в брюхо и далее по программе.

Потребовалась минута, чтобы урок был усвоен, и псина ретировалась с жалобным визгом. Вот уж не думал, что кудлатое страшилище способно брать такие высокие ноты.

К сожалению, пока я занимался преподавательской деятельностью, хозяйка псины тоже дала деру.

Мне, впрочем, достался трофей: пол-лукошка черники и льняная тряпица, которая вполне сошла бы в качестве набедренной повязки. Однако я нашел ей другое применение: разорвал пополам и перевязал укусы, предварительно продезинфицировав их с помощью собственной слюны. К счастью, собачьи клыки не повредили серьезных сосудов, так что кровь

вскоре остановилась. Но болеть укусы не перестали. Мне бы очень кстати пришелся и нож, но его девчонка успела подобрать.

Пришлось удовольствоваться палкой. Крепкая палка с обожженным кончиком тоже на многое способна в умелых руках. Мохнатая псина подтвердит, если сомневаетесь.

Засим я слопал ягоды, аккуратно поставил лукошко на пенек и отправился туда, куда удрала псина. А наткнувшись чуть позже на хорошо заметную тропку, и вовсе воспрял духом. Я очень надеялся, что она приведет меня к жилью. А там ждет пища, одежда и медицинская помощь. Я очень рассчитывал, что к скромному гостю аборигены будут более расположены, чем к лесному дикарю.

О, как я ошибался!

Глава третья, в которой герой встречает аборигенов и пытается выстроить диалог

Первым делом я обнаружил вырубку. Кто-то прошелся с топором по молодому березняку. Причем сделал это довольно неряшливо: сучья, ветки и даже целые березки помельче в беспорядке валялись на земле.

Тропка обогнула вырубку (роскошные чистые подберезовики украшали ее «обочины») и вывела на поле. То есть полем этот засаженный каким-то злаком лужок можно было назвать с большой натяжкой. Площадь его была – соток десять, не больше. Вокруг имелись деревья с обожженными стволами и в углу – куча обгоревших пней.

Тут меня озарило. Да вы, батюшка Николай свет Григорьевич, никак в прошлое провалились! Подсечно-огневое земледелие – вот как это называется. Присуще примитивным культурам. Технология, кстати, проста: вырубаем лес, то что покрупнее – убираем, то что помельче – оставляем на годик, потом сжигаем. Еще через год (куда торопиться?) на участке слегка прибираемся, потом бороним, сеем и снимаем скудный урожай. Почему скудный? Потому что так мне помнилось из учебника истории. Это с историческим фехтованием у меня все хорошо, а вот с сельским хозяйством – так себе. По верхам. Уж извините.

Впрочем, не важно. Важнее было, что дальше, за полем открывался замечательный вид на небольшое озеро, на берегу которого сушились на палках сети и чернела рядом с мостками тушка перевернутой лодки. А повыше, на пригорке, гордо возвышался крепкий рубленый дом, окруженный не менее крепким забором. Дополняли сельскую идиллию щиплющие травку домашние животные: головастая мелкая лошадка и такая же мелкая коровенка, около которой вертелся пятнистый бычок размером с давешнюю собаку.

Ага! А вот и собака!

Кудлатая псина летела мне навстречу со знакомым грозным рыком... Неужели забыла урок?

Нет, не забыла. Притормозила на почтительном расстоянии, но яриться не перестала.

Я поразмыслил, не сделать ли набедренник из березовых веток, но представил, каким будет мой видок в этаким наряде и решил: лучше остаться голым. Кому не по нраву натурализм – может отвернуться.

Меня встречали. Приземистый, поперек себя шире, бородач, похожий на гнома-переростка, и стриженный в скобку парень, столь пышной растительностью на лице еще не обзаведшийся (по молодости), но такой же широкий и коренастый. В руках молодой держал здоровенный лук с наложенной стрелой-срезом. Вся его поза выражала готовность стрельнуть.

У старшего лука не было. Зато наличествовало копье с толстым древком и листообразным наконечником размером с клинок гладия⁵. Судя по хвату и стойке, в копейном бою бородач новичком не был.

А лапищи у него были такие, что древко (потолще моего запястья) казалось в них детской лопаткой.

Я остановился.

Некоторое время мы рассматривали друг друга под аккомпанемент собачьего лая.

Чресла старшего прикрывали кожаные, порядком поношенные штаны свободного покроя, а торс – застиранная рубаха с вышивкой. На волосатой, обширной, как теннисный стол, груди «гнома» вместо крестика наличествовала связка оберегов. Подобного добра у ролеви-

⁵ *Гладиус* (гладиус) – короткий римский меч.

ков-реконструкторов навалом, однако я нюхом чуял: никакие это не реконструкторы. У этих и одежда, и оружие отличались от «реконструкторских», примерно как театральная шпага – от настоящей. Парочка была насквозь достоверной, исконной и естественной, как дубок на соседнем взгорке. Что ж – еще один кирпичик в здание моей гипотезы о провале в прошлое.

– Ага, – с оригинальным выговором, но вполне по-русски наконец изрек старший. – Ты, значит, на девушку мою напал. Нехорошо.

Молодой мигом вздернул лук. Я изготовился. Но сумею ли отбить стрелу, выпущенную с двадцати шагов? Бо-ольшой вопрос...

– Это еще как посмотреть – кто на кого напал, – возразил я. – А собачкой меня травить – хорошо?

– Сам из каких? – тут же сменил тему «гном».

Хмм... Сильный вопрос.

– Человек.

– Сам вижу, что не лешак, – проворчал бородач.

– А Снежок-то на него – как на волка брешет, – подал голос молодой.

Псина, угадав, что речь идет о ней, зашла в приступе утробной ярости.

Да уж, Снежок. Впрочем, если эту кучу шерсти как следует постирать...

– Нишкни! – рыкнул «гном».

Заткнулись оба. И молодой, и псина. Как отрезало.

– Кто ты есть? – сурово произнес бородач. – Людин? Иль холоп беглый?

– Людин.

Выбор, как вы сами понимаете, очевиден.

«Гном» хмыкнул. Скептически.

– Чего хочешь?

Ага, это вопрос по существу.

– Одежда, еда, покусатости полечить! – Я продемонстрировал повязки на руках.

– Виру, что ли, стробовать желаешь?

Молодой гыгыкнул, но тут же снова сделал суровое лицо.

Я шутки не понял.

– Помощи прошу, – смиренно произнес я. – Отработаю.

– Умеешь что?

Я пожал плечами:

– Многое.

– Откуда знаешь, что я врачевать могу?

– Врачевать я и сам могу. Было бы чем...

– Добро, – бородач опустил копье. – Быська!

Из ворот выглянула давешняя блондинка.

– Дай этому порты и рубаху старую. А то ходит будто в бане.

Мы еще немного поиграли в молчанку, пока блондинка бегала за одежкой.

В дом меня не звали, а сам я не напрашивался.

Блондинка вернулась и принесла заказанные порты и рубаху.

Штаны были своеобразные: ни карманов, ни пуговиц. На поясе – дырочки, сквозь которые продели веревку. Рубаха оказалась еще примитивнее: два куска грубой холстины, кроенные сразу с рукавами и сшитые вместе. Для головы оставлена дырка.

Все трое, включая блондинку, внимательно наблюдали, как я одеваюсь.

Ну и хрен с вами, дорогие хозяева! Нет, это просто удивительно, насколько наличие штанов прибавляет уверенности в себе. Еще бы обувку какую-нибудь...

Я поглядел на ноги моих благодетелей. Ага, у старшего что-то вроде кожаных сандалий, а у младшего... лапти! Из бересты!

А чего я, интересно, ждал? Это же прошлое! До «найка» с «адидасом» еще жить и жить. Хотели, уважаемый господин Переляк, попасть в эпоху меча? Вот вам! И лапти в придачу. То есть как раз лаптей-то мне и не дали. Ладно, перебьемся. Босиком по лесу ходить – я привычный. Даже нравится.

– Зовут как? – поинтересовался бородач.

– Николай.

Мужики переглянулись. С одинаковым выражением. Очень похоже. Наверняка отец и сын.

– Ни Кола? – переспросил старший.

– Нет, Николай!

Снова переглянулись.

Младший гыгыкнул:

– Ни кола ни двора, вот это в масть.

Старший спросил серьезно:

– Николай – это что значит?

Ишь ты, какие мы любопытные.

– Это значит – сильный.

Вообще-то «Николай» в переводе с греческого – «победитель народов», вариант – «победитель людей». Но я – человек скромный.

– Так ты не словенин! – воскликнул молодой. – То-то у тебя говор чужеватый!

Интересный вывод. Сам ты – чужеватый, подумал я. Но смолчал. За порты и не такое стерпеть можно.

– Меня Ковалем зови, – разрешил бородач. – А это сын мой, Квашак. Значит, отработаешь?

– Я же сказал!

– За еду и одежду, – уточнил Коваль. – До листопада.

Я прикинул по времени. Сейчас август. Вернее, там, в *том* времени – август. Хотя здесь, похоже, аналогично. В крайнем случае, июнь, потому что вокруг однозначно лето. Значит, от двух до четырех месяцев получается. Нормально. Как раз разберусь, что тут к чему.

– Договорились.

Коваль перехватил копьё в левую руку, вытянул правую... Я сообразил, что надо не пожать, а хлопнуть.

– Волох ряду видок! – торжественно изрек бородач. Рожа хитровато-довольная. Надо полагать, я упорол какой-то косяк. Ладно, прорвемся.

Коваль сунул копьё сыну.

– Пошли, Ни Кола, раны твои врачевать будем.

Глава четвертая, в которой герой по незнанию приступает к женской работе и получает под зад

Лечение оказалось нехитрым. Сначала промывка какой-то едкой настойкой, потом – повязка из смеси жеваного подорожника с какой-то мазью омерзительного вида и запаха. Вся процедура – весьма болезненная. Мерзкая мазь жгла, как кипяток. Я мужественно терпел истязания. Мужество мое оценено не было. Думаю, зашипи я от боли, Коваль бы удивился.

После перевязки я рассчитывал на перекусить. Зря.

Закончив, Коваль кликнул сынка и велел пристроить меня к работе. Больничных тут, похоже, не выписывали.

Белобрысый Квашак повел меня за избу. Там располагался огород, где возились две женщины в платках. Они проворно дергали из земли травку. Надо полагать, занимались прополкой. На нас даже не глянули, так что их возраст и внешность определить было затруднительно.

– Давай, – кивнул на огород Квашак. – Делай, как они.

Я присел на корточки. Попытался определить, по какому принципу дамы отличают хорошую траву от плохой или наоборот...

– Шевелись, холоп! – гаркнул Квашак. И стимулировал мое рвение пинком под зад. От неожиданности я чуть не ткнулся носом в землю.

На этом терпение мое иссякло. Тем более, руки по-прежнему жгло, что, само собой, не прибавляло добродушия.

В рукопашной я не очень хорош. То есть боксеру-перворазряднику пришлось бы со мной повозиться, но мастер спорта нокаутировал бы в первом же раунде.

Белобрысый Квашак мастером спорта не был. Но удар держал неплохо. Или младая бородка самортизировала? В общем, удар в челюсть его не свалил. Однако нокдаун был налицо. Поплыл паренек.

Поплыл, но не сдался. Ну что за дурная у здешних привычка: чуть что не по-ихнему – сразу за нож!

Руку с ножом я перехватил без проблем, подвернул, дернул и хряпнул Квашака оземь простейшим броском через бедро.

Упал он – как мешок с дерьмом. Даже затылком приложился. Хорошо, на мягкую грядку. Нож остался у меня.

Громкое: «Ох!» – одной из огородниц. Ага! Совсем молоденькая. Лет восемнадцать. И, похоже, беременная. Беременным волноваться вредно!

– Спокойно, девушка, я его больше бить не буду! – поспешно произнес я.

Затем присел на корточки и снял с сомлевшего Квашака кожаный пояс с чехлом для ножа. Нацепил на себя. Должно быть, Бог надоумил. Или память предков. Как выяснилось позже, именно такой вот пояс с ножом считался непременным атрибутом свободного человека.

Это мне позже объяснил сам Квашак, очень удивленный, что я не ведаю таких элементарных истин. Он, кстати, не обиделся. Назвать свободного человека холопом и унижить его пинком – серьезный проступок. Впрочем, я сам был виноват. Свободный человек не станет делать женскую работу.

Кушали патриархально. Сначала мужчины: то есть сам Коваль, Квашак и я, наемный работник. Женщины: согнутая жизнью и работой супруга Коваля, беременная жена отсутствующего старшего сына и дочка хозяина Бысть (по домашнему – Быська) – обслуживали.

Кушали сытно: карпаччо из оленины, замечательная душистая уха, тушеная брюква пополам с птичьим мясом под черничным соусом. Все это запивалось квасом, морсом и молочной сывороткой – кому что нравится. Мне бы понравилось пиво, но пива предложено не было, хотя я точно знал: пиво – напиток древний и уважаемый. Не было также медовухи, без которой, по утверждению летописцев, не обходилось ни одно порядочное застолье.

Кушали степенно. Вернее – постепенно. Ели, запивали, снова ели, сыто рыгали, снова ели...

Словом, отъедались за весь голодный день: от завтрака до ужина питаться не полагалось.

Покушали. Выбрались на завалинку. Мужчины. Женщины тем временем подъедали остатки и прибирались в избе.

Кстати, об избе. Строение это было – капитальное. Сложенное из могучих стволов (нижние венцы – на фундаменте из диких камней), без особого тщания, выпирало то тут, то там, зато мощно и надежно. И щели законопачены с отменным старанием.

Отец и сын вели неспешный, солидный разговор. С плотностью примерно пять слов в минуту. Говорили о старшем сыне Ковалья, который отправился весной в какую-то Копынь и должен был вернуться до заморозков.

Звучало это так.

Старший: «Должно, водой вернется».

Младший: «Водой – это хорошо. В лодку добра много влезет».

Старший: «Волокушей по снегу – тоже много».

Младший: «Волокушей – да. Зимой по болоту хорошо».

Старший: «А осенью – водой...»

И так далее.

Чтоб руки не гуляли, родственники делали стрелы.

Выглядело это так.

Из пучка заготовок выбиралось древко. Проверялось на прямизну с помощью натянутого лучка, отполировывалось и выглаживалось ножиком, камешком и кожей до идеального состояния. Затем к хвостовику так же тщательно прилаживались перышки. На клей. Рыбий, судя по запаху.

Мне клейку перьев не доверили. Только шлифовку.

И отцу, и сыну очень хотелось расспросить меня: кто такой, откуда взялся? Но, видимо, правила приличия подобного не допускали. Меня это устраивало.

Чуть позже Коваль взялся рассказывать, как он в возрасте Квашака ходил с ополчением воевать каких-то чусей. Рассказ изобиловал непонятными мне словами. Зато с мотивацией все было доступно. Грабить ходили. Воевали весело. Женок чусевских перепробовали всех. Мужей частью побили, частью раздели догола и выгнали в лес... Тут Коваль стрельнул глазом в мою сторону: чувствую ли аналогию? Я ухмыльнулся. Нет, не мой случай.

Квашак эту историю, надо полагать, слышал уже раз сто, но все равно задал вопрос насчет добычи. Папаша степенно ответил, что на его долю пришлось шкурок на пять кун и трое рабов: две бабы и мальчишка.

Рабов он продал в городе, а вырученные деньги использовал в качестве взноса мастеру. За обучение. Что за мастер и что за обучение – не сказал.

Спать меня уложили на сеновале. Там же спали и Квашак с Быськой. Перед сном Коваль меня строго предупредил, чтоб я ночью к Быське не лез.

Я и не лез. Сама подползла.

Однако дальше примитивного петтинга дело не зашло, так что совесть моя осталась чиста.

Глава пятая, в которой герой адаптируется к новой реальности и находит этот процесс довольно скучным

Утречком меня разбудили птицы.

Квашак еще дрых, а Быськи уже не было.

Я спустился, сбегал к озеру – искупаться. Водичка была славная, а рыба ходила прямо у берега. Вот где с удочкой посидеть... Только удочки здесь не в чести. Сети – эффективней.

Искупавшись, вышел на лужок, отыскал подходящий дырн и принялся за утреннюю зарядку. Искренне наслаждался: воздух чистейший, трава мягкая, солнышко восходит, шест в руках поет...

Так увлекся, что не заметил появления Ковалья.

Когда я закончил упражнения, мой хозяин глянул исподлобья и поинтересовался:

– Ты вой, Николай?

Надо же: вчера, шутник, все Ни Кола да Ни Кола, а нынче – как положено.

– В каком смысле?

– В дружине был? – уточнил Коваль.

– Почему так думаешь?

– Вижу. А думал я вчера. Когда Квашак рассказал, как ты его приложил.

– Скажем так (врать не хотелось): обращаться с оружием умею.

– Ага, – сказал Коваль. И вдруг поклонился мне в пояс: – Блага тебе, Николай!

– За что? – Я удивился.

– Пожалел нас вчера.

Через пару минут путем осторожных расспросов я выяснил: Коваль полагал, что, будучи воем (то есть – воином), я вполне мог перебить их всех и взять все необходимое безо всяких договоров. Тем более, я – человек чужой. Был бы свой – пришлось бы отвечать перед здешними властями. А чужой пришел и ушел. Никакой ответственности.

– Зря людей не убиваю, – сурово произнес я.

Признаться, я в своей жизни еще вообще никого не убил, но говорить об этом не стоило. Что-то подсказывало: не поверит абориген. В этом диком обществе воин, который никого не убил, – неправильный воин.

– Это по Правде, – одобрил Коваль. – Людинов убивать – виру платить придется. Где тут выгода? – подумал немного и предложил: – Ряд наш, ежели хочешь, можем расторгнуть. Я ведь не знал, когда рядились, что ты – вой.

– Я знал, – веско произнес я. – Так что уговор наш в силе.

От своего плана пожить здесь и осмотреться я отказываться не собирался.

Работенка для меня нашлась. И не сказать что легкая. Пни корчевать. Рачительный хозяин, Коваль готовил поле под пал тщательно. Неоднократно повторял (то ли у него привычка была такая, то ли обычай здешний – талдычить одно и то же), что плохие хозяева пни не корчуют, а выжигают, обложив хворостом. Поэтому у них рало цепляется за корни, берет неглубоко и урожайность никудышная. Хороший хозяин должен пеньки дергать.

И мы дергали. Причем не голыми ручонками, а самой настоящей лебедкой. Правда, вместо зубчатой передачи выступало круглое полешко с крестообразной ручкой, на которую наматывалась толстая просмоленная веревка, однако даже этот нехитрый механизм позволял создать усилие тонны в полторы. Я было удивился такой продвинутой механизации, но вовремя

вспомнил о разных боевых машинах, в которых тот же принцип использовался уже не один десяток веков.

Работали мы втроем, и из нас троих я был самым хилым. А ведь до сих пор считал свою физическую подготовку весьма выдающейся. Молоденький Квашак перебрасывал на волокушу десятипудовое бревнышко, даже не крикнув. А Коваль был вообще монстром. Казалось, он мог выдергивать из земли пни безо всякой лебедки. Ручищи – как клещи. Наблюдая за этой парочкой, я начинал думать, что былины о чудо-богатырях основаны на реальных событиях. Это ж если здесь простые деревенские мужики такой силищи, то каковы настоящие богатыри?

Хотя сила силой, а в борьбе я Квашака делал. Ему не хватало резкости и быстроты. И знания приемов, естественно. Но готов поспорить: окажись он в секции вольной борьбы, то годика через четыре до мастера спорта дорос точно.

За пару недель мы закончили расчистку, выпололи подрост (деревья свалили и обрубали сучки еще зимой), повыдергивали корни и приготовили вырубку к очистительному огню. Здоровая работа на свежем воздухе мне, пожалуй, понравилась бы, не будь она такой однообразной.

Зато я походя получил немало полезной информации о здешних обычаях. Моя неосведомленность Ковалья не удивила. Я же чужак.

По утрам, пока руки еще не гудели от усталости, я упражнялся с луком. Лук был деревянный, простой, но из хорошо подготовленного дерева, с вошеной жильной тетивой. Уступая в легкости и удобстве спортивным образцам, он существенно превосходил те самоделки, которые я встречал у реконструкторов. И был в разы мощнее. Послать стрелу на сто шагов при известном навыке было нетрудно. Другое дело, что выстрелить – не значит попасть.

Навыки у меня были. Техника – на приличном уровне. Стрелял я из самых разных луков. Из современных, браунинговских. Великолепные игрушки, кстати. Вес – два кило. Куча примочек: прицелы, релисы (это приспособы для удерживания и спуска), гасители вибрации тетивы. Словом, все удобства. Начальная скорость стрелы – триста метров в секунду. Результат, вполне сравнимый со скоростями пуль гладкоствольных охотничьих ружей. А вот результативность «браунингов» не идет ни в какое сравнение с оружием наших (и не наших) предков. Дальность прицельного выстрела – максимум сто метров. И дело не в луках – при нынешних технологиях сварганить инструмент, из которого можно запустить метров на четыреста – никаких проблем. Стрелки не те.

А вот наши пращуры безо всяких хайтековских технологий били прицельно метров на двести. Мистика. С одной стороны. А с другой – полное слияние с оружием. Мастерство, называется. Я так умел – с железом. С луком – пока нет. Но знал, что могу научиться. Просто необходимости не было, а дело – долгое и трудное.

Луки старинные я всегда любил. Не меньше, чем клинки.

Самый старый и одновременно самый изысканный лук, который я держал в руках, был роскошным сложносоставным экземпляром турецкого образца. Настоящее произведение искусства. Стрелять из него, правда, владелец не позволял. Я его понимал: куплен данный паритет был за сумму, сравнимую со стоимостью «мерса».

Словом, кое-какой опыт у меня имелся. Было и понимание: чтобы метко стрелять (все равно – из лука или из пистолета), надо стрелять регулярно и помногу.

Когда листья на деревьях начали желтеть, я уже вполне мог посоревноваться с Квашаком. Развлечения и практики ради я принялся обучать его работе с шестом – работа с «тенью» полезна, но даже слабенький партнер все равно лучше. Квашак проявил немалые способности. Более того, у него обнаружили первичные навыки работы с копьем. Батя научил, пояснил парень. Батя умеет. Естественно, Коваль же служил в армии. То есть – в ополчении, по-здешнему.

Я очень скучал по настоящему оружию. Скучал по своей изрядной коллекции (кому, интересно, она досталась? Если матушке, то разбегутся мои любимые по аукционам), скучал по властной тяжести настоящего клинка, по грозной песне рвущего воздух железа, по потрясающему ощущению полного слияния с оружием, когда клинки для тебя – то же, что пальцы для пианиста.

Дни сменялись днями, почти не отличаясь друг от друга.

Я понемногу привыкал к этому миру.

Такая привычка была необходимостью. Здешняя мораль заметно отличалась от той, к которой я привык. И от той, которая, по моим представлениям, должна была царить на Древней Руси.

Например, оказалось, что к наготы здесь относятся примерно как в Японии. Или в финской бане. То есть в нашей реальности девушка, встретившая в лесу чужого голого мужика, расставляла акценты так: чужой *голый мужик*. А здешняя – *чужой* голый мужик.

Да, к этому надо было привыкнуть. Например, когда супружница Ковалья, справив нужду на краю поля (технически это было несложно: только подол задрать – трусов еще не придумали), без малейшего стеснения, с задранными же до пояса подолом проследовала к ручейку и осуществила необходимые гигиенические процедуры, я, зрелый, небрезгливый и в меру циничный мужчина эпохи постсексуальной революции – был несколько шокирован.

А вот если бы она заплела волосы в одну (!) косу, как это делала Быська, то я бы и внимания не обратил. А между тем было бы это очень серьезным нарушением обычаев. И была бы она нарушительница безжалостно бита супругом.

Еще занятнее здешняя семейная иерархия.

На первом месте стоял, естественно, сам Коваль. На втором – его отсутствующий старший сын. На третьем – Глада, жена старшего сына. И лишь потому, что была беременна, возможно, мальчиком. Дальнейший ее статус зависел от пола ребенка. Родит первенца – будет в почете и уважении. Родит девочку – упадет на уровень земляного пола. Родит кого-нибудь еще (не смейтесь, этот вопрос всерьез рассматривался Ковалем) – выгонят бедняжку из дому в дремучий лес. На четвертом месте располагался Квашак (был бы женат, переместился бы на третье), на четвертом – Быська. А вот ее мамаша Трушка оказалась в самом конце списка. Как пояснил мне Квашак – потому что не была настоящей женой. Вот его покойная мать, та – да. А Трушку отец взял на птичьих правах. Без приданого, без правильного обряда – чисто для хозяйственных и плотских нужд. Потому что это было дешевле, чем купить рабыню. Однако Трушка считалась свободной, и, будь у Ковалья обельные холопы (рабы то есть), они оказались бы еще ниже.

Довольно-таки странно складывалась и моя сексуальная жизнь. Периодически я был посещаем Быской. Ее мозолистые ручки ласкали меня и так и эдак. Никаких табу. А вот мне разрешалось немного. Например, я не мог ее раздеть – ласкать разрешалось исключительно через ткань нижней рубахи, очень уместно называемой срачицей. Прямой доступ был закрыт. Эта самая срачица была Быскиными доспехами, кои снимать не полагалось. Я не особо настаивал. Черт знает, как отнесся бы к моим поползновениям спавший в нескольких метрах Квашак. Ни его, ни Быську обижать не хотелось. Хотя эти однообразные игры уже начали мне надоедать. Да и сама Быська – тоже. Нежно-лирических чувств я к ней не испытывал. Да и откуда бы они взялись? Простая деревенская девушка с упруго топырящимися сиськами и крепкой попкой. Румяная юная блондинка... Можно ли такую полюбить? А можно полюбить, скажем, картошку с грибами? Черт! Картошку-то я как раз любил с детства. Но отныне эта любовь – неразделенная. Брюква и репа – вот мой скорбный удел. Горе мне, горе!

Глава шестая, в которой на сцену выходят нехорошие дядьки без моральных ограничений

Я как раз собирался ополоснуться (стволы тягать – дело грязное), когда из-за мыска выплыла лодка под прямым парусом. Я прищурился: в лодке, кажись, четверо. Но подгребают двое. И идут точно сюда.

Я свистнул. Первым примчался Снежок. Лодку обнаружил сходу. И загавкал. Чуть позже появился Квашак с луком. Почему с луком – понятно: угадал по бреху собачьему: чужие на подходе.

Последним – Коваль с копьем.

Так мы стояли и ждали, пока лодка не подошла к берегу. Парус упал. Еще раньше на мостки соскочил ладный, плечистый мужик с мечом у пояса.

– Здрав будь, Коваль!

– И тебе здраву быть, Клыч, – без особой радости произнес хозяин территории.

Закрепив лодку, на мостки выбрались остальные. Рожи – чисто разбойничьи. На троих – пять глаз и пять с половиной ушей. Бывалые хлопцы. И туда, где они бывали, мне как-то не хотелось.

– С чем пришел? – сумрачно спросил Коваль.

– А ты, вижу, не рад мне, огнищанин? – с этакой наглечей в голосе поинтересовался гость. Ох и знакомая интонация. По *той* жизни знакомая. Там это называлось «пробивка».

И особый, скользкий взгляд, которым Клыч прошелся по нам, сразу срисовав и оружие, и расположение, мне тоже был знаком. Чуть дольше взгляд этот задержался на Квашаке. Вернее, на его луке. Выделил, так сказать, самое опасное звено. А вот меня, похоже, оценили недорого. Оно и понятно: стати у меня средние, а одежда – нищему впору. Вдобавок – замызганная. Неавторитетный вид.

Клыч глянул поверх наших голов – нет ли еще кого, опасного... и вдруг широко осклабился. Я оглянулся... Понятно. Это он Быську увидел.

– Подросла твоя девка. Небось женихов уже ищет?

Остальные загоготали.

– А то, может, мы поженихаемся? – хрюкнул полутораухий. – Мы можем!

Скосив глаза, я увидел, как побелели пальцы Квашака, сжимавшие лук.

Я прикинул расклад. Меч был только у главаря. У остальных – длинные тесаки и топоры. Были и луки, но остались в лодке. Однако у двоих гостей на поясах я заметил кармашки, а в кармашках – метательные ножи. И лапки шаловливые они держали так, что выхватить и метнуть – секундное дело.

Знать бы еще, насколько умело они управляют со своим киллерским инвентарем...

– Разве так встречают гостей? – с легкой угрозой произнес Клыч. – Разве это – по обычаю? – И вознамерился сбежать с мостков на берег, но у него на дороге оказался я. Все-таки у него меч, а у меня – так себе ножик. Самое время сократить дистанцию.

Клыч, похоже, такого не ожидал. По крайней мере – от меня.

Мы померялись взглядами. Боковым зрением я отметил, как Клыч положил руку на головку меча, и едва заметно усмехнулся – уголком рта. Ну, давай, рискни здоровьем!

Клыч, само собой, заметил и то, что я отметил его жест. И мою реакцию – тоже.

Вертикальная складка легла меж его белесых бровей: задумался, орелик. Блефую я – или впрямь настолько крут, что готов встать против человека с мечом?

Мой затрапезный прикид его обнадеживал. Вдруг я такой дурень деревенский – не понимаю, что такое меч? Такой вывод был бы для меня идеальным. Когда тебя полагают дурнем, это сильно упрощает задачу.

Но нет, Клыч этот, судя по роже и выправке, – матерая сволоочь. Опытная. Битая. Следовательно, противника оценивает не по порткам грязным, а по постановке, по динамике... А главное – по выражению глаз...

А глаза у меня в такие мгновения хорошие. Правильные. Этакие дырочки с нарезками. Как нутро автомата Калашникова.

Троица позади вожака реготать перестала. Угадала по напрягшейся позе лидера, что происходит переоценка ценностей.

Помочь ему они не могли. Мостки узкие, а спина у Клыча – пошире моей. От броска закрывает стопроцентно.

Оп! Соскочила пружинка! Уступил Клыч. Не рискнул. Это еще не значит, что не пойдет на конфликт в более благоприятной обстановке, однако во второй раз будет труднее. Психологически. Он ведь уже признал во мне если не более сильного, то по крайней мере – равного. Значит, будет осторожен. Я эту породу знаю. Хищники, они нападают только при явной уверенности в собственном абсолютном превосходстве. Оно и понятно. Волк с откушенной лапой – считай, покойник.

– Коваль, это кто у тебя такой храбрый? – через мою голову (благо рост позволял) поинтересовался Клыч.

Моя усмешка стала чуток пошире.

Хотел ты, дружок, лицо сохранить, мне презрение выразить, а получилось наоборот. Словно у меня самого спросить побоялся.

– Гость, – ответил Коваль не без напряжения в голосе. Он не видел моего лица и не мог оценить, чем закончилось противостояние. – Силой зовут.

Это правильно. Не сказал, что считает меня воином (козырь в рукаве), и имя мое заменил на более «солидное». Последнее, как выяснилось, Коваль сделал по другой причине, но об этом – позже.

– Может, пропустишь меня, Сила? – осведомился Клыч. – По добру...

– По добру – это можно, – согласился я. Но с места сдвинулся только тогда, когда Клыч убрал лапу с меча. А он убрал. И это видели все, включая его дружков. Драка отменялась. Или откладывалась...

Проходя мимо, Полтора Уха, постарался поддеть меня плечом.

Я сделал вид, что готов встретить толчок с максимальной жесткостью, но в последний момент чуть уклонился. Полутораухий потерял равновесие, попытался уцепиться за меня, но я опять уклонился, и лететь бы ему с мостков в озерную ряску, если бы я не поймал его... за шкуру. Оформлено было красиво – как на показательных выступлениях. Выглядело так, будто мужик потерял равновесие, взмахнул руками, аки петушок – крылышками, и не шлепнулся в воду только благодаря мне. Никто и не догадался, что – подстава.

Заржали двое. Квашак и шагавший за Полтора Уха одноглазый.

– Ножки не держат? – заботливо поинтересовался я. – Укачало?

Одноглазый заржал еще громче, Полтора Уха побагровел, рванулся из шкирочного захвата, разворачиваясь к обидчику. То есть – ко мне. Я препятствовать не стал. В нужный момент отпустил и даже подтолкнул самую малость.

Воздух – плохая опора, а до меня Полтора Уха не дотянулся. На мощное «Плюх!» обернулся Клыч.

Полтора Уха копошился у берега. Одноглазый ржал так, что аж присел.

Когда перемазанный в иле Полтора Уха воздвигся над водой, смеялись уже все, включая Ковалю и Быську.

Один из спутников Клыча протянул Полтораухому руку, помог вылезти на мостки и, глядя на мокрую, перемазанную в иле физиономию приятеля, аж задохнулся от хохота. Ему-то и досталась плюха, предназначенная, надо полагать, мне.

Молодецкий удар сбросил весельчака с мостков, но упал он не как мешок с удобрениями, а достаточно ловко – на ноги.

Тут же вскочил на мостки (я отметил его отменную ловкость и координацию), ухватил Полтора Уха за рубашонку и с бешеной силой ударил лбом в лицо. Нос Полтораухого громко хрустнул. Толчок – и Полтора Уха опять барахтается во взмученной воде.

Ага, а это уже серьезно!

Облепленный водорослями, полуослепший от тины и ярости, Полтора Уха летел на меня, воздев над головой топор... Я не стал возмущаться: «Почему на меня? Это же не я ему нос сломал!» Приготовился и ждал, представляя, как эффектно Полтора Уха сверзится с мостков в третий раз.

Но осуществиться этому гордому полету было не суждено.

Клыч шагнул вперед и подставил ногу...

Полтора Уха кувыркнулся наземь, но сразу вскочил. Топорика своего он не потерял. Но боевой пыл разбился о клинок Клыча, упершийся Полтораухому в горло.

Шарик сдулся. Полтора Уха сунул топорик за пояс и побрел к дому.

Клыч вернул меч в ножны и чуть качнул головой: мол, не принимайте близко к сердцу. Мальчик уже исправился.

Я тоже чуть кивнул. Очень спокойно. Хотя внутри спокойствия было немного.

Эта маленькая сцена с прыжками и кульбитами показала многое. Во-первых, недюжинную подготовку Клыча и его спутников. Во-вторых – мою собственную (к счастью, известную пока только мне самому) слабость. И Полтораухий, и Клыч, и все в его команде имели передо мной очень серьезное преимущество. Оно заключалось в том, что это были воины, а не спортсмены. В отличие от меня, они ни на секунду не задумывались, какой урон они причиняют противнику. Собственно, у них не было противников. У них были только враги. И они не состязались. Они убивали. Убивали уже много лет. Эффективно и неоднократно. А я, гуманное дитя двадцатого века, до сих пор «убивал» лишь макеты, имитации и прочий тренировочный инвентарь. Черт! Это могло стать серьезной проблемой. Очень серьезной!

Глава седьмая, в которой герой обедает в обществе местных разбойников

За столом было тесно. Пятеро гостей занимали раза в два больше места, чем домочадцы Ковалья. Как-то они так по-особому растопыривались на лавках, что на каждого приходилось чуть ли не по метру. Поэтому они занимали всю лавку целиком, а я, Коваль и Квашак – примерно треть лавки напротив. Вели себя гости нагло. Щипали за разные места прислуживавших за столом Быську и Гладу. На то, что последняя беременна, им было плевать. О приличных манерах и речи не было. Гости рыгали, шумно портили воздух, норовили схватить лучший кусок... Даже Полтора Уха, чей нос распух до размеров груши, выказывал волчий... нет, скорее свинячий аппетит. Исключение на этом празднике голодных хрюшек составлял только сам Клыч. Предводитель разбойников ел на удивление деликатно. Крохотными кусочками и только с общего блюда.

Правда, один приятный момент гости за стол все же привнесли. Бочонок пива.

Не сказать, что какое-то особо выдающееся, но это было первое местное пиво, которое я попробовал. И не отказался бы делать это почаще.

По ходу застольной беседы выяснилось, зачем приехали добры молодцы. Клычу надо было починить и подогнать кольчугу.

Оная кольчуга была выложена на стол и осмотрена Ковалем.

– А что, в городе кузнецов больше нет? – Хозяин с подозрением посмотрел на Клыча.

Тот стыдливо потупился.

– А что, – поинтересовался Коваль. – Бирючи⁶ про это кольчугу ничего не кричали?

– Ты-то ничего не слыхал, разве нет? – буркнул Клыч. – Я тебе за работу гривну серебром дам.

Гривна, гривна... Это, насколько я помнил, такая штуковина, которую на шею вешали. Выходит, это еще и платежное средство.

– Половину – вперед! – потребовал Коваль.

Клыч привстал, полез куда-то в штаны, повозился и извлек на свет большую квадратную монету желтого металла. Золотую, то бишь.

– Сойдет? – спросил он.

Коваль взял универсальный эквивалент, взвесил на ладони, попробовал на зуб...

– Сойдет. Через две седмицы приходи.

– А может, мы у тебя на огнище поживем-подождем? – предложил Клыч. – Зверя бить поможем?

– Нет! – отрезал Коваль.

– Нет так нет, – неожиданно легко согласился Клыч. И встал из-за стола. Его братки – тоже.

Я увидел, как Квашак тискает под столом нож, и на всякий случай приготовился пихнуть стол на опасных гостей. Хорошо, женщин в комнате уже не было...

Опять обошлось.

Клыч вполне вежливо поблагодарил за хлеб-соль, и вся банда вывалилась во двор.

Одноглазый прихватил бочонок, в котором булькало еще литра три-четыре. Я счел это хорошим признаком. Если планируют напасть, зачем забирать пиво?

⁶ Бирюч, он же глашатай, он же вестник... Словом, тот, кто в стародавние времена заменял СМИ, если требовалось довести до населения общественно полезную информацию. Например, объявить кого-нибудь в древнерусский розыск.

Разошлись без эксцессов. Опасная компания погрузилась на лодку и отправилась восвояси.

Это и еще малая толика алкоголя в моей крови привели меня в благодушное настроение. Квашак тоже расслабился: сбросил тетиву с лука и убрал его в кожаный чехол.

А вот папаша его что-то забеспокоился: топтался на мостках, выглядывая маршрут Клыча сотоварищи.

– Что-то не так? – спросил я.

– Мне этот Клыч известен, – проворчал Коваль. – Ему и семнадцати не исполнилось, как вече его к вире приговорило за смертоубийство. Отец его виру заплатил. Он купцом был не из бедных. Год спустя сгинул в чужих краях со всем товаром. Двор его хотели за долги забрать, но муж Клычовой сестры откупился за тестя. Однако с Клычом они не ладили, и новый хозяин шурина указал на ворота. Правда, выходное дал: бронь и коня. С тех пор о Клыче хорошего не слыхали. Говорили, одно время он в отроках у туровского князя ходил. Потом ватагу сколотил, но на разбое не поймали ни разу. Однако та кольчуга, которую он мне оставил, явно с убитого снята.

– Погоди, Коваль! – перебил я. – Кольчуга – вещь редкая и дорогая...

– Так и есть. Эта, правда, не из лучших, но и за такую на торге не менее трех гривен дадут. А поправить ее – и половины норегской марки много будет. Не просто так ее Клыч мне привез, а не к городским кузнецам. Видать, знают там, кто ее прежний хозяин.

Город, город... Надо бы о нем расспросить поподробнее. Не все же мне в сельской местности обретаться.

Но спросил я о другом:

– А почему бы тебе не отвезти эту кольчугу в город и не выяснить, с кого ее Клыч снял? Тут бы его и ущучили!

Коваль замотал головой:

– Толку не будет. Мы же не видели, как он убивал. Его спросят, он скажет: купил. Иль у татей отнял. А то и вовсе откажется. Крикнет, что я его оклеветать хотел. Ему пред богами лжу говорить – не впервой. А потом живи и жди: когда Клыч мстить придет.

Резонная точка зрения. Да и гривна обещанная, как я понимаю, лишней не будет.

– Что же тогда тебя беспокоит, Коваль?

– Поплыли они к огнищу Дубишка. Как бы худо не сделали?

– Так чего же мы ждем, батя? – Квашак услышал и забеспокоился. – Давай пособим, а?

– Пособник... – проворчал Коваль. – Таких, как ты, Клыч пальцем давит. Может, и обойдется. Дубишко нам не родич. Пускай сам.

– Как же не родич! – воскликнул Квашак. – Забыл, что Дубишкину младшую сам за меня сговорил! Ну как нехоршее ей сделают?

– Ну, сделают, – пробормотал Коваль. – Что же, мы тебе невесту не отыщем?

Но я чувствовал, как мужик колеблется. Совесть спорила с осторожностью. Я не вмешивался. Мне этот Дубишко вообще до фонаря.

Совесть, похоже, победила.

– Пособим, – решил Коваль. – Сын, давай за веслами.

Обрадованный Квашак побежал к сараю, а Коваль повернулся ко мне.

– Не одобряешь? – спросил он.

Я пожал плечами: мол, не мое дело.

– Значит, с нами не пойдешь, – Коваль не спрашивал, констатировал факт.

Нечестный прием. Против Клыча и его банды Коваль с сыном вряд ли выстоят. Другое дело – и втроем мы не факт, что справимся. Разве что внезапность нападения поможет. Однако если за какого-то Дубишка мне рисковать не резон (а риск есть – игра тут идет по-взрослому,

вон, хозяин рваной кольчуги – тому свидетель, мертвый, что характерно!), то с Ковалем и Квашаком я из одной миски ел. Нехорошо их вот так кинуть...

Мысли эти, надо полагать, легко читались на моей мужественной физиономии, потому что в глазах Ковалю блеснул живой огонек:

– Или пойдешь?

– Пойду, куда я денусь. Только оружие бы мне подходящее... Как-то неуютно – с палкой против железа.

– Оружие есть! – Мой гостеприимный хозяин явно обрадовался. – Хорошее оружие! Зря, что ли, меня Ковалем кличут!

Глава восьмая, в которой выясняется, почему коваля зовут Ковалем

Это была кузница. Самая что ни на есть настоящая. С горном, наковальней и полным набором инструментария. Имелись также и мехи: примитивные, ручные. Снаружи, у входа, лежало несколько условно круглых каменюг, в которых я не без умственного усилия (никогда ведь не видел) угадал так называемые крицы – заготовки из сырого железа. Продукт древнейшего, домашнего, так сказать, доменного производства. О последнем я знал чисто теоретически, от своих приятелей-кузнецов, коих в прежней жизни было немало. Положение обязывало. Да и молотом помахать было интересно. И полезно. Получше, чем в тренажерке гири тягать.

Теперь стало понятно, почему у Ковалья такое говорящее прозвище и почему именно ему заезжие бандюганы-разбойнички привезли ремонтировать кольчугу. И откуда у папы с сыном такой богатырский плечевой пояс, тоже понятно.

Не дожидаясь приглашения, я откинул кожаный полог-дверь и шагнул внутрь.

Коваль за моей спиной крикнул. Я оглянулся: что не так?

– Заходи, заходи, – он подтолкнул меня в спину. – Ты по роду храбрый или наговор знаешь?

– Наговор?

– В кузню заходишь – как в овин. Или у тебя с Хозяином Огня уговор?

Я ни хрена не понял и неопределенно пожал плечами.

– Не хошь – не говори, – разрешил Коваль. Этак с пониманием. Знать бы еще, что он такое понимал.

Коваль сунул мне в руки предмет, похожий на толстую тятку. Сам взял такой же:

– Подсоби-ка...

Этими рычагами мы с двух сторон поддели здоровенную (тонны на полторы) каменюгу в углу кузни и сдвинули в сторону.

Под ней обнаружилась схоронка. А там – настоящий клад: несколько шлемов, латы, наконецники копий, десяток ножей, килограммов пять разнообразных наконечников для стрел, всякая мелочь. Все густо смазано жиром и проложено сухими деревяшками. Отдельно покоились дюжины две разнообразной формы свертков из просмоленного холста. Надо полагать, самое ценное.

Коваль выбрал четыре упаковки подлиннее. Развернул.

– Выбирай!

Передо мной лежали четыре меча примерно одинаковой формы, незначительно отличавшиеся размерами клинков и рукоятей. Никаких изысков и украшений. Простые и незамысловатые орудия убийства.

Я последовательно подержался за каждый. Выбрал тот, где лезвийная кромка была лучше проработана. Клинок был так себе: посредственной гибкости и тяжеловат. Правда, баланс неплохой. Хотя рукоять для меня тонковата. Но это дело поправимое.

– Вижу, не нравится тебе моя работа, – не выдержал наблюдавший за моими манипуляциями и скептической физиономией хозяин имущества.

Я неопределенно хмыкнул. А чего он ожидал? Восторженных охов? Хотя, если мне память не изменяет, даже такие кое-как откованные и закаленные мечи по здешним меркам – немалая ценность.

– Да нет, подходящие. Я этот беру, только рукоять подмотать надо. И ножны подобрать. И я бы жало довел – туповато.

Теперь хмыкнул Коваль.

– Подмотаем, подберем, доведем, – проворчал он. – Бронь выбирай.

– Обойдусь.

Для того чтобы в этом железе биться, навык нужен. Кольчужку бы я взял, но не предлагали. Так что придется в защите обойтись вот этим открытым шлемом... Я прикинул по голове – нормально. На войлочный колпак сядет хорошо.

– Вот это я возьму, – я обнаружил в куче разностей связку метательных ножей на кожаной перевязи. – И вот это! – Я примерил по руке короткий нож с крепкой крестовиной. Удобная вещь. И в ближнем бою хорош, и удар клинка отвести можно – выдержит. Еще бы к нему хорошую латную рукавицу... Но таковой не наблюдалось. Разве что – в свертках. Но раз хозяин не предложил, значит – не предложил. И так недурно приборахлился.

– Давай, поторапливайся, – буркнул Коваль.

Мой взгляд упал на стоящие в углу валенки с кожаными нашлепками.

– Мне бы еще обувь...

– Дома сапоги тебе дам. Пошли, на пир опоздаем!

Тем не менее в лодку мы погрузились только часа через полтора. Пока я подогнал амуницию, пока Коваль отдавал домочадцам последние наставления, пока отец с сыном вооружались... Оружие у них было интересное. У Коваля – уже известное мне копье с полуметровым наконечником и боевой молот(!) на ремешке. У Квашака – окованная железом дубинка и топор. И лук, само собой. Оба нацепили шлемы и броню. Квашак – что-то вроде кирасы, а Коваль – кольчугу с пластинчатыми плечами и щитком на груди. Кстати, щит он тоже взял.

Вот так, оснастившись по-взрослому, мы уселись в лодку и поплыли вершить справедливость.

Глава девятая, *в которой герой получает боевое крещение*

Хутор Дубишка располагался на противоположном конце озера, упиравшегося в болото. Хорошее болото, сообщил мне Квашак. Много дикой птицы. Но главное, именно там брали «железную землю» – руду для выплавки железа.

К тому времени, как мы добрались до места, совсем стемнело. Безжалостно жрали комары. Коваль с отпрыском не обращали на них внимания. Я тоже... старался.

Лодка была простенькая – долбленка. Но – ходкая и неплохо оборудованная: скамейки, большой сундук на корме, гнездо под мачту и сама мачта, принайтованная к борту. Уключины, правда, были кожаные, но за весла меня все равно не пустили. Не доверили. Гребли отец с сыном на пару, да так, что весла гнулись, а за кормой вскипал бурунчик. Тем не менее наш водный путь занял не меньше часа. Однако даже в темноте с верного направления сбиться было невозможно: примерно на полпути мы услышали первый пронзительный вопль. Затем вопли повторялись с огорчительной периодичностью. Квашак ругался, поминая неизвестных мне животных и загадочные, но, видимо, очень неприятные болезни. Коваль сначала помалкивал, потом процедил сквозь зубы:

– Попались, дурни! Нет бы в болото убежать! – И разъяснил специально для меня: – У Дубишки дом укротно стоит. Рядом с болотом. По тому болоту, ежели троп не знать, трудно идти. Я думал – уйдут они. Жаль, ошибся.

– А может, все же ушли? – предположил я. – Мало ли кто кричит?

– Смеешься? – злобно спросил Квашак. – Ишь в ваших краях каленым железом не пытаются?

Я смолчал. Но осведомленность Квашака мне не понравилась. Не исключено, что я недооценил жестокости здешних нравов.

Незадолго до цели (пытуемый уже не вопил – был) Коваль с сыном сбросили скорость. Темень была – хоть глаз выколи. Однако они ухитрились не только разглядеть причальные мостки, но даже подойти к ним практически бесшумно.

По ту сторону мостков виднелось что-то темное.

– Клыч... – прошипел Коваль. Надо полагать, опознал плавсредство.

Я перелез на мостки, постаравшись сделать это как можно тише. Сапоги были мне изрядно велики, но я поддел две пары толстых шерстяных носков, выделенных мне Трушкой, и они сели нормально, не хлопали.

Квашак рядом громко сопел. От него пованивало потом.

Коваль придержал его за локоток, прошептал:

– Не бойсь. За нами пойдешь. В сечу не лезь. Бей издаля стрелами.

Квашак сразу перестал сопеть. Видно, и впрямь боялся.

А у меня страха не было совсем. Только азарт. Меня не оставляло ощущение театральности...

...Которое вмиг развеялось, когда мы увидели происходящее.

Посреди лужайки перед домом был разведен большой костер. На огне весело булькал котел. Вокруг разместились трое: Клыч, Полтора Уха и еще один, ражий детина с копной сроду нечесаных волос. Двое других «клычовцев» отсутствовали. Хотелось верить, что их прикончили. Но вряд ли. Неподалеку от костра лежали тела двух мертвых собак и труп (что труп, я понял сразу) мужчины. Другой мужчина, раздетый догола, бессильно обвис на перекладине коновязи. Полтора Уха кошеварил: помешивал варево длинной ложкой, принохивался, бросал в котел какие-то травы... Время от времени он брал копьё, наконечник которого покоился на углях, и, не вставая, тыкал им в живот подвешенного. Мужчина начинал биться и хрипеть.

– Чего ты артачишься, – спокойно, даже сочувственно проговорил Клыч. – Сейчас баб твоих приведут, все равно узнаем. Скажи по-хорошему, где денежки, и не будем тебя мучить. Пытаемый что-то пробормотал.

Клыч поднялся, подошел к нему, взял за волосы, задрал голову, послушал некоторое время, потом разжал пальцы, и голова бедняги бессильно упала на грудь.

– Дубишко ты и есть, – сказал он. – Тупой, как дубина. Коли начнем мы тебя спрашивать по-настоящему, тогда уж точно за Кромку пойдешь. Сам подумай: кому нужен раб-калека? Бургала, скоро уже? Я голоден!

– Голоден он... – проворчал Полтора Уха. – Надо было у кузнеца поесть. Я вот поел.

– А если бы опоил он нас? – вкрадчиво поинтересовался Клыч. – Он же кузнец, колдун. Ему отраву в яства подмешать, как тебе дикого луку в уху добавить. О! Кажись, идут!

На лужайке появились новые персонажи. Две мелкие коровенки, пара коз, три расхристанные женщины, шестеро детишек разного возраста, в просторных, явно перешитых из взрослых, рубахах. Завершал цепочку пленников мелкий, порядком замызганный мужичок. Сопровождали эту компанию двое уже известных мне персонажей: приятели Клыча.

При виде грустной процессии подвешенный мужчина глухо застонал. Одна из женщин, вскрикнув жалобно, будто чайка, кинулась к телу убитого. Нечесанный, не вставая, пнул ее ногой.

Женщина упала навзничь.

Квашак рванулся вперед, но Коваль перехватил его, прошипел чуть слышно:

– Ты – сзади...

Нечесанный тем временем встал, наклонился и сильным рывком задрал ей платье...

– Не замай! – строго сказал Клыч. – Твоя очередь последняя, молодой!

– Ну так бери ее! – раздраженно бросил нечесанный, пихнув лежащую носком сапога.

– Сядь! – рыкнул Клыч. – Еще раз скажешь мне, что делать, я тебя самого возьму! Сначала поедим. Затем с кладом разберемся. Бабы – потом.

– А рожон свой, молодой, можешь на козе испробовать, – посоветовал одноглазый, с интресом принюхиваясь к содержимому котла. Загоготали все, кроме нечесаного и Клыча. И, естественно, пленников.

По приказу Клыча одна из теток подоила корову. Главарь преступной группы с удовольствием пил молоко.

Котел тем временем сняли с костра, разбойники извлекли ложки... Женщины сбились кучкой, даже не пытаясь убежать... Мелкий мужичок держался в стороне...

Я легонько толкнул Ковалья.

Лучшего момента не будет.

Злодеи уселись вокруг котла, оставив место для Клыча. Тот вынул ложку, присел на корточки, зачерпнул...

Вот тут я и рванул...

Бежал я очень быстро, но все равно стрела меня опередила. Хороший выстрел: нечесанный захрипел, пытаясь выдрать стрелу из шеи...

«Лучше бы – Клыча...» – успел подумать я.

Но Клыч – уже вот он. Будто ждал.

Его меч вжикнул у меня перед носом, но сам я его тоже не достал: подпрыгнул, сукин сын!

Тут сбоку сунулся Полтора Уха. Очень кстати. Я метнулся влево, и мой давний недоброжелатель оказался между мною и мечом своего атамана. Рубанул топором сверху, с замаха – как дрова рубил. Только я ведь – не чурка березовая. Плавный уход еще левее, подальше от Клыча, и – х-х-а-а!

Я бил в полную силу. Не думая, что рублю человека. Так я бил бы тупым клинком по деревянной жердине. Нет, не зря я сам доводил острие... Ступню бандита отсекло чисто, даже в ладони не отдалось. Он еще валился, а я, уже с левой, метнул в Клыча короткий швырковый нож.

Он увидел бросок слишком поздно, попытался отбить мечом, но... есть! Ножик глубоко засел в предплечье правой руки главного оппонента.

Клыч будто и не заметил: толкнулся двумя ногами, прыгнул через своего вопящего дружка... И ему не повезло. Полтора Уха как раз махнул грабкой. Клыч зацепился совсем чуть-чуть... И промахнулся тоже совсем чуть-чуть... Его меч на каких-то пару сантиметров разминулся с моей шеей. А мой – нет.

К сожалению, напрочь голову я ему не снес. Клинок застрял в хребтине. Я рванул его изо всех сил, заодно бросив мертвого уже Клыча на Полтораухого, который, привстав, попытался пырнуть меня ножом...

Шестое чувство спасло меня от смерти. Одноглазый. Отличный выпад. Уходя от копейного тычка, я выгнулся так, что еще чуть-чуть – и встал бы на мостик.

Но тут же распрямился пружиной, перехватив копьё левой рукой, рванул на себя, толчком колена отбил в сторону щит и (все – на одном, слитном движении) принял Одноглазого на клинок. Вот теперь я наконец понял, что такое – убить человека.

Меч пробил толстую кожаную куртку с бляшками, мышцы живота и погрузился во плоть, снизу вверх, очень глубоко... Одноглазый рванулся, раскрыл рот, и оттуда потоком, как вода из трубы, прямо на меня хлынула кровь. Умиравший задрожал. Его рот, губы двигались, будто он хотел что-то сказать. Но вместо слов изо рта толчками выплескивалась кровь. Последняя дрожь, и он всей тяжестью обвис на клинке. От неожиданности я разжал пальцы... И остался без оружия.

К счастью, враги кончились. Почти. На ногах остался всего один. И ему было явно не до меня. Из оружия у него остался только щит, и Коваль добивал этот щит, методично круша его молотом. Сбоку, в отдалении, приплясывал Квашак с луком. Он тоже зря времени не терял – в боку противника Ковалья торчала стрела. Я наклонился, уперся ногой в грудь одноглазого и, поднатужась, вытащил меч. Из всех спутников Клыча он был мне наиболее симпатичен. Возможно, при ином раскладе мы могли бы стать друзьями... Пожалуй, мне было его жаль. Но раскаивался ли я? Вот уж нет!

Щит развалился. Коваль махнул молотом еще раз. Удар пришелся в плечо. Раздался отчетливый хруст... А потом еще один, когда молот пробил злодею висок.

Великая битва на хуторе огнищанина Дубишка, моя первая настоящая битва в этом мире, закончилась. Я остался жив. Это обнадеживало. Мои повоевавшие приятели из мира высоких технологий говорили, что многие салабоны гибнут именно в первом бою. Дальше – легче.

Кому – как... Полтораухому было совсем не легко. Оставшись без присмотра, он попытался уползти в кусты, но попался на глаза Квашаку и тот, радостно осклабясь, всадил ему в спину отцовское копьё. Потом перевернул Полтораухого (копьем же) и уколол еще раз. В живот. Погрузил неторопливо, провернул... Полтора Уха жутко закричал. Квашак осклабился еще шире...

Подошедший сбоку Коваль перехватил древко, нажал – и Полтора Уха отправился в ад.

– Ты что творишь? – сурово произнес он.

– Так я это... – Квашак смутился. – Они ж это...

– То они, а то – мы! – строго сказал Коваль. Выдернул копьё и подошел ко мне. – Целый?

– Вполне, – ответил я и тут сообразил, что в крови от подбородка до носков сапог.

– Тогда пошли трофеи делить.

Глава десятая

О снах и юных девушках

Заночевали мы здесь же: на хуторе Дубишка.

Сам хозяин пребывал без сознания. Может, оно и к лучшему, потому что выглядел он – краше в гроб кладут, а в качестве обезболивающего здесь использовался удар тяжелым предметом по затылку. Однако Коваль, осмотрев его, пообещал, что все будет хорошо.

В отношении Дубишкова брата такого сказать было нельзя. Это его труп лежал около костра. Остальное население хутора: жена Дубишка, его дочь, вдова брата и детишки – серьезно не пострадали. Мелкий мужичок оказался Дубишковым холопом. Рабом то есть. Он и выдал тайную тропку, по которой убежали женщины с детьми, когда один из мальцов углядел подплывающую лодку Клыча сотоварищи.

Дубишко с братом остались прикрывать отход. Вернее, они рассчитывали договориться. Зря рассчитывали.

Холопа женщины вознамерились убить, но Коваль не позволил. Сказал: вины не вижу. Ну да, выдал хозяев. Но не по собственной же инициативе, а когда поймали и пригрозили огнем. Я его себе заберу, заявил Коваль. Поглядел на меня: может, стану спорить? Я не стал. Мужичок, конечно, гад. Но крови мне на сегодня хватит. И в рабовладельцы пока не планирую. Пусть забирает.

Главным героем дня (вернее, ночи) все считали именно меня. Как же! Ведь это я завалил троих самых опасных членов банды.

Если судить объективно, мне повезло. Не зацепись Клыч за руку Полтораухого, еще неизвестно, чем бы все обернулось. У меня до сих пор перед глазами его прыжок...

Мог бы он меня достать? Пожалуй. Хотя у меня и были хорошие шансы уклониться, но тогда бы и я его не достал. И вполне мог бы схлопотать копьём в спину от одноглазого.

Словом, повезло.

В тот день я еще не знал, что такое везение – важнейшая составляющая здешней войны. Не поединка, а именно войны. В поединке, конечно, тоже бывают случайности. Подвернувшийся под ногу камешек, пролетевший мимо лица жук... Но когда противников вокруг много, роль случайности многократно возрастает. Задача опытного воина – отслеживать их и обращать себе на пользу.

Еще я не привык, чтобы мне кланялись. А кланялись низко и усердно. Впрочем, я на месте этих женщин тоже кланялся бы тому, кто спас меня от надругательства и рабской участи.

Однако благодарность и моральное удовлетворение не были главным бонусом этой войны. Трофеи – вот что главное.

Мне и тут досталась львиная доля. Во-первых, все, что нашлось на телах троих (Полтора Уха тоже вошел в мой список, хотя добил его не я) побитых мною головорезов. Это – оружие. Два боевых топора, пара щитов, три ножа и дюжина швырковых. Меч Клыча. Он был лучше того, что дал Коваль. Хотя бы потому, что лезвие из более твердого металла, чем основа, а дол шире и глубже, отчего и сам меч при тех же размерах почти на килограмм легче. В мою добычу вошли также три шлема, броня разной степени изношенности и качества – по-настоящему дорогой была только кольчуга Клыча. Мне она была великовата, но Коваль обещал подогнать. Еще была изрядная кучка драгметаллов в монетах и изделиях – граммов сто пятьдесят золота и килограмма два серебра. Одежда и прочее считалось мелочью, но одна из этих мелочей была мне особенно приятна: новенькие, почти ненашенные сапоги одноглазого из отлично выделанной кожи сели на меня как влитые.

Из общего имущества Коваль самой ценной посчитал лодку. Моя доля в ней была – две трети. Коваль предложил ее выкупить. Или наоборот, мне выкупить оставшуюся треть за мою долю от связки меховых шкурок, найденных в этой же лодке.

Считал кузнец очень скрупулезно, учитывал каждую мелочь, даже мешочек с гвоздями. Время от времени они с Квашаком устраивали консилиум по поводу стоимости того или иного предмета. Пытались втянуть меня, но я уклонился, заявив, что целиком им доверяю. Тем не менее процесс оценки и дележки занял больше часа, и, только разобравшись с имуществом, Коваль занялся ожогами Дубишка.

Затем мы с Квашаком ободрали покойников. Все, вплоть до нательных рубах, было передано женщинам для стирки, чистки и ремонта, а самих жмуриков отдали Водяному.

Выглядело это так: мы с Квашаком погрузили трупы на лодку, отплыли подальше от берега и побросали в воду. Хотя нет, не побросали, а отдали по всем местным правилам – Квашак каждому покойнику разрубил живот топором (малоаппетитное зрелище), каждого сопроводил напутствием, чтоб служил ДЕДУШКЕ верно и старательно, а в заключение произнес короткую речь к самому ДЕДУШКЕ. Суть ее сводилась к тому, что всякий подарок требует отдарка, и ДЕДУШКА, как Водяной с понятиями, несомненно это знает.

Завершив кормление нежити, мы приплыли обратно.

Пока мы хоронили чужих мертвецов, женщины обрядили собственного покойника. И уложили на столе посреди избы.

Так что ужинали мы на улице. Удивительно, однако отданный Водяному Полтора Уха оказался неплохим кулинаром. Еще удивительнее, что котел с ухой (я уже был в курсе, что ухой здесь называли всякий наваристый супчик) во время битвы не пострадал. Не пострадал и мой аппетит. Наверное, действовала окружающая среда. Лужи крови впитались в землю, запах смерти унес ветер. А кушать очень хотелось.

Спать мне предложили в избе, на почетной лавке, но я подумал, что общество трупа и стонущего Дубишки – не лучшее для путешествия в царство Морфея.

И отправился, как говаривали у нас в роте, «давить харю» в привычное место: на сеновал. Там, правда, уже разместился преступный холоп, но я цыкнул – и он смылся.

С ходу приснился кошмар: падающий на меня сверху Клыч. Во сне он-таки срубил мне голову...

Проснулся я в холодном поту... И услышал подозрительное шуршание. Потянулся было к ножу... Но принялся и расслабился, потому что отличить по запаху юную девушку от кровожадного мужика совсем не трудно.

А девушка была действительно юная, очень нежная и трогательно невинная, чем приятно отличалась от моей здешней подружки Бьськи. Я помнил, что девчонка вроде как невеста Квашака, но она была такая нежная, такая податливо-доверчивая... Словом, я не устоял. Даже и не пытался.

Надеюсь, ей тоже было хорошо. По крайней мере, я обошелся с ней бережно.

А когда она уснула у меня на плече, я понял, что нашел свое счастье. Нет, не эту милую девушку, хотя признаюсь, у меня уже очень давно не было таких ярких ощущений, и еще дольше – такой искренней и чистой любовницы. Я имею в виду счастье как таковое. То, которое возникает от полноты и осмысленности бытия.

Вскоре я уснул, и никаких кошмаров в эту ночь мне больше не снилось.

Хотя в будущем мрачная тень падающего на меня Клыча посещала не раз.

Что интересно: его одноглазый соратник не снился мне никогда.

Глава одиннадцатая, в которой герой знакомится с местным бытовым колдовством

Утром я подумал, что неплохо будет сделать моей ночной гостье подарок, но, пока думал, выяснилось, что подружка теперь не моя, а Квашакова. Более того, Квашак остается старшим на хуторе до тех пор, пока не поправится Дубишко.

А вот мы с Ковалем поплывем обратно. Я не спорил. Ковалю видней. Да и с Квашаком мы попрощались сердечно. Знал ли он, что я провел ночь с его невестой? Понятия не имею.

Возвращались мы на лодке Клыча. Свою оставили Квашаку.

Лодка была парусная. Парусом занимался новый холоп Ковалья, мужичок-предатель по прозвищу Завертыш. Коваль руководил. Я наблюдал, полагая, что в будущем навык «яхтсмена» не помешает. Озеро наше длинное, извилистое, если этот эпитет применим к озеру, и очень красивое. В него, как выяснилось, впадали две реки и «выпадала» одна. По той, что «выпадала», можно было добраться до города. Когда я попытался выяснить, как он называется, меня не поняли. Город и город. Там жил князь, там же находился рынок, на который ходили торговать с окрестных хуторов. Вокруг озера их было то ли пять, то ли шесть, не считая нашего. В городе же приобретались всякие полезные товары. Когда я спросил насчет дани (раз есть князь, значит, и дань должна быть), то выяснилось, что дани как таковой Коваль не платит. Данью князю кланялись те, кто жил на княжьей земле. Или те, кому нужен был княжий суд. Дань – это нечто обязательное. Другое дело – подарок. Подарки князю Коваль делал неоднократно. Равно как и подношения жрецам. Хорошим тоном считалось подарить что-нибудь и некоторым уважаемым горожанам. Последние, как правило, отдаривались. Доступ в город был свободен, но те, кто желал торговать, обязаны были заплатить пошлину, которая шла городскому руководству. Взамен город предоставлял торговцу набор сервисов: место, инвентарь, юридические услуги и т. д.

– Хочешь к нашему князю в дружину пойти? – Коваль сделал собственный вывод из моих расспросов. – Не советую. Князь у нас пришлый. Женился на дочери прежнего, а тот два лета назад ушел с чудинов дань брать, да так и не вернулся. Этого, нового, людины градские не очень-то хотели, но княгиня уж очень за него просила. Вот людь и согласилась. Да только проку от него – как с козла молока. Живет сам по себе, отдельным городком, татей по дорогам не ловит, в походы не ходит, одним только полюдем побирается. И дружина у него слабая. А ну как нурман придет? То-то городские наплачутся.

– А тебе-то чего? – подал голос холоп. – Чай, досюда не доберутся. Или родня у тебя в городе?

Я удивился. Не ожидал, что Завертыш вот так запросто вмешается в разговор. Раб все же. Однако Коваль воспринял реплику совершенно спокойно:

– Родни нет, – сказал он. – В Копыни у меня родня. Однако порушат город, с кем торговать буду?

– А на Ладогу поплывешь, – Завертыш уселся на нос и принялся чесаться. Делал он это так самозабвенно, что я сразу понял: безо вшей не обошлось.

Та же мысль пришла в голову и Ковалю.

– Приедем, весь волос тебе обрею.

– Не-е! – испугался холоп. – Не дамся я! Кто власы стрижет, тому удачи не будет!

– Больно у тебя удачи много, раб! – засмеялся Коваль.

– Какая ни есть, а все моя, – обиделся Завертыш. – Вишь, не убили меня намеднича!

– Потому не убили, что я не позволил! – отрезал Коваль. – Спорить будешь, так я те не волосы, а шкуру сниму!

Завертыш сник, нахохлился и просидел молчком весь оставшийся путь.

А я подумал: каков бы ни был князь, а надо мне в город ехать. Поближе, так сказать, к цивилизации. И в географии разобраться надо. Завертыш вот подкинул мне знакомый ориентир: Ладога. О Ладоге я слышал. Даже слышал, что их две. Новая и Старая. Копали там что-то археологи. И турнир устраивали в прошлом году, только я не поехал.

– Слышь, Коваль, а какой нынче год?

– Чего?

– Год, говорю, какой?

– Неплохой год, – ответил Коваль. – Рожь должна уродиться. И ячмень. Ежели кабаны не потравят, на зиму изрядно зерна запасем.

Понятно. Летоисчислением тут не утруждаются. Собственно, я даже не знаю, умеет ли Коваль писать-читать.

– Коваль, а ты читать умеешь?

– Чего? – еще один недоуменный взгляд.

– Ну, буквы знаешь?

Нет, не понимает он, о чем речь.

Дай Бог памяти: какая на Руси письменность была в древности? Кириллица? Но это вроде уже после Крещения, а тут сплошь язычники. До того, кажется, руны были... Или нет, руны – у скандинавов. У славян – резы...

– А резы читать умеешь?

– Какие еще резы? – Коваль глянул на меня уже не с удивлением – озабоченно. Все ли хорошо с головкой у воина Николая? Потом вспомнил, что я – чужак, и успокоился. Махнул рукой: мол, не задавай глупых вопросов.

– Давай-ка рыбки возьмем, – Коваль вытянул из-под банки сетку-мешок, в горловину которого были для жесткости вплетены толстые звериные волосы. – Закинем разок – на уху хватит.

Так и вышло. С первого же захода вытянули килограммов пять. И среди прочих – настоящего, пусть и маленького, с локоть, осетра. Да уж, богатая тут рыбалка. Неинтересно даже. Как по грибы ходить. Вышел на край вырубки, накидал по-быстрому в корзинку отборных боровиков и подберезовиков – и домой. Никакого азарта.

Азарт появился, когда мы приплыли домой. Коваль как в воду глядел: ночью, пока мы занимались миротворчеством, в гости к Ковалю заглянули кабаны. Ущерб был невелик: проломленная изгородь и пара разоренных грядок. Рейд был разведочный.

Однако Коваль не сомневался, что ночью дикая свинина придет к нам снова.

Вот и развлечение, о котором я мечтал. Никогда не охотился на зверя с холодным оружием. Как-то в голову не приходило.

А что? Может получится занятно...

– Выпей, – Коваль протянул мне деревянную чашку.

– Это что? – спросил я, принохиваясь. Вареву в чашке доверия не внушало.

– Выпьешь – будешь видеть в темноте, как в сумерках.

– Уверен?

– Я же Коваль! – заявил он таким тоном, будто это все объясняло.

– И что?

– Пей, тебе говорят!

Однако понял, что не убедил. И сам отхлебнул из чашки. Даже не поморщился. Пробурчал: «Больно надо мне тебя травить...»

Тут уж и мне стало неудобно, и я выпил.

Ну и дрянь! Горло ожгло, будто чистого спирта хватил. Мухоморов он, что ли, туда накрошил? Куд-десник!

Ладно. В оружии он понимает. Глядишь, и от зелья его не загнусь.

В засаду на кабанов нам предстояло отправиться вдвоем. Завертыш тоже просился, но его не взяли.

– Без вонючих управимся!

Это было правдой: воняло от холопа изрядно. Но вины Завертыша в этом не было. Его-таки обрили.

Бриться холоп не желал. Чтобы не вступать в дискуссии, Коваль треснул его кулачищем по башке (мужику бы боксом заниматься, имел бы шанс на чемпионский пояс), вытряхнул из одежды (которую тут же отправил в костер) и передал отрубившегося клиента супруге. Вооруженная хорошо отточенным ножом Глушка выскоблила Завертыша наголо. Засим, взяв холопа под мышки, Коваль закинул его в озеро. Вопреки моим ожиданиям, Завертыш не утоп. И даже воды не нахлебался. В озере сразу очнулся. Вылез, мокрый и печальный, как выкупанный кот.

Однако холоповы страдания еще не закончились. Беспощадный Коваль сунул ему нож и велел выбрить также и интимные места, пригрозив:

– Ежели я брить буду, так не только шерсть остригу.

Но и на этом мучения бедняги не закончились. Побритые места вымазали дегтем и оставили несчастного дрожащего холопа еще на часок голышом. Еще час он оттирался песком и глиной (все это время белокурая бестия Быська над ним издевалась – однообразно, но обидно), однако все равно вонял. Женщины его даже в дом не пустили.

А уж в засаду его брать точно не стоило.

Оснастились мы изрядно. Коваль снабдил меня здоровенным копьём с поперечиной. Себе взял еще более здоровенное. И парочку копий покороче. Метательных. Коваль называл их сулицами. Еще он вооружился топором на длинной ручке. Другой топорик, полегче, достался мне. Еще мне был вручен лук с указанием в секача не стрелять.

Не стрелять так не стрелять. Я ожидал более подробных инструкций, но Коваль, вероятно, решил, что правила кабаньей охоты мне известны. Ну да, если верить летописям, у здешних воинов охота – любимое развлечение.

По фиг. После рубки с бандой Клыча что мне кабаны?

Глупая самонадеянность!

Глава двенадцатая, в которой герой знакомится с его величеством диким вепрем

Коваль и впрямь не соврал. Зрение, на которое я и раньше не жаловался, после его «мухоморского» снадобья заметно улучшилось. А когда взошла луна, я стал видеть вообще замечательно. Будто прибор ночного видения надел. Мы засели перед изгородью. Я предложил устроиться внутри, но Коваль заявил, что этак сами навредим огороду больше, чем кабаны.

Любители свежих овощей не заставили себя ждать. Луна их не смущала, создаваемый шум – тоже.

Первыми появились две свинки. Каждая – размером с крупную собаку. И поперли прямо к пролomu. За ними устремились зверушки помельче – поросята.

– Бей! – прошипел Коваль. И я схватился за лук.

Коваль меня опередил. Одна из сулиц нашла свинку.

Более истошного визга я в жизни не слышал. Хорошо, стрела уже ушла, иначе бы я непременно промахнулся. А так визжали уже дуэтом. Если свинка Ковалья билась на земле, то моя дала деру. Второй стрелой я достал поросенка, третья...

Извини, Коваль, ты предупреждал, чтобы я не стрелял в секача. Потому что – бесполезно. Бессмысленно стрелять в таран. Но я все-таки выстрелил. Куда-то попал. И сразу отпрыгнул в сторону, потому что копьё мое лежало в сторонке, а голыми руками живую торпеду не останавливать. Кабан задел меня боком, вскользь, но я отлетел метра на три и шмякнулся. Тут бы мне и конец, потому что клычищи у кабана были – как обдирные ножи. Спас Коваль. Ну и себя тоже, потому что кабан, снеся меня с трассы, летел прямо на него.

Когда я вскочил, они уже мерились: кто сильнее. И хотя Коваль упирался изо всех немаленьких сил, а у его противника в груди находилось сантиметров тридцать железа, сильнее все равно был кабан. С чудовищным басовитым (никогда не думал, что такое возможно) визгом кабан теснил кузнеца к изгороди.

Мне хватило секунды, чтобы понять, чем закончится противостояние. Изгородь не выдержит и повалится. Вместе с ней – Коваль... И Трушка станет вдовой.

Я еще думал, а ноги уже несли меня вперед. И топор взлетал над головой...

Хрясь!

Я толком не знал, куда бить, потому ударил по голове. Неправильный выбор. Лезвие снесло кабану кусок уха, а затем соскользнуло по щетине, не причинив никакого вреда. Зато кабан меня заметил. И попытался создать мне проблемы. Но не вышло. Копьё не пустило.

Коваль что-то кричал, но за кабаньим визгом я его не расслышал. Хряснул еще раз, по хребту. Кабану стало неприятно, это точно. Но боевого духа он не утратил. Я рубанул еще раз, метя в то же место. Промахнулся. Кабан, хоть и подколотый, на месте не стоял. Хряп! В третий раз наконец получилось. Прилично получилось. Кабан просел на задние ноги и захрипел. Нет, он сдаваться не собирался. Продолжал загребать передними ногами. Но натиск его заметно ослаб. Я обрушил топор на кабаный загривок. И еще раз. И еще. Я рубил его, как дерево. И ощущение было, как от дерева. Вдобавок – упругого дерева. Прошла, как мне показалось, целая вечность, пока железо восторжествовало над плотью.

Кабан окошел.

Я стоял, уронив руки. Даже вчера я не чувствовал себя таким опустошенным. Сил не осталось совсем. У Ковалья тоже. Он выпустил копьё и, пыхтя, как спринтер после рывка, уселся на кабанью тушу. Я плюхнулся рядом.

Минут десять мы восстанавливали силы.

Потом Коваль уронил:

– Что ж ты его на копьё не взял? Я ж тебе кричал.

Я пожал плечами.

– А, ладно, – отпустил мне грехи Коваль. – Все же ты его добил. Здоровый, зверюга! Чисто тур! – И с тяжким вздохом привел себя в вертикальное положение. – Пойду, чать позову. Надо сразу свежевать, пока теплые. Ты как?

– Притомился я что-то...

Покривил душой. Не умею я свежевать. Видел, как это делается. Но сам такую зверюгу – не возьмусь.

– Что ж, передохни, – разрешил Коваль. – Вижу: притомился. И то сказать: ты ему башку едва ль не напрочь отрубил.

Хорошо быть воином. Почет тебе и уважение. Работать не обязательно. Лучшая доля (в данном случае – потрясающе вкусный поросенок) – тоже твоя. Девки... О девках и говорить нечего. Недотрога Быська наконец-то мне торжественно отдалась. Если бы это случилось неделей раньше, я бы заценил. Но после вчерашней ночи, после девушки нежной и невинной, Быська мне показалась – не очень. То есть все было при ней: и молочная свежесть кожи, и жадность до этого дела, и сиськи приличного размера. Однако невинности не было (что меня, признаться, удивило), и с чувственностью были серьезные проблемы. Чистая физиология и механика. А я этого не любил и в *той* жизни, и в этой на подобное пошел бы разве что с сексуальной голодухи. Не люблю я, когда меня рассматривают как прибор для удовлетворения похоти. Да еще вдобавок преподносят это как некий драгоценный дар. Хуже только полная фригидность. Ей-богу, от жареного поросенка я получил больше удовольствия.

Быська, хоть и дурочка, а поняла, что я не в восторге. Решила – из-за того, что не девушка. И еще часа полтора рассказывала мне, как ее лишал невинности какой-то могучий волох (надо полагать, местный служитель культа) во время позапрошлого летнего солнцестояния. Романтическое было действо. Даже в косноязычном пересказе Быски оно меня весьма впечатлило. Тут тебе и огни на озере, и волшба изошренная (не поверю, пока сам не увижу). И даже прирученные волки (тоже не верю: был у моего знакомого волчок – всю квартиру сожрал, включая паркет, но так и не приручился), и запахи непередаваемые. То ли уловив мой скепсис, то ли по природной своей вредности решила меня заодно унижить. Дескать, у волоха стати раза в три побольше, чем у меня.

– Это как у козла, что ли? – наугад бросил я. Наугад, потому что понятия не имел, какая у козла удочка.

Быська же реально обиделась. Попыталась уползти на другой конец сеновала. Однако была поймана и попользована еще раз, грубо и с присущим моему времени искусством глубокого проникновения. Может, до козла-волоха мне и далеко, но определенные сложности при ходьбе у нее будут.

Как ни странно (всегда такому удивлялся), девушке понравилось. Мне – нет. Но подарок я ей утром все равно сделал. В моей доле Клычова наследства имелся серебряный браслетик-змейка. Вот его и подарил.

Счастье было столь бурным, что я забеспокоился: как бы Коваль не узнал о нашей интимной дружбе.

После завтрака выяснилось: Коваль знал. И не только знал, но даже дал дочери добро на совокупление.

– Твоя кровь – добрая, – польстил мне кузнец. – Трех воев побил быстрее, чем чашку сбитня выпить. В женки ты Быську точно не возьмешь, а коли родит девка от тебя мальца – так и роду нашему прибыток будет. А серебра ей больше не дари. Не балуй. Лишнее есть – мне отдай! – И ухмыльнулся.

Вот такие, выходит, тут нравы... Экзотические.

А через неделю я от Ковалья ушел. Вернее, уплыл. Лодку взял Ковалеву – как раз Квашак на ней домой вернулся. Это плавсредство было поменьше, чем у Клыча, и попроще в управлении. Да и парус не заковыристый, а просто палка с тряпкой. Коваль против моего отбытия раньше уговоренного срока не возражал. Оно и понятно: работать я больше не работал (меня не то что не заставляли – даже не предлагали), а кушал хорошо.

Маршрут мне Коваль на куске шкуры сажей нарисовал.

К моему удивлению, он оказался неплохим рисовальщиком. Надеюсь, не попутал ничего. Впрочем, какая разница? Запасов мне нагрузили – на две недели. А кончатся – лес меня точно прокормит. Да уж, неплохо я время провел. С прибытком. Пришел на хутор в чем мать родила, а ухожу в полном воинском облачении (Коваль обещание выполнил: Клычову кольчугу под меня подогнал и в качестве бонуса подарил лук, из которого я подсвинка застрелил), с полными карманами (вернее, поясом, карманов тут не придумали) драгметаллов, на собственном транспорте.

Я еще не знал, насколько переменчива госпожа Удача. Сегодня ты – с полными карманами и при оружии, а завтра – в драных штанах и с битой мордой. И так, может статься, до самой смерти. То есть – пока не убьют.

Глава тринадцатая, которая начинается хорошо, а заканчивается, как и следовало ожидать, совсем плохо

Бескрайняя русская земля. Или еще не русская? Ну да ладно, все равно бескрайняя. Два дня я плыл по озеру, пока наконец не свернул на реку. Правда, я не торопился. Раза по два в день причаливал к бережку. Перекусить свежатинкой. Свежатинки вокруг бегало и летало – бей не хочу. Я и бил. То зайчика, то уточку. Рыбку ловил... Стрелами на мелководье. Сеть мне Коваль тоже презентовал, но так интереснее. Разок для разнообразия наловил раков. Очень не хватало хлебушка. Помнится, ржаной лепешкой (твердой, как фанера) меня угостили на хуторе Дубишка после битвы. У Ковалева запасы зерна кончились задолго до моего появления.

Ну да ладно, мы – непривередливые. Уху вот тоже без картошки лопать приходится. А грибной супчик – еще и без перловки. Морковкой меня, правда, снабдили. И репой.

Словом, плыл я три дня в гордом одиночестве – и заскучал. Я – человек общительный. Мне для душевного комфорта надо время от времени с кем-нибудь словом перекинуться... Так что, увидав под вечер бережок с черной тушкой лодки наподобие моей, обрадовался.

И причалил.

Ага! Похоже, гостей тут всегда встречают без дружелюбия.

Первыми на меня налетели собачки. Кудлатые такие кабысдохи, Ковалеву Снежку примерно по колено. Облаяли злобно.

Вслед за собачками появились хозяева. Двое – сразу, третий – чуть погодя. Бородатые такие, внушительные. С копьями наперевес.

– Здравы будьте, добрые люди! – с широченной улыбкой крикнул я, демонстрируя пустые руки. – Не позволите ли на берег сойти?

– Кто таков? – без намека на улыбку поинтересовался самый волосатый.

– Путник. В город плыву. Из Ковалева хутора.

– Родич ему? – спросил «добрый человек».

Я покачал головой.

Бородаща раздвинулась, явив крепкие зубы. Типа, улыбнулся.

– А лодка, вижу, его.

– Его, – согласился я. – Мы поменялись.

– Ага, – осмыслил информацию бородач. – Ну, пойдем в дом, что ли?

Я не стал спорить. Прихватил мешки с оружием и с припасами и двинулся.

По ходу отметил, что хоть старший и шел впереди, но двое других старательно меня пасли. Ну-ну, давайте. Я таких увальней косолапых и без меча, одной палкой успокою.

Старшего звали Первяк. Двух других последовательно: Вторяк и Третьяк. С фантазией у родителей было туговато.

Чтобы избежать иронического «ни кола ни двора», я представился Мыколой. А что, моего прапрадеда небось так и звали.

Усадьба была клоном хутора Ковалева. Только дом собран поглубже: бревна вкривь и вкось, на многих даже кора осталась.

Еще у братьев имелась кобылка. Мохноное существо чуть крупнее осла. Но спина потеряла, значит под седлом ходила. Кобылку я мимоходом приласкал: люблю лошадок.

Кроме братанов в семью входили три дамы разного возраста (одна с младенцем на руках), бабка (с виду сушая ведьма) и выводок детишек от двух до двенадцати.

Меня пригласили к столу. Да, изобилием здесь не пахло. Рыба да грибы. И простокваша в качестве выпить.

Я подумал: не предложить ли что-нибудь из своего мешка: детям витамины нужны, да и вяленая кабанятина – вещь хорошая. Но передумал. Как-то неуютно мне здесь было. Разглядывали меня братаны, будто покупать собирались. Не иначе прикидывали: а не выйдет ли из меня холопа? Не выйдет, парни, не надейтесь! Каждому я подарил по строгому взгляду: братаны потупились.

– Ты это, куда плывешь? – поинтересовался Вторяк. Я его запомнил по мусору в бороде.

– В город, я же говорил.

Это у него склероз ранний.

– Ага. А обратно когда?

– А что спрашиваешь?

– Дык это... – Вторяк явно растерялся. С чего бы, интересно?

– Может, прикупил бы нам холста локтей полста? – вмешался старший.

– Не получится, – я покачал головой. – Обратно я не вернусь.

Братья переглянулись. Похоже, мой ответ им понравился. Интересно, почему? Нет, не скажут.

– А в городе у тебя что, родня? Так, может, попросишь кого? Мы не обидим.

– Нет у меня в городе родни, – сказал я. – Придется вам самим сплавать. Разве далеко?

– Да не, близко, – сказал Первяк. – Так это, работы много.

Вот и поговорили.

Ужин закончился. Для мужской половины. Женщины и дети быстренько набросились на объедки, а мы, как велит традиция, покинули избу.

Смеркалось. Комарики с бодрой песней набросились на нас.

Третьяк пристроился отлить прямо у крыльца. Дикие люди. Сам я отошел к изгороди. Развязал шнурочек... Эх, красота! Деревья шумят, где-то соловей старается, воздух вкуснящий...

Вот в этом приятно-расслабленном состоянии я и получил дубиной по голове.

Очнулся, спеленатый как мумия, на земляном полу избы. Башка гудела. Неподалеку коварные братаны потрошили мое имущество. Рожи у всех троих были по-детски восторженные.

– Зря вы так, мужики, – прохрипел я. – Нехорошо это.

О, кажется, они смутились.

– Ты не думай, – сказал Первач, с восхищением пропуская меж пальцев кольчугу. – Мы не тати. Нам тебя чуры послали.

– Какие еще чуры? – поморщился я. «Чур тебя» – это я помню. А что значит, понятия не имею.

– Так он это, чужак, – заметил Третьяк. – Может, у них чуров и не чтят.

– Дурень! – Первач отвесил брату легонький подзатыльник. – Родичей усопших везде чтят. Как же это – своих не чтить? А кто тогда ото зла оборонит, ежели не твоя родня за Кромкой?

Ладно, с чурами разобрались. Вопрос: почему братаны решили, что я как-то связан с их покойничками?

Я и спросил.

Оказалось – ничего хорошего. То есть еще хуже, чем я предполагал. Намного хуже, чем банальный грабеж.

У братьев возникла проблема. Одному из них светило присоединиться к предкам. Путем непродолжительных расспросов я выяснил, что есть у них некий бог именем Сварог. О нем я слышал еще в своем времени, однако то, что ему приносили в жертву людишек, – было для меня новостью. То, что поставлять людишек на жертвенник должны были его, Свароговы, «дети»,

это более или менее понятно. А вот что подбирались кандидаты из Свароговой же паствы, это, блин, как-то... не по-родственному. Правда, приносилась такая жертва редко, по специальному указанию главного жреца и строго по жребью. Типа, гонца отправляли в богу-покровителю. Со списком жалоб и пожеланий.

На прошлом сборище Свароговых «детюшек» этот самый жребий выпал на Вторяка.

Согласно традиции «гонца» можно было заменить. Аналогичным крепким (второсортный товар богу предлагать нельзя) мужиком. Холопов у семейки не имелось. Купить было не на что. В плен взять? Так все вокруг свои. На общем сборе такой пленник не прокатит. Еще и накажут.

И тут подвернулся я. Здоровый, безродный. Никто, кроме Ковалья, меня не знает. А Коваль на сварожское капище не ходит. Он с огненными духами знается, и бог у него – Хорс. То есть я – идеальный кандидат. Здоровый, толковый. Остается только ознакомить меня с нуждами аборигенов и отправить в горный мир для доклада.

Я оптимизма братанов не разделял.

– А может, все же холопа купите? Деньги у вас теперь есть.

– Не, – помотал кудлатой башкой Первач. – Не успеем. Время вышло. Завтра – жорево Сварогово.

Почему «жорево», я не спросил. Сам догадался. Жрец-жрать-жорево. Простая линейка. Одно неприятно: жорево это – я.

Глава четырнадцатая, в которой героя подвергают тестированию на жертвопригодность

Дело Сварогово – мужское. Поэтому единственным существом женского пола в нашей экспедиции была кобылка. Если считать и ее, то на языческий праздник пресечения моей жизни мы отправились впятером. Братаны, малец лет десяти и я. В виде груза на кобылкиной спине. Малец был славный, вихрастый такой, белобрысый... В отличие от мрачных братанов (кто был его папашей, я так и не понял), пацанчик охотно со мной общался. Расспрашивал, кто я и откуда? Где добыл столь славные вещи? Я честно ответил, что взял в бою.

– Я тоже стану воином, – поведал мне парнишка. – Я из лука знаешь как бью!

Братья в нашу беседу не вмешивались. На каждом – по здоровенному мешку. Если это подарки Сварогу, то он неплохо живет, этот местный божок. И жрецам его будет что кинуть в котел в зимний период.

Лес сменился болотом, но братанов это не смутило. Топали как по сухому, только лапти в грязюке. Я на всякий случай старался запомнить приметы. Очень надеялся, что мне удастся удрать. Это же несправедливо, если такой парень, как я, будет зарезан во цвете лет какими-то дикарями.

Только эта надежда и придавала оптимизма.

Полночи я пытался избавиться от пут, но вязавший меня Первяк дело знал туго. Облом получился.

Кобылка время от времени косила на меня: как ты там, человек-мешок?

Я говорил ей что-нибудь ласковое.

Братьев я не осуждал. Если бы у меня была возможность в подобной ситуации подменить собственного брата кем-нибудь посторонним, не задумался бы ни на минуту. С другой стороны, если бы кто-то захотел прирезать моего брата ради отправления религиозного культа, мало бы ему не показалось. Но, как говорится, в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Впрочем, и я не иду. Меня везут.

Разок мы остановились, чтобы перекусить. Меня тоже накормили. С рук. Не развязывая. Разумная предосторожность. Когда человеку нечего терять, он способен на настоящий подвиг.

Приехали. Оп-па! Просто как на картине художника Рериха. Капище. Высоченный частокол, украшенный выбеленными солнцем черепами. Над частоколом торчит что-то черное. Типа деревянной башки. На башке – нечто блестящее.

На травке вокруг частокола паслись лошадки. Мирная такая картина. Мне развязали ноги (иначе с лошадки не снять), но тут же спутали по новой – уважают братаны. Опасаются.

Кобылку привязали к кольишке там, где трава погуще, а меня, кряхтя и пыхтя, оттранспортировали внутрь. Внесли и с облегчением уронили наземь.

Я тут же извернулся и сел. Ага, тут, оказывается, не один бог, а целое божественное общество. Шесть кумиров поменьше выстроились кружком, а в центре – он. Несомненно, главный, любитель славянской кровушки! Здоровенная почерневшая от времени и грязи деревяшка высотой метра четыре. Прикид у идола был козырный. На конической башке – что-то вроде зубчатого диска желтого металла, весело блестящего на солнце. Пониже, на шее, плавно переходящей в туловище, ожерелье из черепов. Человеческих. Думать о том, что на этих бусах есть место и для моего вместилища разума, было неприятно. Еще у идола имелся пояс. Похоже

– тоже золотишко. Что ниже пояса, я не видел. Заслоняли местные жители, которых внутри капища было не менее сотни. А скорее – более.

Мною заинтересовались. Средних размеров серая собачка подошла ко мне и обнюхала. Оставшийся при мне Третьяк попытался ее шугануть, но та в ответ показала зубки... Вернее, не зубки, а зубищи. Какая же это, блин, собачка? Натуральный волчара.

Я забеспокоился. Несмотря на скромные размеры, такой волчок был много опаснее немецкой овчарки. Я видел, на что способны эти клыки. Если зверюга сочтет меня подходящим для перекуса...

Не сочла. Улеглась рядом и задремала.

Народу все прибавлялось. Но особой тесноты не ощущалось: внутри культового сооружения было довольно просторно.

Ага, это, кажется, ко мне. Первак, Вторяк, пара зверовидных мужиков под два метра росточком и весьма импозантный дед. Дед, несомненно, был здесь главным. Высоченный, широкий, в звериных шкурах с ног до головы. И не жарко ему? На голове, кстати, имелось уменьшенное подобие идола венца: золотая корона шипами наружу. А уж в самих волосах чего только не было: настоящая выставка экологически чистых амулетов. И в завершение – здоровенный посох, увенчанный таким же желтым шипастым колесиком.

В других условиях я бы, пожалуй, заценил колоритного дедушку, но сейчас слишком нервничал.

Волчок проснулся, вскочил и начал ластиться к служителю культа. Тот принял – как должное.

Дедушка приблизился. Черт, от него исходила такая плотная аура недоброй силы, что мне немедленно захотелось развязаться и дернуть подальше. А лучше треснуть его чем-нибудь тяжелым.

Эх, мечты, мечты!

Дедушка с достоинством присел на корточки. Глянул мне в глаза... Сразу захотелось отвести взгляд: глазки у дедушки были, мягко говоря, страшноватые. Но терять мне было нечего, поэтому я ответил ему таким же суровым взглядом... Не знаю, сколько мы играли в гляделки (показалось – целую вечность), не знаю, что там углядел в моих зрачках грозный дедушка... Но что-то углядел, потому что выпрямился и сказал звучным таким, красивым (ему бы в церковном хоре петь) басом:

– Этот богу негож!

Давно не слыхал более приятных слов!

Первак попытался что-то вякнуть, но дедушка зыркнул – и злодей осекся.

Вторяк сообразил, чем пахнет, и попятился... Недалеко. Уперся в грудь одного из здоровяков. Дедушка ухватил Вторяка за бороду и заглянул ему в глаза.

Несколько секунд – и напряженный трясущийся Вторяк успокоился, даже как-то обмяк.

Нехило. А дедок-то – гипнотизер!

Не исключено, что меня отвергли именно из-за того, что я не загипнотизировался. Впрочем, неважно. Главное – отвергли. Сердце так и прыгало от счастья. Нет, рано расслабляться. Еще не вечер. Могучий дед шепнул что-то одному из зверовидных, показал на меня. Здоровяк взял меня за шкуру (как щенка, честное слово) и понес (не поволок, а именно понес) на выход.

Народ перед ним почтительно расступался. Серенький волчок трусил рядом, время от времени забегая вперед и обнюхивая мои сапоги.

Меня вынесли наружу и неуважительно швырнули на землю.

– Эй, а развязать? – крикнул я вслед здоровяку.

Тот не отреагировал. Ушел. Меня порадовало, что волчок потрусил следом. Его интерес к моей персоне вполне мог оказаться гастрономическим.

Внутри частокола заходили опоздавшие. С мешками, со спутанными овечками на плечах. В некоторых мешках шевелилось. Похрюкивало, кудахтало. Роскошный планировался пир. Меня «богомольцы» игнорировали. Типа, если лежит под забором связанный мужик, значит, так и надо.

Прошло примерно полчаса. Солнце поднялось в зенит. И внутри началось. Запели. Красиво, кстати. Мощно и выразительно. Я аж заслушался. Пение между тем становилось все бодрее: этакий грозный хор не менее чем сотни луженых глоток. Нет, они не орали, а именно пели. Да так, что пробирало до костей. Казалось, даже земля вибрирует, отвечая. Настоящая магия. То, что я слышал в наших церквях, было бледным подобием этого inferнального звука. Волосы у меня на загривке встали дыбом. Еще чуть-чуть – и я бы запел вместе с ними. Без слов. Одним только изначальным первобытным звуком...

С невероятным трудом я вырвался из пут древнеславянского колдовства. Не то у меня положение, чтобы гимны языческие распевать. Слишком велика вероятность, что двое оставшихся братиков меня ничтоже сумняшеся прирежут и скинут в болото. Инстинкт самосохранения окончательно изгнал чары и обострил интеллект... И я обнаружил очевидную оплошность братанов. Связали-то мне ноги поверх сапог. И не так тщательно, как обычно. Спешили. Я активно заелозил ногами, и через несколько минут сапоги с ремнями оказались отдельно. Жаль, я не ниндзя. Эти, если верить фильмам, умеют протиснуться между собственными связанными руками, перегрызть зубами ремни и обрести желанную свободу. Зубы у меня в порядке, но гибкости для подобной гимнастики не хватит.

Сапог жаль, но придется ими пожертвовать. Равно как и портянками, оставшимися внутри. Никогда не пробовали натягивать сапоги со связанными за спиной руками? Попробуйте. Уверен: окружающие изрядно повеселятся.

Я встал. На лужке – одни лошади. Весь народ сосредоточился внутри. Вот и славно.

«Свою» лошадку я нашел без проблем. Вышиб ногой колышек, кое-как взгромоздился в седло. Кобылка не протестовала: стояла смирно и покорно. Все-таки хорошо, что кони здесь такие мелкие. Будь она сантиметров на тридцать выше – и задача стала бы невыполнимой.

Взгромоздился, зубами выбрал веревку, чтобы колышек не цеплялся, и легонько поддал пятками.

Нет, эта кобылка – просто прелесть. Не задавая лишних вопросов, показала хвост капищу и потрусилась прочь. Так уверенно, что я сразу понял: едем домой. Вернее, к усадьбе братанов.

Дорогу лошадка знала намного лучше меня, потому я заботился лишь о том, чтобы не свалиться наземь.

Часа через два я увидел в лесу просвет. Лошадка заметно оживилась и с шага перешла на рысь.

Ворота были открыты. Мы въехали внутрь. Доившая мелкую коровенку бабка выпучила глаза.

Я соскользнул наземь. Счастливая кобылка устремилась к конюшне. А сообразившая, что происходит явно неправильное, бабка прервала свой общественно полезный труд, завопила, призывая на помощь, и, подхватив кривой деревянный предмет, видимо коромысло, кинулась в бой.

Я поступил негуманно. Очень стыдно бить старую женщину. В прошлой жизни я бы за такое любому руки оборвал. Но выбора у меня, к сожалению, не было. То есть был – оказаться с раскрытой головой. Этот вариант меня категорически не устраивал, потому я уклонился от коромысла и бережно, со всей возможной аккуратностью тюкнул ступней в морщинистый подбородок. Бабка уронила «оружие» и села на землю.

– Прости, бабуля, – сказал я. – Надеюсь, я ничего не повредил.

И устремился в дом. Очень хотелось, чтобы там никого не было. Чертовски не люблю бить женщин. Бог меня услышал. Внутри пусто. Зато – о радость! – я увидел воткнутый в стену нож. Нет, сегодня мне определенно везет. Я мигом развернулся спиной и принялся перепиливать ремни. Нож был тупой, а я очень старался не порезаться, потому процесс освобождения занял минут пять. Но я все равно успел вовремя. То есть как раз к тому моменту, когда в избу ворвались две родственницы братанов. Да не с голыми руками, а вооруженные. У одной – коса, у другой – серп. Вместе с ними, истошно твякая, обе шавки.

Это было по-настоящему опасно. Руки у меня порядком онемели и держать что-то были не в состоянии. А серп и коса в привычных руках – страшнейшее оружие.

– Спокойно, спокойно... – попросил я, вытягивая вперед руки, кистей которых не чувствовал.

Как бы не так. Без лишних слов обе устремились ко мне. Ну почему в этом мире все такие агрессивные?

Я попятился, оставляя между нами стол и лавки. «Загонщицы» тут же разделились, обходя с двух сторон. Руки закололо тысячами игл. Ощущение крайне неприятное, но представить невозможно, как я ему обрадовался. Еще минутку бы... Я уже и ухват присмотрел – для обороны.

Не получилось. Храбрые крестьянки бросились в бой. Я сместился к той, у которой коса. Длинномерное оружие менее пригодно к использованию в стесненных условиях.

Женщина махнула косой. Профессионально так махнула. Если бы я не увернулся... Но я увернулся, и коса воткнулась в стену. Выдернуть ее бедняжка не успела. Я ударил ее плечом, отбросив на лавку, и прорвался к двери. Одна из шавок в припадке безумной храбрости бросилась мне наперерез, и я с огромным удовольствием пнул ее под брюхо, выкинув из избы.

Свобода! Теперь меня могут гонять хоть полчаса. Но – не будут. Сцепив зубы (больно же!), я поднял коромысло. Сидевшая на земле бабка попыталась воспрепятствовать, но я шикнул – и старушечья лапка отдернулась.

На горизонте появилась третья родственница братьев. Без оружия, но с дитем. И стайка ребятишек.

Я развернулся к избе. Вовремя. Две мои противницы готовы были кинуться в битву... Но одумались. Надо полагать, вид у меня был достаточно грозный, чтобы охладить их пыл.

Я пару раз крутанул коромысло в руке (заодно и кисть размял) и предупредил:

– Не надо меня злить! Недавно я убил троих. Это были воины с оружием. Вас я не убью.

Если будете меня слушаться. Поняли?

Коса и серп опустились.

– Ты! – Я указал на ту, что постарше. – Где мое добро?

Глава пятнадцатая, в которой справедливость торжествует, а порок остается при своих

Не знали они, где мое схищенное имущество. Может, и знали, но заставить их сказать я не мог. Мне даже кричать на женщин при детишках было неудобно. Я обшарил избу, но нашел только свои съестные припасы. Перекусил на ходу. Вся эта орава глядела на меня как на бешеного тигру. Но взглядами мой аппетит не перебьешь.

Наверху, под потолочными балками, я нашел копья. И пару топоров в сенах. И то хлеб.

Заперев плененное семейство в избе – это оказалось несложно, только дверь снаружи подпереть – я отправился на бережок. Лодка была в порядке. Даже заботливо вытащена на песок. Правда, все ценное выгресли. Ну ладно. Придется подождать возвращения братанов.

Под вечер я выпустил бабу помоложе (ту, что атаковала меня с серпом) – покормить и подоить скотину. Под моим присмотром, само собой. Баба косилась на меня опасно. Не иначе думала: изнасилую. Но насилие над женщинами противоречило моим нравственным принципам. Да и баба мне не очень нравилась. Запущенная какая-то.

Вместо принудительного секса я потребовал козьего молочка. Закусил куском медовых сот. Хорошо!

В этот день братья так и не появились. Пришлось мне «пасти» их семейства еще сутки.

На сей раз я ограничил их свободу двором. Уж не знаю, что бы стал делать, кинься они врассыпную.

Братья (их осталось двое – Вторяка точно в расход пустили) появились ближе к вечеру. Я углядел их издали и быстренько загнал семейство в избу – чтобы под ногами не путались.

Еще издали братаны стали орать, призывая родичей и грозя разными карами за то, что мало поработали.

Я дождался, пока они войдут во двор, и вышел навстречу. С копьём.

Кажется, они удивились. А ведь можно было догадаться, обнаружив мои сапоги (которые они, как выяснилось позже, прихватили с собой), и отсутствие кобылки.

Удивились, но почему-то решили, что численное преимущество им это самое преимущество дает. И схватились за топоры.

Мне понадобилось меньше минуты, чтобы топоры оказались отдельно от братьев, а сами братья – в состоянии нокаута. Чистое избиение младенцев. Однако эти младенцы меня ограбили и приволокли на казнь. Жалости у меня к ним не было ни на грош.

Я их связал и проверил похудевшие вещмешки. К моей немалой радости, там обнаружались мои сапоги. С портянками. Я с удовольствием обулся. Кроме сапог, единственной ценностью в мешках оказалась серебряная фигурка непонятного пола. Ее я тоже приватизировал. Затем вернулся к очухавшимся братикам и немного их побуцкал. Без членовредительства. Просто чтобы выявить слабое звено. Им, к моему удивлению, оказался старший.

Вот у него-то я и поинтересовался, где мое добро.

Не тут-то было. Жадность сразу прибавила Перваку мужества.

Что же, на этот случай у меня был запасен еще один аргумент.

Я сходил в избу (перепуганные домочадцы шарахнулись, как от маньяка-убийцы), набрал в печке угольков и очень скоро во дворе весело полыхал костерок.

Братья глядели на мои приготовления с большой опаской... Которая сменилась паническим ужасом, когда я, содрав с обоих рубахи, привязал голубчиков к забору и сунул в огонь наконечник копья.

О-о! Они очень хорошо знали, что сейчас будет. И нисколько не сомневались в моей решимости.

Именно на это я и рассчитывал. Честно говоря, я вряд ли смог бы их пытать.

Но, когда я, со словами: «Начнем, пожалуй, с тебя, для начала глазик...» – поднес раскаленное железо к носу Первака, тот забился, как убивец на электрическом стуле, и раскололся. «До самой жопы», как говаривал один мой знакомый, старший следователь прокуратуры.

Через десять минут я уже цеплял к поясу, набитому серебром и золотом, мой славный меч.

Кроме моего добра в схоронке обнаружилось несколько железяк и вполне приличный бронзовый шлем. Его я тоже прихватил. В качестве контрибуции. На этом все. Грабить братьев я не собирался. У них все-таки детишки.

Все добро я отнес в лодку и только после этого отпер дверь в избу.

– Прощайте, девчонки! – бросил я в темноту и покинул «гостеприимное» общество.

Темнело на глазах, а мне еще место для ночевки искать.

Глава шестнадцатая, в которой герой прибывает в город по имени Город

Город стоял на озере. При слиянии двух рек, по одной из которых приплыл я. Место было выбрано умело и со вкусом. Красивое место. Сказать того же о городе у меня язык бы не повернулся. В строениях преобладал черный цвет. Черный и серый. Довольно высокий зубчатый частокол окружал поселение со всех сторон. Поверх можно было видеть крыши – в большинстве соломенные. Исключение – несколько домов покрупнее и терем-теремок с прилепившейся к нему вышкой. На манер минарета – к мечети. Но у этой деревянной башни были явно другие функции, потому что больше всего она напоминала наблюдательную. На вышке что-то металлически посверкивало. Надо полагать, дозорный. Со стороны озера наблюдались причалы. Немного. Гораздо меньше, чем судов, одно из которых выглядело точь-в-точь как корабли викингов, именуемые драккары⁷. Образцы этих древних чудовищ я видел в музее Осло.

Вокруг города имелась обитаемая зона, больше всего напоминавшая разросшийся дачный кооператив. В отдалении я заметил еще один городок – поменьше. Но тоже – за частоколом. Да, беспокойная тут жизнь, если все вот так отгораживаются.

К причалам я подходить не стал. Встал у берега рядом с такими же лодками, выволок свое плавсредство на песок. Надеюсь, не сопрут. На берегу кипела жизнь. Кто-то выгружал пойманную рыбу, кто-то уже к ней приценивался. Бабы стирали белье, а чуть в стороне другие бабы черпали воду кожаными ведрами. На меня косились, но не заговаривали.

Свое немногочисленное имущество я сложил в заплечный мешок, надел кольчугу, повесил на плечо лук в налуче и двинулся знакомиться с местной цивилизацией. Ворота, крепкие, скрепленные железными полосами, дубовые, судя по всему, были гостеприимно распахнуты. Туда-сюда сновал разномастный люд. В створе, опершись на длинные копыя, скучали двое. На каждом – шлем и куртень с нашитыми бляшками. На спине щит. На привратных башенках я заметил еще двоих. Эти тоже бдили. Надо полагать, осуществляли стрелковое прикрытие.

Навстречу протопали трое могучих бородачей в пластинчатых панцирях, с мечами и топорами на поясах. Стражу высокомерно проигнорировали, а на меня глянули оценивающе. Нет, скорее вызывающе. Вызова я не принял. Никогда не провоцирую незнакомых людей без необходимости. Троица ухмыльнулась, одинаково пренебрежительно, и протопала мимо. Нет, не протопала. Уж топаньем их шаг никак нельзя было назвать. Двигались они мягко, немного враскачку. Ни на что вроде бы не глядели, но при этом контролировали все вокруг. Этакая расслабленная готовность крупных хищников, способных в любой момент реализоваться взрывной атакой. Я оглянулся и увидел, что грозная тройка направляется к причалу с драккаром. Почему-то меня это не удивило. Драккар, кстати, готовился к отплытию. На него грузили бочонки и копченые туши.

Стражники окинули меня оценивающими взглядами:

– Кто таков, откель? – спросил один из них. Вежливо, впрочем.

– Издалека, – уклончиво ответил я. – Мыкола Ляков.

– Из Ляков? – переспросил стражник и посмотрел на приятеля: слышал о таких местах?

– Может, из Ляхов? – уточнил тот.

⁷ *Драккар* – парусно-гребной военный корабль викингов VII–X вв. Длина – порядка сорока, а ширина до шести метров. Размеры определялись числом румов (гребных мест). Судходность этих корабликов не уступала храбрости их экипажей. До Африки доплывали. И до Северной Америки. Правда, уже из Гренландии. Средняя скорость драккара достигала десяти узлов, и двухсотмильный дневной переход не считался чем-то выдающимся. Форштевень для устрашения неприятеля украшали изображения какого-либо зверя, чаще всего – дракона, от коего скорее всего и произошло название этого типа кораблей.

– Нет, из Ляков, – не согласился я. Мало ли где эти Ляхи... Поймают на самозванстве. Тут взгляд стражника остановился на мече... и сразу стал подозрительным.

– А это где взял?

– Купил, – отрезал я.

Но стражник не сдавался:

– У кого купил?

– Да из ваших, – я улыбнулся подружелюбнее. – Назвался Клычком.

– Тоже скажешь – из наших, – пренебрежительно буркнул стражник.

– Платить за вход надо чего? – поинтересовался я.

– Нет, – ответил первый. – Торговать ты, вижу, не будешь, нечем. А так – иди свободно.

Но запомни: у нас тут строго. Лучше не балуй!

– Да я тихий, – улыбнулся я еще шире, упорно игнорируя подозрительный взгляд второго. – Остановиться где посоветуете?

– Ежели ты человек не бедный, то постоянный двор Тиши Коробца тебе подойдет. Пока прямо иди, а потом спросишь. Любой подскажет.

– Еще вопрос. Я лодку на берегу оставил. Не пропадет?

– У нас чужого не берут, вой! – с вызовом бросил второй. – А у вас?

– И у нас, – не раздумывая, соврал я. Там, откуда я прибыл, даже книгу на скамейке оставить нельзя. – Но есть земли, где – не так.

Тут к воротам подъехала доверху груженная телега, и стражники переключились на нее.

А я прошел в ворота. Надо же, а частокол-то многорядный. Я насчитал в глубину аж четыре кола толщиной вполметра каждый. Серьезно ребята приготовились. Значит, есть к чему. Ну ладно, это пока не мои проблемы.

Глава семнадцатая, в которой герой опять оказывается в обидном положении

Отыскать названный кабак не составило труда. Хозяин мне понравился – услужливый и расторопный. Но еще больше мне понравилось, как тут пахло. А пахло здесь настоящей домашней свежесваренной пищей. Ох как я истосковался по горячему! Запах мясного супчика меня просто покорила. Я выхлебал целую плошку, заедая горячей (мечты сбываются!) лепешкой. Сlopал изрядный кус разваренной говядины, запил все это двумя пинтами совсем неплохого пива и почувствовал себя совершенно счастливым.

К сожалению, ненадолго.

Я как раз намеревался заказать еще кувшинчик, когда появились *они*. Двое плечистых, рослых паренюков в сверкающих шлемах с копиями наперевес. Третий воин был помельче – примерно моего размера и телосложения, но его экипировка была выше всяких похвал. Вороненую кольчужку из старательно подогнанных колец перехватывал широкий пояс с серебряными и золотыми (!) бляшками. На поясе имелся меч с красным камнем на оголовье, в небедных ножнах, и длинный нож в обшитом бисерными узорами чехле. Шлем «норманнского» типа, то есть круглый, с «очками», был сдвинут на затылок, и одного взгляда на эту надменную рожу хватало, чтобы понять, кто тут главный. Если на лицах здоровенных недорослей растительность только пробивалась, то у этого наличествовала аккуратно подстриженная бородка и заплетенные в косички усы. Глаза этого типа мне как-то сразу не понравились. Заглянешь в них разок и сразу понимаешь: этому молодцу человека убить – как мне пива выпить.

Цепкий недобрый взгляд косичкоусого сходу отметил лежащие на лавке мой шлем и меч. Кивок головы – один из молодых сорвался с места и цапнул мой меч. Я мог бы ему помешать, но воздержался. Положение было стратегически невыгодным, и еще я не питал ни тени сомнения, что ребята эти со мной церемониться не станут. Будут бить на поражение. А я себе такой роскоши позволить не могу, потому что они явно – при исполнении, а я никто и звать никак.

Парень подал меч старшему. Косичкоусый изучил оружие, и взгляд его стал еще более недружелюбным. А меч мой этот гад прицепил к себе на пояс, рядом с кинжалом.

– Князь Водимир хочет тебя видеть, – довел он до меня распоряжение начальства. Неохотно так, через губу. По лицу читалось: была б его воля, он бы меня прямо тут и кончил.

Я встал, нацепил на голову шлем. Не под мышкой же его нести.

– Заплати, – процедил золотопоясный.

Мне очень не хотелось распускать пояс при этой братии, но пришлось. При виде моих богатств молодые оживились. А вот у старшего ни один мускул не дрогнул.

– Пошел!

К моему удивлению, мы двинулись прочь из города. Меня явно конвоировали. Молодые шли чуть позади, ошестинившись копиями. Косичкоусый вышагивал первым, но я готов поклясться, что он затылком чуял каждое мое движение, и, пожелай я воткнуть ему нож в спину, точно не получилось бы.

Я и не пытался, хотя ножа у меня не отобрали. И лука тоже. А ведь явно профессионалы. Должны знать, что даже без тетивы лук может стать оружием. Крепкое гибкое древко... Хотя, конечно, против меча в умелых руках – не очень эффективно.

Мы покинули город и по хорошо утрамбованной дороге направились к тому городку, который я заметил утром.

Он оказался маленьким фортом. Солидные деревянные стены, внутри – двор, оборудованный для тренировок личного состава (чем этот состав, кстати, и занимался), казармы, конюшни, складские помещения и само собой – штаб. Вернее, резиденция местного владыки.

Князь Водимир не заставил себя ждать.

Немолодой уже, но по виду довольно крепкий мужик, разодетый как павлин, с гривой волос, поверх которых красовалась сияющая драгоценностями шапочка вроде тибетейки.

Был он, само собой, не в одиночестве. Вокруг – человек десять бойцов с такими же раззолоченными поясами, как у косичкоусого.

– Подойди, – властно скомандовал князь.

Я подошел. Водимир оглядел меня с головы до ног, особо остановившись на кольчуге. Потом перевел взгляд на командира группы захвата. Ничего не сказал, но тот понял без слов.

– Меч Главы, – сообщил он. – Точно его.

– Кольчуга тоже его, – под нос, будто сам себе, проговорил князь. И уже мне: – Что скажешь, чужин?

– О чем? – вежливо спросил я.

Водимир нахмурился:

– Где ты взял зброю моего дружинника Главы?

– Я не знал, что это оружие твоего дружинника, – честно ответил я.

– Отвечай! – рыкнул князь.

– Я... купил их, – сказал я.

– У кого?

– Он назвался Клычом, – соврал я.

И совершил первую, очень важную ошибку. Надо было сказать правду. Сказать, что убил Клыча и взял кольчугу и меч как добычу. Добыча – это святое. Как право чиновника брать взятки. Основа здешнего воинского бизнеса. К примеру, забрали разбойнички товары у купца. А храбрые дружинники – отбили. Должны ли они вернуть имущество прежнему владельцу? Да с какой стати! Он сам его профукал. Что с воза упало, то пропало. А храбрые дружинники подобрали. Рискуя жизнью, между прочим. Посему все взятое мечом – собственность хозяина меча. Если кто-то другой, тоже с мечом, не отнимет. Правда, за убийство честного человека надо платить немалые деньги. И еще – кровная месть.

Но разбойник – вне закона. Так что скажи я правду – и был бы весь в шоколаде. Конечно, князь не поверил бы мне на слово, послал за свидетелями.

Но свидетели, пусть и далеко, однако были. И наверняка подтвердили бы мою версию, тем узаконив мое право владеть собственностью дружинника Главы. Покойного, надо полагать.

Но я совсем не знал местных обычаев. И облажался.

– Раздевайся, – процедил князь.

– Зачем?

Вызвать его, что ли, на поединок?

Глупый вопрос. Глупая мысль. Вокруг – с десяток вооруженных людей. Стоят грамотно – и дистанцию соблюдают, и атаковать в любой момент могут. А чуть в стороне я вдобавок углядел двух стрелков с поднятыми луками. Стрелы наложены. Остается только натянуть и отпустить тетиву.

Кстати, это только в глупых фильмах стрелки стоят с натянутыми тетивами. Полный идиотизм. Все равно как если бы штангист перед рывком держал штангу не на полу, а на вытянутых руках. Кто сомневается, может поддержать внатяг обычный спортивный лук хотя бы полминуты. А ведь боевой – вдвое мощнее. Да и зачем держать тетиву внатяг? Меткость обеспечивают твердость левой руки и правильная стойка.

Стойки у этих стрелков были правильные, а руки тверды, как железные штанги.

Так что вопросы здесь, к сожалению, задаю не я. И здесь не чемпионат по фехтованию, а грубая средневековая реальность.

Пришлось раздеваться.

Очень унижительная процедура. Но эти сволочи как раз и хотели меня унижить. И заставили снять все.

Я стоял в чем мать родила, кипел от бешенства, но изо всех сил держал себя в руках. Понимал, что князь – в своем праве. Праве сильного. Мог бы и убить, если б захотел.

– Теперь пошел прочь! – рявкнул Водимир.

И я пошел. Под гогот дружинников – к воротам. Больше всего мне хотелось бы кого-нибудь вздуть. Желательно – самого князя. То, что это несбыточная мечта, я отлично понимал. Тем обиднее.

Может, из-за этой обиды я сделал еще одну ошибку. Уже в воротах повернулся и, перекрывая гогот весельчаков, гаркнул во все горло:

– Эй, князь! Водимир! Я еще вернусь! И ты очень пожалеешь о том, что меня ограбил!

Хохот смолк, как отрезало.

Водимир нахмурился... Но тут же сообразил, как сохранить лицо, усмехнулся и кивнул двум парням, что сопровождали меня от корчмы.

– Ну-ка поучите чужина вежливости!

Отроки, как борзые, сорвались с места и кинулись ко мне. Тут уж и я сообразил, что зря распустил язык. Даже если мне и удастся совладать с ними – голышом, то остальная братия вряд ли отнесется к этому равнодушно. Лучше уж быть просто голым, чем голым и избитым.

И я побежал. Славная дружина князя Водимира проводила меня мерзким гоготом.

Так, блин, весело, когда голый мужик, петляя (а вдруг стрельнут?) как заяц, скачет по дороге. Ухохочешься!

Ну, хрен с вами, золотые рыбки! Будь я на вашем месте, я бы тоже, наверное, смеялся. А на своем...

Что ж, бегал я неплохо. Парни – тоже. Но им было труднее: доспехи, оружие.

Хотя железо им не особо мешало. Чувствовалось, марш-броски здесь в почете. Осознав, что быстро не догнать, мои борзые побежали ровно и экономно. Я тоже особо не налегал. Старался лишь не подпускать их на расстояние копейного броска. Оглядываться перестал – достаточно слуха. Теперь у меня две задачи: не повредить ногу обо что-нибудь острое и подыскать предмет, подходящий для самообороны. А торопиться некуда: чем дальше мы будем от «военного городка», тем лучше.

Дорога вела в город, но возвращаться туда не стоило. У ворот – тоже стража. Да и народ... разный. Поэтому я свернул в огороды. Бежал наугад, петляя между изгородями, ныряя в щели и перемахивая через заборы. Меня многократно облаяли и обругали. Пару раз пытались укусить и приложить каким-нибудь тяжелым предметом. Кому понравится, если его родной участок топчет голожопый незнакомец?

Дружинники Водимира от меня отставали максимум метров на пятьдесят. Проворные мальчишки.

Наконец я нашел то, что искал. Примерно двухметровый шест, которым какой-то абориген подпер веревку с бельем. Я выдернул шест на ходу и проверил. Подходяще. Не трухлявый, не сучковатый. Теперь следовало выбрать место для битвы. Простор – вот что главное. Ага, вот подходящий лужок. Правда, на нем коровки пасутся, но я сходу прикинул и запомнил диспозицию, включая размещение коровьих лепешек.

И остановился.

Преследователи, подбежав, тоже остановились. Дурацких вопросов, вроде устал я или нет, задавать не стали. И так ясно. Дышал я ровно, как спящая девушка. Они, впрочем, тоже. Могли еще бегать и бегать.

Разойтись подобру-поздорову я не предложил. У меня сейчас были другие потребности. И потребности эти были размещены на двух дюжих молодых организмах.

Ого, какие мы деликатные! Оба хлопца дружно развернули копья черенами вперед. Добрые какие! Убивать не будем, только вздуем слегка...

Дальнейшее заняло около минуты. Когда они поняли, что я превосхожу их классом, было уже поздно пить боржом.

Я их тоже не стал убивать. Накидал по голям, чтобы снизить подвижность (в корпус бесполезно, доспехи), и поработал по верхнему уровню. Приложил пару раз по головкам. Шлемы – это, конечно, хорошо, но от тычка в подбородок или в переносицу не уберегли.

Вот теперь заживем, подумал я, присаживаясь около того, что поменьше ростом.

«Зажить» не получилось. Первая стрела с чмоком ударила в землю примерно в полуметре. Вторая вжикнула над головой. А вот третья вполне могла бы проделать во мне дырочку, если бы я не отпрыгнул. Проклятье! Я совсем забыл о привратной страже. И о стрелках, которые на стенах. Ну ни хрена себе! Здесь же добрых триста метров! У них, правда, запас высоты... Мне, однако, тоже повезло. Боялись ребята попасть в своих дружков. В общем, прощай модный армейский прикид!

Все это я думал уже после того, как укрылся за сараем.

Еще я подумал: надо что-то предпринимать. Оставаться в этом мирном городке – вредно для здоровья. Удирать обратно в лес? Тоже как-то не хочется. Голый человек на голой земле. Не люблю я, когда история повторяется. Особенно моя.

Выход нашелся. Авантюрный донельзя. Рискованный, как поход в клетку с тигром. Но – как раз по мне. Чи мы не козаки?

Глава восемнадцатая, в которой герой показывает, на что он способен, и получает новые штаны

Что толкнуло меня на эту безумную авантюру? А хрен его знает. Отчаяние, наверное. Или тяга к самоубийству. Как иначе можно объяснить, что грязный босой бродяга в драных портках, снятых с огородного чучела, полез на борт самого красивого корабля в городском порту?

Разве тем, что я всегда неплохо относился к скандинавам. Бывал и в Норвегии, и в Дании, а в Швецию приезжал, считай, чуть ли не каждый год.

Там, на острове Готланд, в городе Висбю, летом регулярно устраивался исторический фестиваль. Место было выбрано превосходно. Окруженный крепостными стенами «старый город» и без того впечатлял, а когда его «насеяли» сотни, если не тысячи, людей в исторических костюмах, это было незабываемое зрелище. Рыцарские турниры, старинные кабачки, где кормили «историческими» кушаньями и поили «историческими» напитками. Лавочки, где продавались всевозможные предметы старины, одежда, утварь... Все было восстановлено так скрупулезно, что можно было купить даже старинную «фармацевтику»: травы, настойки, сушеные крылышки летучей мыши... Но главное – оружие. И по вполне умеренным ценам. В прошлом году я, например, прикупил неизвестно как оказавшуюся на лотке оригинальную броню французского кирасира времен Наполеоновских войн. Немного помятую, но мне же в коллекцию, а не воевать. И еще артиллерийский палаш восемнадцатого века. Все – подлинное и такое, что приятно подержать в руках. Впрочем, купил я и новодел. Очень эффектный «бастард», по виду – века четырнадцатого. Что новодел, было бы понятно любому мало-мальски неглупому человеку. Не может такой раритет стоить жалкие пять тысяч евро. И пусть меч был умело «состарен», но мне достаточно было взглянуть на режущие кромки, чтобы понять: приваривали их на вполне современном оборудовании. Да и заточка отнюдь не старинная. Хорошо хоть у изготовителей хватило скромности не вытравливать на клинке значок какого-нибудь авторитетного средневекового мастера.

– Что-то не похож он на раритет, – сказал я, деликатно дав возможность продавцу сбавить цену.

– Рукоять новая, – не воспользовался паренек моей помощью. – Старая истлела. Сколько веков прошло!

Я взял клинок в руки. Ага, баланс тоже хромает. Ребята сделали точную копию средневекового образца, но вот беда: их металл оказался не таким плотным, как тот. А может, доли слишком глубокие выбрали...

– Веков, говоришь? – задумчиво проговорил я. – А узоры зачем вытравливали? Не слышал я о такой средневековой технологии.

– Это не вытравлено! – попытался возражать молодой мошенник. – Это так ковали. Брали несколько...

– Заткнись, – сказал я невежливо и положил меч на прилавок.

Диспутировать я не собирался. Но меч был мне нужен. У меня имелась негласная договоренность с начальником нашей таможни: он пропускает все, что я везу, но один предмет оставляет себе. Точь-в-точь как в анекдоте об его коллеге, который, заглядывая в чужой чемодан, говорит владельцу: «Давайте, гражданин, определимся: что тут ваше, а что – мое».

К счастью, таможенный начальник разбирался в оружии как сорока в драгоценностях. Тащил самое блестящее. Эффектный «бастард» – самое то. Увидит – сразу слюну пустит.

– Значит, так, дорогой друг, – сказал я парню. – Или ты называешь настоящую цену – или я звоню в полицию.

У нас в России номер бы не прокатил. Но в цивилизованных странах, где полиция охраняет закон, а не ищет, где бабла по-легкому срубить, перспектива у парня была аховая.

– Тысяча, – пробормотал он упавшим голосом.

– Крон? – усмехнулся я.

– Имейте совесть, мистер!

Сошлись на восьмистах. Нормально. Думаю, паренек даже заработал пару сотен. Надо было ему лучше разбираться в людях. Не стал бы жулить, получил бы тысячу.

Однако уверяю вас: этот парнишка – исключение. Мои настоящие друзья и знакомые в Скандинавии – просто замечательные люди, честные, дружелюбные. Правда, большинство из них – либо фехтовальщики, либо оружейники. А самое главное – живут в двадцать первом веке, а не в махровом Средневековье.

Этот скандинав дружелюбным не был.

– Куда лезешь, трэль⁸?

И попытался спихнуть меня обратно на мостки. Этого я позволить не мог.

Уклонившись от его клешни, перемахнул через борт и оказался на палубе. Здесь былолюдно. И все занимались своим делом. Однако, увидев постороннего, каждый счел своим долгом его сцапать.

Я не дался. Увернулся от пары-тройки ловцов и прорвался на корму, где очень солидный викинг беседовал с другим, еще более солидным.

– Выслушай меня, конунг! – крикнул я по-шведски.

Самый солидный махнул рукой. Золотые браслеты звякнули. Ловившие меня викинги остановились.

– Что ты хочешь?

– Хочу служить тебе!

– Дальше.

– Я умею мечом и копьем. Хорошо умею. Проверь!

– Почему ты... – последнего слова я не понял. Все же мои познания в шведском были весьма ограничены. А та неизвестная сила, которая позаботилась, чтобы я понимал древнеславянский, не потрудилась сделать меня полиглотом.

– Прости, конунг. Я не понял.

– Я – не конунг, – викинг усмехнулся краем рта – правый ус слегка приподнялся. – Но – буду. Если Один прежде не заберет меня к себе.

Так он сказал или примерно так. Но общий смысл я уловил.

– Ты – словенин?

– Да.

– Я могу говорить на твоём языке, – сказал ярл. – Трувор!

Вперед выдвинулся плечистый викинг лет тридцати. Подбородок у него был выбрит, зато усы свешивались на добрых десять сантиметров. Серьезный человек. Я бы не хотел с таким поссориться.

– Переводи для тех, кто не понимает по вашему. Я спросил: человек, почему ты голый?

– Я не был голым еще сегодня утром, – ответил я. – Трое ваших видели меня, когда я входил в город. Могут подтвердить.

Трувор перевел.

– Повернись к людям, – велел ярл.

⁸ *Трэль (трель или трэлл – как произнести) – это раб. Холоп по-нашему.*

Я послушно повернулся.

Тут же кто-то с задних рядов крикнул:

– Я помню его! Он был вооружен как воин!

– Если ты воин, почему позволил себя ограбить? – с легким презрением произнес ярл.

– Я один не мог биться со всей дружиной Водимира, – мрачно пробормотал я. Вспоминать о позоре не хотелось. – К тому же там были стрелки...

– Это князь Водимир отнял у тебя оружие и одежду?

– И серебро с золотом тоже.

– Почему?

– Потому что ему так захотелось. Потому что я – чужой здесь. И я один.

– Ты хочешь ему отомстить?

– Хочу! – искренне ответил я. – Но что я могу один? Только глупо умереть! И кто тогда отомстит Водимиру?

– Ты пришел ко мне искать справедливости? – Ярл прищурился. Вопрос был с подвохом.

– Нет, – ответил я, немного подумав.

Все-таки искушение было немалое. Возмущенный ропот викингов, поднявшийся после того, как Трувор перевел мои слова, показывал, что они – на моей стороне.

– Я верю, что ты справедлив. Но это мое дело. Когда-нибудь мы сочтемся.

– Хорошо, – ярл кивнул одобрительно. – Я не стану ссориться с Водимиром. Здесь хорошая торговля. Даже лучше, чем в Альдейгье. Допустим, ты не врешь. Как твое имя?

– Волк! – ляпнул я первое, что пришло в голову. Вроде викинги уважают этого зверя.

– Ульф, – перевел Трувор.

– Возьми меня, ярл! Я знаю, с какой стороны держать меч!

– Это лишь слова, – заметил ярл. – Ты ловок, я видел. Но этого мало.

– Проверь меня!

Вот он, момент истины!

– Хорошо, – кивнул ярл. За моей спиной оживленно загомонили викинги. Предвкушали шоу.

– Стюрмир!

Вперед протолкался мордovorот ростом под метр девяносто. Косая сажень в плечах – это тоже про него. Рыжая борода Стюрмира была заплетена в косицы, изрядно засалившиеся. А руки по толщине могли вполне сравняться с моими ногами.

– Будешь с ним драться, – распорядился ярл.

– Я не буду с ним драться, – Стюрмир ощерился. – Я буду его убивать!

И потянул меч из богато изукрашенных ножен.

Я приготовился к почти невозможному: поединку безоружного с опытным мечником на ограниченном пространстве. Да при таких габаритах этот тролль меня голыми руками пополам разорвет.

Но ярл все же не собирался меня казнить.

– Погоди! Дайте Ульфу меч. И оба возьмите щиты.

– Мне щит не нужен, – быстро ответил я.

Зачем мне щит? Моя сильная сторона – быстрота.

К тому же этот здоровяк шутя развалит любой щит. Такими-то ручищами.

– Будете биться до смерти, – предупредил ярл.

– Мне довольно меча.

– Как хочешь, – не стал возражать ярл. – Начали!

Старина Стюрмир не стал проверять мои возможности. Взревел, аки бык, и ринулся в атаку, тесня меня щитом в борту и рубя мечом безыскусно, зато мощно. Остановить его у меня

не было никаких шансов, поэтому я просто ускользнул, мимоходом ударив его собственным мечом по ноге. Плашмя. Хотя Стюрмир, по-моему, этого хлопка даже не заметил.

Зрители взвыли.

Стюрмир развернулся и погнал меня к противоположному борту. Я опять вывернулся со стороны щита и шлепнул его – на этот раз по заднице. Вот это Стюрмир почувствовал, потому что я ударил с разворота и от души.

Но на его действиях это никак не сказалось – кипящий адреналин заблокировал болевые рецепторы. Нормальное явление. Со мной тоже так бывало.

Третий проход поперек палубы. Надо кончать это представление. В отличие от Стюрмира, которому бой на палубе – привычное занятие, для меня все эти тюки и скамьи – опаснейшие препятствия. Если я споткнусь или отступлю слишком далеко, он меня точно прикончит. Просто раздавит, как носорог – суслика.

Третий уход. На этот раз викинг меня почти достал. Врезал на развороте щитом так, что я едва не полетел на палубу. В последний момент интуитивно подпрыгнул и принял щит ногой, а не плечом. В свое время я неплохо отработал этот прием, но тогда был в обуви, а не босиком. Получилось – больно. Но и это намного лучше, чем умереть.

Отбросило меня на скамьи, но достаточно далеко от Стюрмира, чтобы я успел спрыгнуть и набрать дистанцию.

А он опять понесся на меня, как бык на тореадора. Хорошее сравнение. Обнадеживающее. Как тореадор, я ждал его до самого последнего момента, делая вид, будто наконец готов дать отпор... Но в самый последний миг все-таки улизнул. «Бык» с сопением пронесся мимо, а я развернулся элегантно фyuэтэ, или как там это называется, и хорошенько треснул «быка» мечом по затылку. Опять плашмя, но достаточно сильно, чтобы любой нормальный человек отрубился. Меч все-таки железный. И не такой уж легкий.

Стюрмир не отрубился. Мотнул разок косматой башкой и пошел на новый заход.

– Довольно!

Хороший голос у ярла. Зычный. Даже Стюрмир услышал и затормозил.

– Он достал тебя три раза, – сообщил ярл. Трувор великодушно перевел для меня. – Ты мертв, Стюрмир! Ульф, почему ты его не убил?

– Он – хороший воин, – ответил я. – Такой никогда не будет лишним в бою. Если он на твоей стороне.

А еще я не люблю убивать. Но об этом лучше помалкивать.

Трувор перевел. Викинги одобрительно загомонили. До сих пор все их симпатии, естественно, были на стороне своего. Сейчас и мне немного перепало.

– Хороший, – согласился ярл. – Ты тоже неплох.

– Да, – глупо отрицать очевидное.

– Ты довольно уродлив, – заметил ярл. («С чего это вдруг?» – удивленно подумал я.) – Черен, как купец из Микльгарда⁹ Но многие мои люди – не красавцы. Мое имя – Хрёрек. Хрёрек-ярл, – наконец представился он. – Может быть, я возьму тебя в хирд¹⁰. Позже. Когда ты покажешь себя в настоящем бою. И еще: оружия я тебе не дам. Ты возьмешь его сам. В бою. Зато я дам тебе одежду, чтобы ты не замерз. И пищу, чтобы ты не помер с голоду. И денег за это я с тебя не возьму, потому что у тебя ничего нет. Когда будут, тогда и отдашь. А сейчас иди работай. Твое место – на четвертом руме слева. Поглядим, как ты умеешь грести.

⁹ *Микльгард* (или Миклагард) – столица Византии, Константинополь, современный Стамбул. Само собой, герою об этом неизвестно.

¹⁰ *Хирд* – боевая дружина скандинавского вождя. Слаженное воинское подразделение, способное биться на суше и на море, в едином строю и сколь угодно малыми (до двух человек) группами.

Глава девятнадцатая, которая начинается вполне мирно, а заканчивается безобразной резней

Кожаные штаны – замечательная вещь. Особенно когда ты целый день елозишь задницей по деревьях. Орудовать веслом оказалось намного труднее, чем мечом. Тем более, мы сидели близко от носа, а здесь весла были длиннее и тяжелее, чем другие. Ну да я – парень крепкий. И напарник у меня был хороший. Трувор. Видя мою неподготовленность – ну и старание, само собой, – он принял на себя добрых три четверти тяговой силы. По-моему, при необходимости он мог бы и вовсе обходиться без моей помощи. Большинство викингов орудовали веслами в одиночку и без особого напряжения.

Еще под скамьей был мой ящик-сундучок – для личного имущества, которого у меня пока не было.

К счастью, грести мне приходилось не круглые сутки. На драккаре имелось четырнадцать пар весел, а народу – под сто человек. Так что работали в три смены. Гребли все, кроме кормчего, даже сам ярл. Все было демократично.

Теснота на драккаре царила невообразимая. Не столько из-за людей, сколько из-за множества мешков, кип, бочонков и прочего имущества. И это притом, что наиболее ценные товары были упрятаны под палубу.

Этнический состав экипажа отличался разнообразием. Здесь были даны-датчане, норегинорвежцы, десяток свеев-шведов и даже четверо эстов, державшихся обособленной кучкой. Варягов на корабле было одиннадцать человек. Трувор – за главного. Над всеми, кроме кормчего Ольбарда. Кормчий – это круто. Круче только сам ярл. Зато Трувор приходился Хрёреку родичем. Четвероюродным: двоюродная сестра его матери была Хрёрековой бабушкой. Вроде дальнее родство, но здесь, как я понял, даже сильно разбавленная общая кровь имела немалое значение. Трувор называл ярла братом, и тот относился к этому положительно.

Узнал я кое-что и о варягах. Это было славянское племя, обосновавшееся на южном берегу Балтики и занимавшееся примерно тем же, чем и их более северные соседи. Пасли коз, разводили свиней, возделывали землю... Но главные доходы получали от торговли и грабежа.

Предводитель варягов взял надо мной негласное шефство. Я говорю не о физической защите – дисциплина на драккаре была идеальная. Викинги даже голос друг на друга повышали редко. А если кто-то начинал бычить, одного взгляда ярла или кормчего Ольбарда хватало, чтобы горлопан заткнулся.

Оно и понятно. В тесноте невольно становишься раздражительным. А несдержанность в такой компании неминуемо приведет к потасовке... И кровопролитию. Даже учитывая то, что большая часть оружия хранилась в специальных ящиках. Полагаю, причиной этого была не опасность его боевого применения против своих, а желание уберечь железо от воды.

Если представлялась возможность, вечером мы приставали к берегу.

Несколько хирдманнов отправлялись с луками за свежатиной. Остальные тоже не бездельничали: бегали, плавали, боролись... Словом, разминали ноги, как могли. «Кухонная команда» занималась приготовлением пищи. На свет извлекали пару пятиведерных котлов, устанавливали на треноги и варили что-то вроде густой похлебки. Эта работа требовала специальных навыков и крепких мускулов: мешалось варево штуковиной, похожей на половину весла от байдарки.

Масштабы вполне оправданные: любой бородач из команды Хрёрека был способен умять полный шлем этакого варева и добавки попросить.

Озеро мы миновали довольно быстро и в основном под парусом. Затем вошли в реку, которую Трувор назвал Ольховой. Что тоже было понятно: ольховых зарослей на берегах хватало. Однако я произвел нехитрое дополнение, и из Ольховой легко получился Волхов¹¹. Очень может быть. Еще я помнил, что на Волхове стоит, вернее, будет стоять Новгород. Может, Город и есть Новгород? Хотя нет, не похоже. Новгород-то на Волхове, а тот населенный пункт на противоположном берегу озера. О, вспомнил: озеро это Ильмень называется. Во! Не такой уж я неуч в отечественной географии.

В устье Волхова тоже, кстати, имелось какое-то поселение, но не город, это точно.

Волхов вообще река неширокая, а местами и вовсе труднопроходимая. В сложных ситуациях за рулевое весло садился Трувор, а Ольбард взбирался на носовую фигуру (что-то грознозубастое с гривой), съемную, кстати (в Городе мы стояли без нее), выглядывал мели и давал команды рулевому. А мы отдыхали.

Отдыхали мы и когда дул попутный ветер. Парус у драккара был белый, вернее, грязно-белый, и на нем ярким красным пятном выделялся поднявший крылья сокол – герб Хрёрека-ярла.

Попадались и пороги. Пару раз нам даже пришлось разгрузить драккар, чтобы уменьшить осадку. К счастью, Ольбард отлично знал фарватер, и пока мы шли без осложнений.

Понемногу я втянулся, и Трувору больше не нужно было впахивать за двоих.

Варяг, кстати, оказался замечательным мужиком: спокойным, толковым, дружелюбным. Он терпеливо загружал в мой мозг правила поведения в здешнем обществе, подсказывал, как что делать и куда класть. А главное, чего не следует делать ни в коем случае. Например, обсуждать приказы старших по званию. В общем, я естественно влился в компанию варягов. В ней все говорили по-русски, вернее, по-словенски. Меня приняли вполне доброжелательно, а когда я рассказал пару-тройку адаптированных под местные реалии анекдотов, последний ледок между нами растаял.

С чувством юмора у викингов дело обстояло отлично. Порой между ними затевались настоящие состязания: кто кого поизощреннее обзовет. Но – без обид. Каждый точно знал меру дозволенного. В ходу также было безудержное хвастовство. Особенно среди скандинавов. Послушать их, так каждый мог одним ударом слона поперек разрубить. Или – двух. Но вражье и похвальба, как я понял, тоже были своего рода искусством. Здесь вообще очень ценили рассказчиков и прочих мастеров слова. Несколько викингов считали записными певцами и все время уговаривали петь. Они, впрочем, не отказывались. Кстати, это очень взбадривало при гребле. Намного лучше, чем барабан. Мощный ритмичный напев работал примерно как строевая песня. Временами к запевале присоединялись другие, и тогда песня превращалась в грозный рев, от которого на берегу взлетали птицы. Слова у песен были примитивнейшие, мотив – тоже. Если он был. Но разве в мелодии дело?

Плыли мы к городу, который скандинавы называли Альдейгьей и который оказался той самой русской Ладогой, или Старой Ладогой, которую наш президент (разумеется – в той жизни) назвал столицей Древней Руси в пику отошедшему к Украине Киеву.

Вот я и сориентировался в пространстве. Поселок Ладога стоял на одноименном озере. Из него вытекала Нева, по которой можно было выйти в Балтийское море.

Наше спокойное плавание продолжалось примерно две недели (календаря я не вел) и закончилось, когда кто-то из носовых углядел впереди полосатый парус.

¹¹ Здесь вариант происхождения и от слова «Волхов». Вполне реальная версия.

Это был корабль совсем другого типа, чем наш драккар. Значительно шире, и борта, пожалуй, повыше. И весел у него, насколько я мог судить, было поменьше. Ветер дул нам в нос, поэтому мы сидели на веслах, а его гребцы наслаждались отдыхом.

– А-а-а! – радостно завопил впередсмотрящий, матерый викинг по прозвищу Два Зуба. – Ярл! Да пожрут меня инеистые великаны, если это не кнорр¹² Торстейна Детоубийцы!

– Ха! – рявкнул Хрёрек. – Благодарю тебя, Один! Клянусь, когда придем в Альдейгю, самая жирная телка – твоя!

– Почему детоубийца? – вполголоса спросил я у Трувора.

– Лет семь назад он скупил по дешевке два десятка детишек у полабов. Хотел привести в Упсалу и отдать жрецам для жертвы Одину. Но не довез – все перемерли. Видно, кормил плохо. Торстейн – кровник наш. Позапрошлой весной он и его люди убили в Хедебю троих наших. И сбежали. Но, как видишь, удача все-таки оказалась на нашей стороне.

– Разворачивается, сын шлюхи! – заорал Два Зуба. – Струсил, пожиратель падали!

Кнорр и впрямь поспешно менял курс. Полосатый парус упал.

– Свободная смена – на румы! – крикнул Хрёрек.

Мы с Трувором поспешно освободили скамьи. Свежие гребцы взялись за весла. На этот раз на каждом руме было по паре гребцов... И драккар полетел!

Весла двигались со скоростью лапок многоножки, вода шипела и пенилась. Мы развили узлов десять, не меньше. У пузатого кнорра не было никаких шансов.

Трувор и Хрёрек открыли ящики с оружием. Викинги поспешно вооружались... А мне не дали ничего. Или тут все по спискам?

Тут я вспомнил, что сказал Хрёрек: «Оружия я тебе не дам. Ты возьмешь его сам. В бою». Ладно, как-нибудь выкрутимся.

– Смена! – рявкнул ярл, и мы снова сели за весла, чтобы дать возможность вооружиться остальным.

Я греб изо всех сил, но успевал завистливо коситься на Трувора. Вот кто экипирован отменно. Шлем с кольчужным тыльником, панцирь явно штучной работы, на правой руке – наруч, два меча на поясе, за поясом топор, запас метательных ножей...

– А-а-а! – дружно взревели викинги. Мы настигали. Свободные разбирали щиты. По распоряжению Трувора, я тоже снял щит, который висел на борту и приготовился нас прикрывать. Со стороны противника прилетели первые стрелы. Правда, почти не опасные, на излете.

Щит, кстати, был довольно интересно раскрашен. С внешней стороны – круглый глаз, центром которого был бронзовый умбон – выпуклая бляха посередине. Край разделен на красные и синие поля, в каждом из которых начертана руна. Изнутри щит зачем-то был выкрашен в белое.

Наши лучники тоже не бездельничали. Бодро защелкали тетивы.

Я мало что видел, поскольку всю панораму заслоняли спины передних гребцов и столпившиеся на носу.

– Суши весла! – заревел кормчий.

Трувор задрал весло. Драккар шел по инерции, но довольно быстро. И вдруг я увидел, как спереди надвигается корма кнорра. Мы догнали! И сразу – вжик! – в мой щит ударила пущенная навесом стрела. Я даже успел увидеть лучника. Но второй раз он выстрелить не успел. Кто-то из наших метнул копье, и стрелка не стало. Скорости кнорра и нашего корабля почти сравнялись. Вражеский борт был примерно на полметра повыше, и вдоль него уже выстроилась «комиссия по встрече».

Трувор уронил весло на борт кнорра и вскочил.

¹² *Кнорр* – основное торговое судно викингов VIII–X вв. Его длина колебалась от 12 до 18 метров, ширина – 4–6, а осадка – около двух метров.

Два Зуба первым скочил на борт и... опрокинулся на палубу, забившись в судорогах. Из его груди торчало вражеское копьё...

И точно такое же копьё летело в меня!

Я вскинул щит, но меня опередил Трувор. Варяг рванулся вперед, играючи перехватил опасный снаряд и послал обратно. Тот, в кого он целил, принял копьё щитом, но удар был так силен, что бойца швырнуло назад.

– На-ка! – Трувор сунул мне свой топор. – Вперед не лезь, безбронный!

Варяг вскочил на скамью, легко, будто и не было на нем добрых двадцати килограммов железа, сиганул на борт, оттуда на весло, толкнулся и с нечеловеческим рыком: «Перу-ун!!!» – еще на лету выхватывая мечи, вспрыгнул на борт кнорра.

Он не был первым – несколькими секундами раньше то же проделали еще человек двадцать наших. И сразу в воздух взвились канаты с «кошками». Стальные крючья намертво впились в борт кнорра, соединяя корабли в одно целое. Викингам Торстейна было не до того, чтобы их выдерживать, – их уже связали боем.

Воздух наполнился лязгом, грохотом и безумными воплями.

Я, следуя совету Трувора, выждал с минуту и тоже полез на кнорр. Получилось не так лихо, как у викингов, но я все же оттолкнулся от весла (оно неплохо спружинило) и вспрыгнул на борт кнорра без помощи рук.

Звериный рев предупредил меня об опасности. На меня несся упакованный в железо здоровяк с копьём наперевес. Рожи не разобрать: шлем скрывал его до рта, то есть – до свалывшейся бородачи, но я вмиг сообразил, что это не может быть кто-то из наших. Эти-то уж точно меня узнали бы: героя, вступившего в бой в полотняной рубашечке вместо доброй брони. Хирдманн Детоубийцы направил свое здоровенное копьё прямо мне в лицо, однако в последний миг сместил его вниз – в направлении живота. Мне, впрочем, было без разницы. Я уклонился вправо и рубанул сбоку в шею, рассчитывая, что мой топорик все же пробьет железную сетку. Может, и пробил бы, но викинг вздернул плечо и принял удар на широкую выпуклую пластину наплечника. И ловко отпрыгнул влево, разворачиваясь и набирая дистанцию.

Однако мигом раньше я успел ухватиться за кольчужный тыльник его шлема. Ноги мои оторвались от палубы. Меня мотнуло, как бульдога, вцепившегося в ухо буйволу, зато я оказался у здоровяка за спиной и тут же изо всех сил пнул его в сгиб колена. Лучше бы – топором, но я боялся не успеть. Хотя и ногой получилось неплохо. Равновесие он потерял, а поскольку я все еще висел у него на тыльнике, то викинг и голову запрокинул. Я рубанул его через собственную руку, пониже края шлема. То есть – прямо в рот. Страшная рана, но он не сдался, даже попытался прикрыться щитом. Безуспешно. Я добавил еще разок – и разрубил какую-то важную артерию. Кровь хлынула фонтаном. Все. Я разжал пальцы, и умирающий повалился на доски. Рубаха, пропитанная кровью, прилипла к телу, но мне было по фиг. Черт возьми, я, кажется, становлюсь профессиональным убийцей! Плевать на рубаху! Главное, что на поясе моего противника оказались ножны, а в них – меч. Выдернул его (тяжеловат, но сойдет) я очень вовремя. Еще два головореза мчались на меня. Вернее, не на меня, а к месту общей рубки у мачты. Мне просто «повезло» оказаться у них на дороге.

Я сдвинулся к борту, выстраивая их в линию, но это оказалось ни к чему. Наверное, они решили, что я – легкая добыча. И разделились. Один помчался дальше, а второй остался разбираться со мной. Ну давай, грозный воин, попробуй!

Этот был с мечом и щитом. И в открытом шлеме. Даже не в шлеме, а круглой кожаной шапке, на которую крест-накрест были нашиты стальные полосы. Совсем молодой. И не очень умелый. Рубанул меня прямолинейно, без финта, без обманного выпада – как барана на бойне. Только я ведь не баран. Три секунды – и храбрый парень сидит на палубе, изо всех сил пытаясь зажать ладонью рану на шее и с ужасом глядя на меня. Добивать я его не стал, огляделся.

Расклад – явно в нашу пользу. Корма кнорра уже свободна. Бой шел в середине, у мачты, и, кажется, на носу. Я поискал знакомых: ага, вон Ольбард. Дерется, стоя на скамье. Тоже с двумя мечами, как и Трувор. Интересная, однако, техника. Левый меч в основном для парирования и коротких выпадов, а правый – для длинных сокрушительных ударов. Я поймал как раз тот момент, когда Ольбард левым сбил в сторону щит противника, а правым нанес длинный мощный удар в бок. Наверняка прорубил и броню, и ребра.

Все. Несколько секунд, и рекогносцировка закончена. Я сразу понял, где нужен. Проскочивший мимо викинг теперь орудовал в тылу у наших и как раз зарубил кого-то ударом сзади.

Пора остановить негодяя. Я бросился вперед, но тут взгляд упал на копьё моей первой жертвы. Ага, самое то. Я сунул топорик за пояс, перехватил меч в левую руку, а правой поднял тяжеленное оружие убийства...

Этот гад как раз прицелился подрубить поджилки одному из наших, когда я с разбега воткнул копьём ему в спину. На вороге была хорошая бронь, но такой удар выдержал бы разве что толедский доспех. Да и то исключительно за счет обтекаемых форм. Наконечник пробил злодея насквозь и уперся в грудную часть панциря. Нанизанное на копьё тело бросило на того самого парня, которому он намеревался подрубить ноги. Это оказался один из варягов, кажется, его звали Руад. Он развернулся в полной готовности рубить на капусту, мгновенно сообразил, что произошло («тормоза» здесь долго не живут), ослабилась одобрительно и вернулся к прерванному занятию: попытке достать кого-нибудь из врагов копьём через головы первого ряда.

Больше мне делать было нечего. наших с самого начала было вдвое больше, а теперь образовался и вовсе сокрушительный перевес.

Дело затягивалось (как я выяснил позже) лишь потому, что Хрёрек приказал захватить Торстейна живьем.

Недруг ярла отбивался изо всех сил, но в конце концов его зажали щитами и повязали.

Глава двадцатая, в которой хирд Хрёрека делит плоды победы, а герой получает официальный статус

Победа была знатная. Из команды кнорра (сорок девять человек) в плен взяли шестерых, включая подрезанного мной парня, который все-таки ухитрился остановить кровь. Думаю, он не стал бы этого делать, знай, что ждет впереди.

Взяли весь товар, который Торстейн вез на продажу. Там были ткани, посуда, моржовые бивни и много всякой всячины, например, камня, который местные называли «мыльным», и канатов из моржовых и тюленьих шкур. Самым ценным почему-то сочли емкость из зеленого стекла, в которой было примерно поллитра белого вещества, похожего на жир. Трувор объяснил мне, что добывают его из головы большого хищного кита и в некоем Микльгарде за эту субстанцию дают очень много золота.

Наших погибло трое. Двое были тяжело ранены (одного, сочтенного безнадежным, Хрёрек прирезал прямо на поле боя) и еще с десятков – легко.

Кнорр и драккар вытащили на низкий берег. Пока младшие занимались заготовкой древесины (для погребального костра, как выяснилось), старшие разбирались с товарами и пленниками. По непонятной мне причине Хрёрек выделил одного из них. Этого отпустили.

С остальными поступили очень жестоко. Даже описывать это не хочу. Особенно страшно пытали Торстайна.

Мне было приятно, что варяги смотрели на эти издевательства без одобрения.

– У нас другие обычаи, – ответил на мой вопрос Трувор. – Наш бог – Перун Молниерукий, а не Отец Лжи.

Отцом Лжи, как выяснилось, называли Одина. Однако Одина именовали также и Отцом Воинов. Каждый выбирал, что нравится.

Наших погибших уложили на громадную кучу дров. Туда же покидали и связанных, полумертвых пленников.

Затем всю конструкцию подожгли. Надеюсь, пленники задохлись в дыму раньше, чем до них добрался огонь.

Когда пламя начало угасать, Хрёрек скомандовал торжественное построение, ткнул пальцем в мою сторону и поинтересовался, что думаю по моему поводу храброе воинство.

Воинство думало позитивно. Меня хвалили. Сначала Трувор. Потом Руад сообщил, что я спас ему жизнь. Затем сам ярл поведал народу, что я лично уложил двух врагов и вывел из строя третьего. Откуда он узнал, понятия не имею. Но я и после замечал, что Хрёрек в бою видит каждую мелочь. Может, он – волшебник? Излагал ярл, кстати, очень поэтично. Я уже достаточно натерпелся в языке, чтобы оценить.

Потом последовал вопрос: считает ли меня храброе воинство достойным вступить в их ряды?

Воинство дружно заорало, что считает.

Хрёрек обнял меня и поставил рядом. А сам вызвал освобожденного пленника. Последний оказался выходцем из некоего Тродхейма или типа того. Тоже скандинавом, разумеется. Назвался Сигвадом. К Торстейну этот счастливчик примкнул уже в Ладогe. Сигвад приплыл туда на собственном корабле, однако повздорил с тремя местными и убил всех троих. На вергельд¹³ ушли все его товары и корабль, на котором он приплыл. Осталось только оружие и

¹³ *Вергельд* (верегельд) (от *Wër* – человек и *Gëlt* – цена) – денежная компенсация за убийство свободного человека. Она

немного денег. Из Ладоги Сигваду следовало бежать – и быстро, потому что выплата вергельда не отменяла кровной мести, у всех убитых же были весьма влиятельные родственники. Вот так он и нанялся на кнорр Торстейна. Тот забрал у Сигвада все оставшиеся деньги, но взамен пообещал долю в прибыли. Это было, как я понял, обычной практикой.

– Перед нами он чист! – заявил Хрёрек. – В Хедебю его не было! А сражается неплохо. Думаю, он нам пригодится. Что скажете, люди?

На этот раз не столь единодушно, как в случае со мной, но кандидата все же одобрили.

Затем, под бодрое потрескивание погребального костра и вонь горелого мяса, начался чрезвычайно важный и весьма торжественный обряд: принятие нас с Сигвадом в вольную дружину ярла Хрёрека.

Не стану вдаваться подробности, скажу только, что порядок вступления в запорожские козаки (Горилку пьешь? В Бога веруешь? А ну перекрестись!) мне бы понравился куда больше. Да и жрать хотелось, честно говоря. Наконец, все закончилось. Хрёрек торжественно вручил мне мною же добытый меч, я по очереди обнялся со всеми викингами, распил с народом братину пива, после чего ярл пальцем начертал на наших с Сигвадом лбах знак тейваз¹⁴ – руна воина, долженствующую укрепить стойкость и храбрость в бою. И провозгласил, что я теперь – его хирдманн, то есть полноценный член ватаги, посему мне отныне полагается беспрекословно подчиняться старшим, рубить, кого скажут, уважать соратников, как братьев, и выказывать чудеса доблести на поле битвы. За это мне полагалась одна доля добычи (если общество не решит иначе) и возможность при необходимости получить поддержку хирда и лично Хрёрека-ярла. Все это очень походило на те родовые правила, которые мне в свое время излагал Коваль. То есть, по местным понятиям, я больше не был сиротой. И «семья» у меня была такая, что всем моим недругам лучше сразу перейти на другую сторону улицы. Это радовало.

Вот так я стал дренгом. То есть младшим воином хирда. Меня устраивало. Я в генералы не стремлюсь.

Потом мы наконец сели кушать. Вернее, пировать. Ярл не поскупился: выкатил пива (из трофеев), которое отлично пошло под свежую дичь и вяленую рыбку.

Когда первый голод был утолен, руководство принялось делить добычу. Все уже было скрупулезно пересчитано в соответствии с денежным (вернее, серебряным) эквивалентом, выделена доля в общак и определены товары, которые в дележку пока не войдут, потому что их надо сначала продать. Сам захваченный кнорр становился коллективной собственностью, но если кто-то, по желанию или необходимости, должен был покинуть компанию, то ему выделялась доля в соответствии с рыночной стоимостью кнорра на текущий момент. Все эти бухгалтерские выкладки были мне совершенно неинтересны, но, к моему удивлению, все викинги, даже самые тупые, слушали очень внимательно, постоянно что-то уточняли, оспаривали, и Ольбарду, который на правах кормчего заведовал казной, приходилось отвечать, убеждать и даже наезжать авторитетом на особо упрямых.

выплачивалась самим убийцей или его родом роду убитого. Сумма устанавливалась в зависимости от социального положения убитого, его пола и возраста, от того, к какому народу он принадлежал. Отказ платить автоматически приводил к кровной мести. Если было кому мстить. От вергельда скорее всего произошло и русское слово «вира». Однако в русской традиции (более поздней) существовал так сказать «налог на убийство», который еще называли «головное». Эти деньги выплачивались не роду убитого, а главному «папе», то есть – самому князю. Эта мера косвенно защищала слабых от сильных. Ну и казну пополняла изрядно.

¹⁴ Для тех, кто интересуется: Тюр – скандинавский бог войны. Руна воина – его руна. Этот персонаж известен тем, что, когда боги (асы) изловили гигантского волка Фенрира, его предстояло еще и связать магическими путями. Дело важное, потому что Фенрир был не просто волком, а еще олицетворял силы Хаоса и также являлся одной из главных причин будущего Рагнарёка, то есть – конца света. Волк, естественно, был категорически против связывания, даже «как бы в шутку». Тогда Тюр предложил вложить ему в пасть руку – как гарантию, что это действительно шутка и Фенрира впоследствии развяжут. Но развязывать волчару никто не собирался, и Фенрир оттяпал руку Тюра. Однако дело было сделано, и конец света на некоторое время откладывался.

Каждый простой викинг имел одну долю. Командиры вроде Трувора (они назывались – хольды) – две. Кормчий – три. Сам ярл получал львиный кусок: каждый рум драккара соответствовал одной доле. Драккар был собственностью ярла и стоил немало. Да, в случае, если викинг выказывал какую-то особенную доблесть, ему добавляли еще долю. Или лично ярл делал подарок. В прошлом бою особо выдающихся не было. Это понятно: чтобы как-то выделиться на фоне этих безбашенных храбрецов, требовалось совершить что-то невозможное.

Меня дележка не касалась. На момент битвы с Торстейном я еще не был полноправным членом общества. Однако...

Однако это давало мне и кое-какие бонусы. Например, имущество убитых мною лично, один на один, ворогов не вносилось в общий котел, а отходило непосредственно мне.

Мне достались очень приличные наборы доспехов: два добротных, чешуйка к чешуйке, панциря (оба, к сожалению, были велики); два щита, на одном из которых, кстати, красовалась руна *тейваз*; пара «очковых» шлемов, причем один – с кольчужным тыльником и «воротником»; пара боевых поясов со всеми нужными кармашками и множеством мелких полезных вещей. И с деньгами, кстати. Каждый из убитых носил при себе некоторую сумму (остальное, как потом пояснил Трувор, хранилось у казначея) и украшений. То есть я «приобрел» три серебряных браслета общим весом граммов двести и золотую цепку граммов на пятьдесят. Из наступательного вооружения мне достались два меча неплохойковки, пара топоров, копье, явно для меня слишком тяжелое, пяток метательных ножей, нож простой и один полноценный кинжал, похоже, арабской работы. Ну и еще много чего – по мелочи. Досталось мне также и имущество принесенного в жертву парнишки. Сначала я к нему отнесся пренебрежительно (даже меч – примитивная кое-как закаленная железяка), но Трувор меня переубедил. Сказал, что за эту «железяку» мне любой кузнец охотно заделает (да еще и приплатит) дыру, пробитую мною в панцире, когда тот еще не был моей собственностью.

На следующий день, пока половина викингов выгоняла похмелье, а вторая бездельничала, мы с ним пошли к Ольбарду, который принял на хранение все, что нужно, поменял один из мечей на более легкий – и ничуть не хуже (второй я решил оставить), подарил вместо подкольчужника толстую фуфайку, на которую целый панцирь лег почти прилично, и выдал объемистый кожаный мешок с завязками, куда я должен был сложить свое личное оружие (ножи и кинжалы – не в счет), когда мы находились в походе и без перспектив подраться.

Я набрался наглости и попросил научить меня обоерукому бою. Ольбард прищурился испытующе, потом хмыкнул и кивнул на Трувора:

– Он научит.

– Научу, – подтвердил тот. – Хоть сейчас. Пойдем?

И мы пошли.

Глава двадцать первая, в которой герой прибывает в Старую Ладогу, которая в это время ещё далеко не стара, и знакомится с местным князем Гостомыслом Ладожским

Ладога, или Альдейгья, как ее называли мои друзья викинги, располагалась на отличном месте. Аккурат слева от порогов, которые можно было пройти разве что на надувном матрасе. То есть волей-неволей вылазь... и плати. Местность здесь была холмистая, берег довольно крутой, но – доступный. Наверху, на горе, контролируя окрестности, обосновалась хорошо видимая снизу крепость. Такую не вдруг возьмешь – еще залезть надо, а берег крутой, скалистый.

Сам город расползался в разные стороны, но тоже был огражден стеной, которая, впрочем, не ограничивала расползания. На противоположном берегу – тоже холмы и лес.

В общем, Ладога была раза в четыре больше, чем город, в котором меня ограбили. В остальном – похожа.

Крепкие стены, деревянные причалы, поля-огороды вокруг, но последних меньше. Это объяснялось просто: Ладога была, во-первых, центром большого княжества, во-вторых, тут процветали ремесла. И торговля. И волочительный бизнес для желающих преодолеть пороги.

Князь здесь сидел авторитетный, держатель всех окрестных земель. Еще бы! Такая крепость – это не городок на выселках.

Звали князя красиво – Гостомysl. Высокий, представительный, борода – перец с солью, не первой молодости человек. Однако дряхлостью тут и не пахло. Пахло уверенностью, солидностью, спокойствием...

Но не в данный момент.

В данный момент он совсем даже не степенно орал на моего ярла:

– Ты что творишь, Хрёрек-ярл! Разбой у меня на реке! Решил, что ты – в вике? Хочешь лишиться моей дружбы? Хочешь, чтобы я закрыл тебе дорогу по Волхову? Ты этого хочешь?

– Не понимаю, о чем ты, – хладнокровно отвечал Хрёрек.

– Ах ты не понимаешь? Или это не кнорр Торстейна я вижу у своих причалов? Откуда он тут взялся, Хрёрек-ярл? И где сам Торстейн? Говори!

– Хочешь, чтобы я ответил тебе как другу? Или – как князю? – поинтересовался ярл.

Кажется, Гостомysl смутился. Или мне показалось? Но ненадолго.

– Ты меня с толку не сбивай, ярл! – Потом задумался и разрешил: – Говори!

– К твоим торговым делам это не имеет отношения, – довел до князя успокоительную мысль Хрёрек. – Торстейн был моим кровником. Это известно всем.

Гостомysl дернул щекой – он, мол, в понятие «все» не входит.

Ярл остался невозмутим. Голос его был ровен и нетороплив. Так обычно с детьми говорят. Или с теми, кто плохо знает язык.

– Мы встретились, – сообщил очевидное Хрёрек. – Я оказался сильнее. Если бы сильнее оказался Торстейн, он получил бы мой драккар. Это обычная история на дорогах благословенного Ньерда. Никто из пастырей волн этому не удивится. И не сочтет, что дорога по Ньюе¹⁵ и дальше стала опасней, чем прежде. А иные, не северной крови, только порадуются, что одним пожирателем жизней стало меньше. Кто тебе Торстейн? – Голос ярла стал проникновенным, как у страхового агента. – Никто. А я люблю тебя, как отца, Гостомysl-конунг. Всем ведомо, что в трудные времена ты укрыл меня в своем гарде и дал зализать раны. Ты знаешь: если придет к тебе недруг, мой хирд всегда будет рядом с твоей дружиной.

¹⁵ Нева.

– Только если в это время ты не отправишься убивать еще какого-нибудь кровника, – проворчал Гостомысл. Но видно было, что пыл его иссякает.

– А еще у меня для тебя подарок, – с улыбкой произнес Хрёрек.

По его знаку Ольбард торжественно вынес длинный сверток.

– Ярл! Я хочу знать, почему...

И тут Ольбард сверток развернул...

Гостомысл осекся.

Я бы тоже заткнулся на его месте, потому что это был меч настоящей германской работы, вдобавок изукрашенный тонкой гравировкой, со здоровенным самоцветом на оголовье, с серебряными вставками... Но в первую очередь, это был – меч. Не парадная игрушка, а настоящий боевой инструмент. Безукоризненное орудие убийства. Даже у самого Хрёрека был похуже. Правда, лишь с точки зрения дизайнера.

Глаза Гостомысла вспыхнули. Злополучный кнорр вылетел у него из головы. Руки сами потянулись к оружию.

Рядом с мечом лежали ножны, ничем не уступающие дорогому клинку, но князь их не тронул. Прямо-таки благоговейно он принял меч, качнул в руке, взмахнул, со свистом прорезав воздух... Сразу видно – не дурак порубить кого-нибудь в капусту.

Гостомысл бережно провел пальцем вдоль дола – как приласкал, оглядел внимательно, любуясь... Казалось, князь готов облизать чудесную вещь... Впрочем, я его прекрасно понимал.

Ольбард подал ножны, и Гостомысл со вздохом спрятал клинок. Но меча не убрал, а сунул за пояс. Не хотелось князю расставаться с подарком.

Безвременная кончина Торстейна была забыта.

– Что ж, – произнес Гостомысл, косясь на драгоценную рукоятку. – Уж не знаю, чем теперь отдариваться, друг мой. Но я подумаю. А пока нынче вечером приглашаю всю твою дружину ко мне на пир.

Тут князь изволил обратить внимание на меня:

– Вижу, у тебя новый человек. Не из ваших. Кто таков?

– Нишего приютил, – усмехнулся Хрёрек.

– Что-то не похож он на нишего, – Гостомысл цепким взглядом окинул мою персону.

– Ты бы видел, каким он ко мне пришел... В рваных портках.

– Прежде я за тобой склонности к подаянию не видал, – заметил князь.

– Какое подаяние? – Хрёрек вскинул бровь, изобразив удивление. – Все в бою взял. Считаю, голыми руками.

– Как же такой воин оказался в рваных портках? – Сощуренные глазки Гостомысла так меня и сверлили.

– Водимир его ограбил, – пояснил Хрёрек. – Заманил к себе и под прицелом лучников все отнял.

– Сам видел? – нахмурился Гостомысл.

– Он рассказал, – ярл кивнул на меня. – И я ему верю.

– От меня чего хочешь? У меня с Водимиром вражды нет.

– Ничего не хочу. Ульф попросил оставить месть ему. И это правильно. Но я хочу, чтобы ты знал, с кем водишь дружбу.

Гостомысл задумчиво почесал в бороде.

– Не друг он мне, а подручник, – ответил он загадочно. Во всяком случае, загадочно для меня. – И довольно об этом. Жду вас, как стемнеет. – И добавил ворчливо: – Оружие оставить при входе. А то знаю я вас: напьетесь – сразу балки рубить. Так и без крыши над головой остаться недолго.

Хрёрек довольно ухмыльнулся. А я поглядел на деревянные брусья, поддерживающие высокий потолок, и решил, что перерубить такие мечом практически невозможно. Тут хороший топор нужен. А лучше два. И пара умелых лесорубов...

На пир мы отправились все, кроме бедняги Сигвада. Само собой, на драккаре остался и лежащий раненый. Сигвад должен был за ним присмотреть. На всякий случай. Боец уже шел на поправку. Я спросил Трувора: не опасается ли ярл оставить корабли с полными трюмами добра без присмотра, но варяг лишь ухмыльнулся.

Я его понял так: ни один ворюга не рискнет связаться с викингами. Аналогичная ситуация была у нас в девяностых, когда авторитетным бандюкам было запахло закрывать свои «мерседесы».

Но все оказалось проще: Гостомысл, оказывается, прислал пяток своих дружинников. Присмотреть за имуществом дорогого гостя. С берега, само собой. Палуба корабля считалась суверенной территорией. Без приглашения посторонним – ни-ни.

Мы вырядились по-парадному. По местным меркам это значило: напялить на себя как можно больше драгметаллов. Я тоже «приоделся»: нацепил трофейную гривну и браслеты. Руад, который после того, как я спас ему жизнь, начал выказывать ко мне особое расположение, подарил мне чистую и почти нештопаную рубаху с вышивкой. Я подпоясал ее трофейным же поясом (тоже знак респектабельности, примерно как у нас – часы), прицепил к нему меч.

И мы отправились.

Я шел с варягами: как-то так естественно получилось, что я вошел в «отделение» Трувора. Впереди – Хрёрек с Ольбардом. Ярл смотрелся роскошно. Штаны у него были – иссиня-черного бархата, шитые серебром; сапоги – алые, как кровь, выложенные узорами из мелких драгоценных камней и даже с серебряными колокольчиками; рубаха – синего шелка, с вышитыми белым рунными символами; поверх – что-то вроде жилета из тончайшей кожи с тиснением и шитым золотом соколом на спинке. Пояс... Пояс я даже описывать не буду. Скажу только, что весил он, наверное, килограмма два, и это – если учесть, что собственно кожи там было граммов триста. Шею Хрёрека обнимала золотая цепь в палец толщиной, к которой крепилась пектораль явно христианского происхождения. С нею соседствовали драгоценные фигурки главных скандинавских богов и не менее дюжины разнообразных оберегов с рунными символами. Запястья ярла утяжеляли широченные золотые браслеты, а голову венчала золотая же диадема с грубо отшлифованным рубином размером с фасолину.

Ольбард был одет скромнее, но золота на нем тоже было изрядно. Думаю, если сложить все золото, которое сейчас мы несли на себе, потянуло бы килограммов на десять.

Шли мы не строем, а вольно (я бы назвал это построение «организованной толпой»), громко переговариваясь и обсуждая глазевших на нас девиц.

Девиц было в избытке. Еще больше – собак и мальчишек. Эти тащились следом и обсуждали нас.

Потребовалось немало времени, чтобы пройти через Ладогу и подняться на гору, где располагалась княжеская резиденция. Как раз достаточно, чтобы проголодаться.

Ввиду обилия народу столы накрыли прямо во дворе. Говоря «обилие», я имел в виду не только наш хирд. Мы составляли едва ли пятую часть собравшихся. Кого тут только не было: и местная знать, и чужеземные гости разнообразного происхождения. Например, двое купцов выглядели сущими арабами. Само собой, присутствовала и Гостомыслова дружина. Старшая, как выяснилось. Младшим предстояло прислуживать за столом вместе с женщинами.

Кстати, о женщинах. Многие гости явились с супругами и, надо полагать, с дочерьми. Женщин (приглашенных, а не прислугу) усадили за отдельный стол, где главенствовала старшая дочь Гостомысла, девчонка лет пятнадцати, но очень важная и распорядительная. Я удивился: почему не княгиня? Трувор пояснил вполголоса, что княгиня (молодая, лишь год из-

под венца, и третья по счету) умерла родами пару лет назад. Четвертой жены Гостомысл брать не стал, удовольствовался наложницами.

Княжий стол располагался на возвышении. Туда сразу же направились Хрёрек с Ольбардом. Нас тоже не обидели. Отвели целый стол длиной с половину драккара. Чего тут только не было... Не было водки. Ее еще не придумали. Зато было вино. Вот я удивился! По моим представлениям, виноград здесь, в Северной Руси, или как там это сейчас называлось, выращивать никак не могли. Климат не тот. Вино, впрочем, было весьма средненькое, так что я предпочел пиво. Как и большинство моих товарищей. Пригубил и знаменитый мед... Не показалось. Зато сбитень и всякие клюквенные морсы пошли на ура. Мясо было любое, какое только можно пожелать. Птица... От перепелов до лебедей. Рыба... Осетр на столе был размером с небольшую лодку...

К моему удовольствию, предлагались также несколько видов лепешек, каша и тушеные овощи. Это отчасти примирило меня с отсутствием картошки. Да, забыл о грибах. Отменные были грибочки. Разнообразие и вкус выше всяких похвал.

Викинги кушали как заведенные. Огромные куски мяса, птицы, рыбы перемалывались мощными челюстями за считанные мгновения. Вслед за килограммами пищи устремлялись галлоны пива... Впрочем, так здесь ели практически все.

Общий праздник живота время от времени прерывался здравицами. К их содержанию особо не прислушивались, но «Хвала», «Слава» и «Здравие» орали дружно и оглушительно.

Мои товарищи не были единственными скандинавами на празднике. Имелось еще не менее полусотни персонажей, в которых мой – уже наметанный – глаз опознал северян.

Очень интересно!

Я обратился за консультацией к Трувору, и тот в промежутках между глотками поведал, что в Ладоге постоянно обитает не менее трех сотен скандинавов. В основном почему-то данов, то бишь датчан. И примерно столько же пришлых. Со многими Трувор был знаком лично. Кое с кем даже ухитрился сходить вместе в походы. Под флагом Сокола, разумеется.

– Вот этого, например, зовут Гуннбьёрн Весло, – Трувор неуважительно ткнул пальцем в плечистого блондина, увешанного драгметаллами, как елка – игрушками. – Хэрсир Рагнара-конунга. А сейчас небось приехал вынюхивать: нельзя ли тут храбрым данам пожить. Это хорошо, что мы здесь. Теперь даны на Ладогу не набегут.

– Почему? – поинтересовался я. – Нашего ярла испугаются?

– Кто испугается, Рагнар? – Трувор расхохотался. – Это Рагнара все боятся. Кроме нас. Хрёрек – сам дан. И родич ихнего главного конунга, Харека. Да и с Рагнаром-конунгом они в родстве, они – оба Инглинги¹⁶. Великий воин, этот Рагнар. Его удачи на десятерых конунгов хватит, вот что я скажу. А с Гуннбьёрном мы как-то девку не поделили. Набили друг другу шишек! А девка в результате досталась другому! – Трувор громко захохотал и махнул Гуннбьёрну кубком. Тот осклабился в ответ и салютовал рогом.

Появились скоморохи. Два дядьки в пестрых штанах и мелкий медведь с обрезанными когтями.

Скоморохи устроили пляс в стиле французской комедии: с пинками под зад и плевками друг в друга. Больше всего доставалось мишке.

Не люблю, когда издеваются над животными.

– Вот бы им настоящего медведя! – крикнул я Трувору.

Тот захохотал. Решил, что шучу. И шутка ему понравилась. Передал дальше.

Через минуту все наши варяги хохотали, представляя на месте мелкого медвежонка матерого зверя. И по ходу комментировали, что бы он сделал со своими учителями.

¹⁶ *Инглинги* – одна из самых влиятельных и древних династий конунгов. Прародитель – некто Ингве Фрей, чья родословная, в свою очередь, восходит непосредственно к Одину. Интересующихся отсылаю к «Саге об Инглингах» Снорри Стурлусона.

А скоморохи еще пуще старались, полагая, что это их ужимки так развеселили княжьих гостей.

Слово взял Гостомысл.

Князь уже слегка набрался, лицо его приобрело красивый бордовый цвет. Но держался он твердо, и язык не заплетался ничуть.

Для начала он поблагодарил всех присутствующих, что почтили...

Потом персонально каждого из тех, кто позначительнее. Последним почествовал нашего ярла. Дескать, любит его более всех прочих. Можно сказать, как сына. За доблесть, щедрость, удачу и безупречный послужной список. Посему сейчас выйдет его, Гостомысла, придворный сказитель и исполнит свежее испеченную великую балладу в честь недетских подвигов датского Сокола.

И сел.

А на сцене появился этот самый гусляр. Один к одному – средний дедушка с картины Васнецова. Положил гусли на колени и... запел. Красиво так запел, пусть и на одной ноте, но – завораживающе. Почтенная публика даже на некоторое время жрать перестала. Заслушались.

Биография у нашего ярла была богатая. Для начала – отличное происхождение. Королевская кровь по материнской линии. Впрочем, насколько я помню, королей, то бишь конунгов, в древней Скандинавии было – что блох на мертвой крысе. За каждой скалой по конунгу пряталось. Но наш ярл – не просто королевской крови, но, считай, божественной. Он ведь потомок самого легендарного Инге, а тот, как всем известно, – потомок Одина.

Но кровь кровью, а молодечество молодечеством. Наш ярл, если верить певцу, показал себя отменным воином еще с молочных зубов. А уж потом кого только не обижал: и франков, и фризов, и англов с ирландцами. Досталось от него даже румам, то бишь – византийцам. А уж с какими достойными людьми водил ярл дружбу...

Как только деду удалось запомнить такое количество имен и прозвищ, да у каждого имени – родословная, а у каждого прозвища – отдельная маленькая история возникновения. И это притом, что певец был наш, словенский, а великие предки Хрёрека – почти сплошь скандинавы. Хорошо подготовился дедушка.

Словом, хвалебная ода растянулась почти на час. Но народ, блин, внимал. И внимал с почтением.

– Ты не скалься! – сердито дохнул мне в ухо Трувор. – Чистая правда все!

Ну правда так правда.

– Я не скалюсь, я радуюсь. Не знал ведь, какой у нас славный ярл!

– Ну другое дело! – Расслабившийся хольд собственноручно налил мне пива. – Во здравие Красного Сокола!

Потом были всякие игры и затеи силового направления. Я не участвовал, но с интересом наблюдал. В стрелковых состязаниях победили местные. Со ста метров – в нарисованный глаз, кучно, по три стрелы сразу. В скачках, вернее, в соревнованиях по управляемости и акробатике (иначе не назовешь) с изрядным отрывом выиграли какие-то южане; а вот в борьбе победил наш. Стюрмир. Исключительно за счет невероятной мощи. Прочих викингов тоже Бог силушкой не обидел: находились и покрупнее, и потяжелее. Но ни у кого не было таких плечищ и ручищ, как у Стюрмира. Своего последнего противника, одного из приятелей хэрсира Гуннбьёрна, ражего мужика килограммов под сто, Стюрмир, изловчившись, ухватил за глотку и за штаны, вскинул над головой, как тяжелоатлет – штангу, и, присев, метнул (не бросил, а именно метнул) наземь.

К моему несказанному удивлению, после жестокого захвата и сокрушительного падения противник Стюрмира не только не стал инвалидом, но даже сознания не потерял. Поднялся, повертел кудлатой башкой, потер горло, на котором багровели отпечатки Стюрмировых «крючьев», и побрел на свое место. А через минуту уже опять жрал и хлестал пиво наравне со всеми.

Нет, блин, это не люди. Неандертальцы какие-то.

Потом наступил черед танцев. Вернее, воинских плясок. Без женщин. То есть женщины были, и в достаточном количестве, но в хореографии не участвовали, а только восхищенно лицезрели. Тут уж и я подразмялся. Прогнал разминочный комплекс, когда-то выученный у китайских умельцев бо. В общество вписался органично.

Веселье закончилось затемно, под вопли лягушек и раздражающий звон комаров.

Потом была ночь и милая мягкая девочка с пшеничными косами, пахнувшая скошенной травой. Хорошо было.

А утром праздник кончился. Начались воинские будни.

Глава двадцать вторая, в которой герой сначала участвует в сумасшедшем марш-броске, а потом – в настоящей битве

Этим утром Трувор решил выполнить обещание и взялся учить меня обоерукому бою.

В принципе, сражаться обеими руками я умел и раньше. Мне было просто интересно, есть ли в варяжском двухклинковом бое какая-то школа, или же это просто уровень индивидуального мастерства.

Школы как таковой не было. Не было даже конкретных приемов (предполагалось, что конкретикой обучаемый овладевал еще на предыдущем уровне). Само фехтование немного напоминало испанскую школу шпаги и даги, описанную Торресом и Перпиньяном¹⁷. Причем, что интересно, так же, как и с дагой, допускался обратный хват, хотя длина клинка даги – максимум сантиметров тридцать, а варяжский меч никак не меньше шестидесяти. Обводы, круговые движения, жесткое парирование, короткие рубящие удары и двойные уколы... То есть леворучный меч был не только щитом, и даже не в первую очередь клинковым щитом и средством обезоруживания, как дага, а почти таким же наступательным вооружением, как и праворучный. Главное же: асинхронность работы каждого из клинков. То есть левая и правая рука рубились как бы каждая сама по себе. И все же это тоже была не *школа*, а именно личное мастерство. Обоерукий воин – это по сути два воина, вставших спина к спине. Однако поскольку воин был все же один, то и двигался он намного свободнее, а достать его было в разы труднее. Хотя я понаблюдал, как бьются спина к спине викинги Хрёрека, и восхитился. Словно приросшие. Идеально чувствуют друг друга, разворачиваются синхронно, синхронно перемещаются... Просто, блин, не бойцы, а высококлассные танцоры.

Сам-то я, главным образом, индивидуальный боец. Мне такому учиться и учиться.

Моими обоеручными успехами Трувор остался доволен.

Зато когда начались упражнения в строю...

Там я не просто оплошал – реально опозорился.

Ну ничего, со временем наверстаем.

Во время обеда к нам пришел Гостомысл. Самолично спустился с горы. Со своими дружинниками и загруженной тележкой. Князь понаблюдал, как мы кушаем, потом присел к котлу, из которого подкреплялись ярл и его личные телохранители, возглавляемые Ульфхамом Треской. Парни подвинулись. Гостомысл достал ложку и снял пробу. Понравилось. А почему бы и нет? Пища наша, конечно, не изысканная: мясо, каша, немного овощей, травки всякие, чеснок, соль, которая, кстати, здесь дефицит... Зато все натуральное, свежее и без ограничений.

Покушали. Гостомысл дал команду. Из тележки достали дюжину бурдюков с медовухой и «выставили» на поляну.

Выяснилось: не просто так снизошел к нам хозяин Ладожской крепости. Не из дружеского расположения, а по конкретному делу.

Дело же, как и следовало ожидать, оказалось – военного толка.

Речь шла о некоем городке под названием то ли Плеска, то ли Плесков, который входил в ладожский «протекторат». То есть до последнего времени входил, а ныне завелся в нем какой-то самостоятельный лидер по имени Довган. И ввел горожан в конкретный блудняк, как выразились бы наши «братки»-бандюганы.

¹⁷ Педро де Торрес и Пансо де Перпиньян – профессиональные учителя фехтования. Авторы печатного труда по фехтованию шпагой и дагой, изданного в Испании во второй половине пятнадцатого века.

– Дань мне платить не хочет, – жаловался Гостомysl. – И иных от меня отваживает. Дескать: идите ко мне. Я вам рухлядь не на «глазки» обменяю, а на настоящее серебро¹⁸. Поучи их, друже! Я тебе в помощь лучших своих воев дам.

– Воев не надо! – решительно отказался Хрёрек. – Проводников, лошадей, еды в дорогу – и довольно. Мне со своими – проще.

– Ну как знаешь, – не стал спорить Гостомysl. – Знай, однако, что у Довгана в дружине – до трехсот кметей. А еще ополчение.

Хрёрек только усмехнулся.

Через два дня мы отправились в путь. Пешком. Почти в полном составе: в Ладогe оставалось только четверо раненых: их, после короткого медосмотра Ольбарда, ярл брать с собой отказался. В приказном порядке.

Я думал: поедem на лошадях, но ошибся. На лошадок погрузили имущество: припасы, брони... А мы – на своих двоих.

Ну это был марш-бросок! Неслись, как сумасшедшие. Независимо от рельефа и ландшафта. Для меня все это путешествие превратилось в сплошное мелькание стволов, чавканье грязи под сапогами, каменистые склоны и страшную усталость. Чтобы представить нашу скорость, скажу только, что мы останавливались на отдых, когда *лошади* уставали.

Нет, я не сдавался (еще не хватало), держал темп наравне со всеми и даже удостоился похвалы Трувора. Однако за эти десять дней потерял, наверное, килограмма три.

К счастью, Хрёрек не погнал нас в бой прямо с марша. Устроил дневку.

Мы отсыпались, отъедались и бездельничали. Всей работы – в свой черед пойти в дозор.

Меня разбудили еще до рассвета, и, к собственному удивлению, проснулся я бодрым и крепким, как будто провел пару недель на курорте.

Из леса мы вышли раненько – даже птички еще не проснулись.

Но к этому времени разведчики ярла уже провели рекогносцировку, и Хрёрек принял решение.

Меня в планы не посвятили. Рангом не вышел. Трувор наверняка все знал, но тоже не стал со мной делиться, а я из гордости не спрашивал.

Впрочем, все хирдманны вели себя так же. Задача простого викинга – честно выполнить свой долг. Об остальном позаботится руководство. Притом, в отличие от армии, которой я когда-то отдал два года, каждый из парней был абсолютно уверен, что о нем *действительно* позаботятся. Введут в бой наилучшим образом, не оставят без помощи, если что. И не вынудят положить живот на алтарь победы только потому, что командир решил во что бы то ни стало выполнить задачу.

В последнем, впрочем, я тут же усомнился.

Прямо перед нами стоял город. Основываясь на собственном скромном опыте, я бы сказал: типичный город этого времени. Река, на возвышении – высокий частокол. «Забороло» – называл такой тип укрепления Трувор. Вокруг – «дачные» постройки и посадки, которые так и назывались – посад.

Передвигались мы скрытно, малыми группами, в основном тройками. Нашей тройкой, к моей радости, командовал сам Трувор. Третьим был совсем молоденький варяг по имени Рулаф.

¹⁸ Герой пока не в курсе, но в Ладогe еще с восьмого века по арабской низкотемпературной технологии варились бусы. Их называли «глазки» и, по сути, это были первые русские деньги. За них ладожане скупали пушнину. Правда, продавали ее иноземным купцам уже за серебро и золото.

Рассыпавшись, мы обогнули город с востока и подобрались к посадке почти на двести метров, никем не замеченные. Так я познакомился с еще одним чудесным умением викингов: эти здоровенные мужики, облаченные в пудовые доспехи, с оружием наготове, умели двигаться почти бесшумно, не грекнув и не брякнув. Со всем этим имуществом они могли ползать с поразительной скоростью и укрываться буквально за пучком травы безо всяких камуфляжных комбинезонов.

И вот мы вышли на огневой, вернее, на боевой рубеж.

Светало. Солнце еще не взошло, но в посадке уже началось шевеление. Потянуло дымком. Кто-то выгонял скотину, кто-то складывал сети...

– Готовься, – шепнул Трувор.

Хриплый вой рога разорвал воздух. А я-то думал, что эта штукавина с крышечкой на поясе ярла – исключительно для питья.

И весь хирд разом вскочил на ноги и с бешеным ревом устремился вперед.

Вот тут-то я и усомнился в гуманности нашего командира. Штурмовать безо всяких орудий четырехметровые стены, когда наверху – противник, численно превосходящий минимум вчетверо. Викинги, конечно, великие воины, но не настолько же.

Да, я сомневался, но мчался сломя голову. Лишь бы не отстать от Трувора.

Зря я сомневался в человеколюбии Хрёрека. Мы атаковали не город, а его «приусадебное хозяйство».

В посад мы ворвались широкой цепью, растянувшейся метров на четыреста. Но – практически одновременно.

Дальше пошла работа. Привычная работа разбойников. Не скажу, чтобы она мне очень нравилась, но назвался груздем – полезай в кузов.

Мы «зачищали» территорию. Выглядело это так: Трувор с Рулафом врываются во двор и в дом. Собак, проявивших неуместную отвагу, беспощадно рубили. Всех взрослых сбивали с ног и вязали. Скорость, с которой это делалось, выдавала немалую практику. Многие поселяне не желали сдаваться без боя. Почти в каждом доме были и копья, и топоры...

Сопrotивление пресекалось легко, будто играючи. Почти без применения железа. Оба варяга орудовали лишь древками копий. Пара движений – и рогатина летит в одну сторону, а ее владелец – в другую. В руки партнера, мгновенно скручивающего и пакующего клиента.

За все это время убили только одного. Рулаф приколол мужика, выскочившего из избы хоть босиком и в рубахе, но с мечом. Приколол точно и экономно, с первого же удара – насмерть. Я сразу сообразил, почему. Этот мужик с большой долей вероятности был воином. Меч в хозяйственной деятельности предмет не только слишком дорогой, но и малополезный.

Моя задача сводилась к тому, чтобы привязывать пленников к общей веревке и «пасти» человеческий гурт. Это было несложно. Несчастные оказались полностью деморализованы. Многие выбросили прямо из постелей, полуголыми. Вокруг женщин толпились ревущие дети. Детей никто не вязал, но от их плача сердце мучительно сжималось.

«Надо привыкать, – сказал я себе. – Это местная реальность. Или ты среди тех, кто вяжет, или – тех, кого вяжут». Последнее мне как-то не улыбалось.

Из города доносился частый звон. Надо полагать, били тревогу. Но пока никаких действий не предпринималось.

За все это время я ни разу не вынул меча.

Мы обработали с десяток дворов, когда снова раздался звук рога. На этот раз – на другой ноте.

Это тоже была команда. Мы прекратили зачистку и погнали «добычу» (на связке уже было почти полсотни мужчин и женщин) из посада. Многие пленники были окровавлены, но серьезных ран не было ни у кого. Трувор и Рулаф безжалостно подгоняли их пинками и

тычками копейных древков. Я присматривал за тылом. Какие-то местные маячили позади, но напасть никто так и не рискнул.

Оказавшись на открытом пространстве, мы собрались вместе и еще быстрее двинулись к лесу. Кроме нескольких сотен пленников, викинги гнали скот: коров, овец, лошадей...

До опушки мы добраться не успели. Рог рявкнул еще раз, и хирдманны остановились.

Ага, местный князек наконец решил кое-что предпринять.

Из города выдвигалось войско.

Немалое, кстати. Сотни две пехоты и около сотни всадников.

Конница тут же оторвалась от пеших и полетела к нам.

Оно и понятно. Если враг бежит, надо его догнать.

Я понятия не имел, что делать. Бросаться с мечом на конную лаву казалось не самым лучшим выбором.

Но от меня решения и не требовалось.

Когда между нами и всадниками осталось метров триста, а земля уже подрагивала от гулких ударов копыт, хирд в считанные секунды перестроился. Щиты со спин были переброшены на руки, и я впервые увидел знаменитую «свинью» викингов. Железный клин, оцетинившийся железом копий.

Сам я оказался в последнем ряду – естественном месте аутсайдеров. Хотя нет, тут же были и Трувор, и Руад и, еще шестеро варягов. Мы просто замкнули тыл.

Всадники не сумели (или не захотели) сдержать разбег.

Я и раньше слышал от специалистов, что конница против тяжелой пехоты не рулит. Разве что еще более тяжелая. Эта таковой не была. То есть у всадников имелась кое-какая броня, а вот лошадки были, считай, голые. Да и сами лошадки... Дикий осел-кулан в нашем зоопарке примерно такого же роста. Правда, лошадки были хоть и маленькие, но умные. Лезть грудью на копыта категорически отказались. Их это спасло. Но не всадников. Нурманские копыта могут не только колоть, но и летать. Едва конница отпрянула, оставив на траве с пяток трупов, как строй «раскрылся», и десятка три копий ушли в кратковременный полет. Почти у всех полет завершился достойно: в телах врагов.

Всадники тут же сменили тактику: взялись за луки. Но у нас тоже имелись стрелки, а попасть во всадника намного легче, чем в закованного в железо пехотинца, которого еще и прикрывает щитом напарник. Я лично прикрывал Рулафа. Отбил штук шесть стрел. За это время Рулаф выпустил вдвое больше и свалил минимум четверых.

Командная дуэль закончилась для противника совсем печально. Пара минут – и от почти сотни осталось десятка полтора. Правда, среди этого десятка был местный князек, легко опознаваемый по дорогим доспехам.

Всадники отступили метров на триста и топтались на месте, не зная, что предпринять. Или просто ожидая подхода пехоты. Я бы на их месте дернул обратно в город. И заодно пехоту с собой увел. Нутром чуял: резня будет страшная.

Наши орали, перекрывая глотками вопли раненых и ржание покалеченных (не все стрелы достались всадникам) лошадей: вызывали князя Довгана на честный бой. Но тот как-то не рвался.

Наконец подоспела пехота. Передние ряды были экипированы неплохо. У половины даже имелись железные брони. И храбрости тоже хватало. Не переводя дух (а запыхались они порядком: шутка ли – почти километр бегом, да с полной выкладкой), ратники устремились в бой.

Ну и мы, само собой, устремились навстречу. Железный клин, во главе которого, как выяснилось позже, бился сам ярл, прошел сквозь шеренги противника, будто скальпель через пластилин. Страшная человекокосилка, откуда во все стороны били мечи и копыта, которыми орудовал второй ряд, вспорола все десять рядов противника. Строй защитников города смешался, а «косилка» развернулась и опять вошла в самую гущу.

Хирд шел, оставляя за собой «усы» из покалеченных тел, не обращая внимания на храбрцев, которые сами отважно кидались вперед... И умирали.

Некоторые, впрочем, попытались напасть с тыла. Впустую. Их убивали раньше, чем они выходили на дистанцию поединка. Убивали копьями, стрелами, швырковыми ножами... Мне лишь однажды удалось пустить в дело меч, отбивая вражеское копьё. В ту же секунду копейщика ткнули под мышку и оставили умирать. А хирд двинулся дальше.

Одно хорошо: продолжалось это избиение младенцев недолго. Минут через десять горожане сообразили, что их тупо вырезают, и бросились наутек. Кто куда.

А сволочь Довган все это время стоял в отдалении и наблюдал, как убивают его людей. Ей-богу, прибил бы гада собственноручно.

Трижды рывкнул рог, и «голова» «свиньи» рванула вперед – к городу.

Я тоже приготовился побегать, но оказалось, у нас другая задача: собрать трофеи и присмотреть за полоном и скотом. А заодно дорезать раненых. От последнего меня, слава богу, избавили.

Зато у меня возникла другая проблема. Довган наконец решил, что возник благоприятный момент для атаки, и повел своих в бой. Мы были слишком разобщены, чтобы собрать строй, хотя многие все же успели сбиться в группы. Я – не успел.

Меня, как отдельно стоящую мишень, выбрали сразу трое всадников, одним из которых был сам князь.

Я приготовился мужественно принять судьбу. К счастью, лошадки у всех троих были разной прыти. Налети они одновременно, не выстоять бы. Но первым меня попытался взять на копьё сам князь.

Что говорить, копьём он владел отлично. Не сомневаюсь, что с легкостью вогнал бы его на скаку в наручный браслет. Но я – не браслет. Я успел скинуть со спины щит и отбить им железку. Правда, и сам достать врага не сумел. Довган просвистел мимо. Зато второго я встретил, как надо. А именно: присел, нырнув под копьё, и (да простят меня любители лошадок – я и сам их безмерно люблю, но жизнь, она – дороже) рубанул бедное животное по ноге. Лошадка упала и забилась.

Третий всадник, видя, как складываются дела, предпочел обскакать меня стороной.

Больше никто нападать на меня не рвался, и я вернулся к упавшему. Первым делом прекратил мучения несчастной лошадки. Потом занялся ее всадником, который уже начал ворочаться, приходя в себя. Но свобода его была очень ограничена. Ножку придавило.

Сообразив, кто за ним наблюдает, мужик поспешно отбросил меч и булаву с железным набалдашником. Интуитивно понятное заявление: сдаюсь!

Ладно, ладно, не будем тебя убивать. С осторожностью (помнил по кинофильмам, как часто такие вот с виду беспомощные втыкают в победителя спрятанный в рукаве нож) я связал пленнику руки его же собственной веревкой и только после этого выволок из-под мертвого коня.

На этом нынешний бой для меня закончился.

Для всех остальных – тоже.

Хрёрек с нашими успел добежать до города раньше, чем те затворили ворота. Город взят.

Единственный прокол – Довган таки смылся. Но поставленная Гостомыслом задача выполнена. А поучили местных знатно. Запомнят надолго. Еще и внукам передадут.

Глава двадцать третья, где герою представляется возможность поучаствовать в процессе, который в литературе называется «поток и разграбление»

За взятием города последовало то, что обычно происходит, когда войско захватывает населенный пункт противника. Грабеж и насилие. Хирдманны оттягивались по полной, выгребая из сундуков и подвалов все, что им приглянется, и раскладывая любую приглянувшуюся девку. Я в этом разгуле участия не принимал. Нам, «молодым», было поручено присматривать за пленными.

Их завели в какой-то загон, в котором раньше, судя по всему, держали общинный скот. Пленным повезло: внутри имелся колодец, так что от жажды они не страдали. А вот кормить их пока никто не собирался. И оказывать медицинскую помощь тоже. Несколько сотен людей сидели на земле и вздрагивали от каждого вопля, раздававшегося в захваченном городе. А вопили, считай, постоянно. Но это были всего лишь крики боли или обиды. Я уже научился определять, как кричит человек, которого убивают.

Моей цивилизованной морали была нанесена страшная рана, но я старательно убеждал себя, что происходящее – нормально. Что может быть значительно хуже. Когда девок не просто насилуют, а режут и убивают. Когда детей живьем кидают в огонь на глазах отцов, которым через пару минут выпустят кишки. Медленно... В свое время я достаточно начитался историй о викингах. Да что там о викингах... Наши собственные, можно сказать, русские князья: Олег, Игорь, Святослав – на чужих землях творили такое, что язык не поворачивается описать. А что делали с людьми цивилизованные древние римляне... Тот же Калигула...

Хотя, если вдуматься – фашисты творили много худшее зло, причем в масштабах, какие викингам и не снились. Языческое жертвоприношение в таких масштабах¹⁹, что Один с Перуном просто захлебнулись бы в крови. Но с фашистами мы всегда были по разные стороны фронта, а тут, можно сказать, свои.

Чтобы отвлечься, я сконцентрировался не на пленниках, а на горе добычи, которую складировали здесь же, на площади. Эх, сколько здесь было оружия! С каким удовольствием я бы порылся в этой куче...

Нельзя. Трофеи трогать запрещено. Дележка – прерогатива руководства.

Принесли еду: огромный котел, полный ароматной каши пополам с кониной.

Мы ели по очереди. Некоторые подходили раза по три. Но все равно выели едва четверть. Один из парней, эст, прихватил немного каши и «покормил» четверых идиолов, мрачной шеренгой стоявших в середине площади рядом со столбом, на котором висело било.

Тогда я решил совершить благотворительный акт. Подошел к загону и велел отпустить ко мне детей. Сначала многие испугались и вцепились в детишек еще крепче: мало ли что делает с ними дядька-извращенец? Но когда оказалось, что я приглашаю малышня на обед, не меньше сотни детишек буквально облепили котел. Мне потребовалось рывкнуть, чтобы сформировалась очередь.

Соратники наблюдали за происходящим с неодобрительным любопытством. Один из молоденьких нурманчиков даже попытался протестовать. Но Сигвад, который был поставлен над нами старшим (как самый опытный из «молодых») цыкнул и пояснил:

– Если трэлей не кормить, дурень, они сдохнут. А детеныши сдохнут быстрее прочих.

¹⁹ Аналогия принадлежит не мне, а моему читателю Алексею из г. Кургана. Обосновано вполне правдоподобно.

Если бы не он, боюсь, пришлось бы вздуть жадного «юнгю». И черт его знает, как отнесся бы к этому ярл...

Я накладывал кашу детишкам прямо в пригоршни. Они съедали свои пайки с быстротой зверьков и тут же устремлялись за добавкой. Вернее, вставали в конец очереди. Дисциплина у них была в крови. Котел опустел за считанные минуты.

Где-то после полудня на площадь стали сползаться отяжелевшие от награбленного, еды и блуда викинги. Тяжело плюхнувшийся рядом Руад предложил мне пойти «развлечься».

Я отказался.

– И правильно, – одобрил варяг. – Лучших девок мы так и так с собой заберем. Выберешь себе парочку поядренее.

Кого-то, может, удивит, что город, где осталось не меньше трехсот свободных мужчин, не попытался дать отпор выпившим и расслабленным викингам, которые шлялись везде по двое, по трое, а то и вовсе в одиночку. В самом деле, что может быть беспомощнее человека, который пользуется девкой на копне сена посреди двора?

К счастью, горожане знали, что викинг – не человек. Это дикий зверь, застать которого врасплох практически невозможно. А даже если и приколоть вилами одного-другого, то его разъяренные братья отомстят так жестоко, что огонь костра покажется легкой и быстрой смертью.

Куча награбленного увеличилась раза в три.

Теперь на площади собрался почти весь хирд. Не хватало только Хрёрека и его ближников.

И вот они появились.

Судя по выражениям лиц, свободное время они потратили не на блуд, а на что-то серьезное.

По распоряжению Хрёрека, ребята развели костер, раскалили в нем какую-то штуку и прижали в столбу, на котором покачивалось средство сигнализации. Выжженный знак оказался знаменом Гостомысла.

Хрёрек дал команду, и Стюрмир заколотил по медному кругу древком копья. Звон пошел – аж уши заложило.

Это был сигнал к общему сбору народонаселения.

Первыми на площадь стянулись деды. То ли были самими главными, то ли просто знали, что их ни в плен не возьмут, ни надругаются сексуально... Словом, почти никакого риска. Разве что убьют.

Собрались кучкой, косясь на Гостомыслову «печать».

По-моему, это их немного успокоило. То есть не побеспредельничать пришли страшные северяне, а вернуть пастырю заблудших овец.

Ярл разрешил им говорить, и деды тут же попытались качать права, апеллируя в основном к авторитету четырех деревянных божков, мрачно взиравших на победителей.

Хрёрек легко развеял возражения, заявив, что местных богов не боится, а Одину все, что он делает, – любо. В доказательство привел стаи воронов и ворон, кружившихся над местом побоища. Блин, странно, если бы этих птичек тут не было. И должен отметить: мне не очень нравится бог, чьими птицами являются падальщики.

Все-таки эти викинги до отвращения практичны. Я бы ни за что не придумал того, что Хрёрек.

А он поступил просто. Пока он диспутировал со старейшинами, командир его личной дружины (охраны, гвардии, все равно, как назвать) по имени Ульфхам Треска, третий такой мужик со шрамом поперек рожи и без мизинца на левой руке, со своими столь же симпатич-

ными подручными прошелся по уже разведанной территории и выгнал на площадь десятка четыре девок посимпатичнее и примерно столько же молодых мужиков и парней.

– Этих я возьму с собой, – оповестил грустных старейшин Хрёрек. – Девки нужны моим хирдманнам, а парни будут на нас работать, пока мы не придем на место.

Протестов он слушать не стал, а просто внес следующее предложение: здесь, на площади, в загоне для скота, имеется несколько сотен пленных.

– Многие из них скоро умрут от ран, но большинство вполне здоровы, – сообщил наш лидер. – Я намереваюсь забрать их с собой и продать, но... – тут ярл сделал многозначительную паузу. – ...Их можно выкупить.

Выкупать следовало по расценкам рабовладельческого рынка в Бирке. Цен этих, понятно, не знал никто из местных жителей, но предложение было воспринято положительно.

Начался торг. Выкупали поштучно. Торговались отчаянно. Но в итоге примерно половина пленников была выкуплена. В том числе и раненые из городского ополчения, у которых был серьезный шанс выжить (тех, у кого не было, уже дорезали), оставшись дома. А к общей куче имущества присоединилась немаленькая горка серебра в изделиях и монетах и связки шкурок.

– Умен наш ярл, – шепнул Руад. – Чтобы заставить их открыть все схоронки, пришлось бы повозиться. А так все сами принесли.

Затем, когда стало ясно, что родичам оставшихся пленных больше нечем платить, Хрёрек предложил размен: голова на голову.

Я сначала не понял, в чем дело, но оказалось, что в городе имеется некоторое количество рабов-иноплеменников или попавших в кабалу за долги. Этих тоже разменяли.

В итоге от прежней группы осталось десятка два женщин и семеро крепких мужиков, которых почему-то никто выкупать не собирался.

Я спросил об этом у Руада. Оказалось, что эти – не местные. Они из дружины смывшегося Довгана.

Тот, кстати, тоже не местный. Пришел в городок со своими кметями, предложил услуги по защите, то бишь – «крышеванию». Обещал брать вдвое меньше, чем Гостомysl. И сулил невероятные барыши на свободной торговле.

Простодушные горожане ему поверили. И заплатились.

Когда обмен закончился, Хрёрек совершил варварский акт: велел отрубить Довгановым дружинникам большие пальцы левых рук. Увечье крайне неприятное: из лука этим воям больше не стрелять.

Спали мы в тепле и под крышей. Правда, донимали клопы.

Утром оказалось, что возвращаться Хрёрек намерен водным путем. Признаться, меня это обрадовало. Тащиться через лес с оравой пленников и добычей – нет, это не по мне. Проводников Гостомысла вместе с лошадьми отпустили в обратный путь, а для нашего хирда стали собирать флотилию. На городской пристани имелся только один более или менее приличный корабль – тот, что недавно принадлежал Довгану. Это был, конечно, не драккар. Трувор определил судно как... хм, судно. И с презрением констатировал, что для морского плавания оно не годится. Так, большое корыто, чтобы по рекам сплавляться.

Еще четыре судна, длинные лодки с парусом и двумя парами весел каждая, тоже не были отбракованы. Их борта «надстроили» досками, и получилось что-то вроде самоходных барж. Этого было мало: нам предстояло везти полторы сотни пленников, двадцать «элитных» девок, четыре десятка «рабочего персонала» и около трех тонн груза, в который входила наша добыча. Ну и нас самих, естественно. Причем семерым нашим, раненым, требовались определенные удобства, для чего тоже было необходимо место.

Проблема была решена просто. Хрёрек объявил, что до тех пор, пока у нас не будет достаточно судов, мы будем жить в городе и столоваться за счет общества. Как жрет сотня викингов, я уже рассказывал. Для горожан это тоже не было секретом.

Через два дня мы получили еще две лодки с корпусами, изготовленными из цельного дерева, и бортами из свежевypиленных, просмоленных досок. Изготовление этих досок было весьма трудоемким процессом, потому что получали их, распиливая вдоль древесные стволы. Причем, если в доске оказывался сучок, она браковалась. И это, как я понял, была относительно передовая технология, потому что полотна для двуручных пил викинги привезли с собой. Сами-то местные изготавливали доски с помощью долот и стамесок. Представляете трудоемкость?

Горожане готовы были горы свернуть, чтобы от нас избавиться. Им предстояло пережить непростую зиму. Они потеряли треть кормильцев – павших и тех, кого мы забрали с собой. Их съестные припасы были порядком растрочены (хотя мы и не взяли с собой лишнего – задачи уморить горожан голодом не было), и лишняя неделя квартирования викингов оставила бы их без половины скота и зерна.

Наконец мы тронулись. На северо-запад. Вообще-то наш путь лежал на северо-восток, но мы не на самолете летели, а плыли по воде. Туда, куда она, вода, ведет.

Сначала дорога «пролегла» по одному озеру, потом – по другому, значительно большему. Время от времени мы приставали к берегу, предварительно привязав к мачте щит с выбеленной изнанкой – знак мирных намерений. Жители прибрежных деревенок (крохотных, почти затерянных в чаще) выходили с большой осторожностью, но очень охотно продавали молочные продукты, мед и дичину, причем даже не за серебро, а за те самые «глазки», стеклянные бусики, которые производили в Ладого и которых у нас имелся изрядный запас.

Второе озеро оказалось здоровенным, под сотню километров длиной. Наши эсты называли его очень смешно – Пепси. Рыбы в нем было столько, что воины били ее стрелами прямо с бортов, а сети через каких-нибудь полчаса набивались под завязку. Сетями и готовкой занимались пленники. Кстати, смыться никто из них не пытался. На этих берегах обитали соплеменники эстов (хотя родню здесь считали не по близости языка, а по кровным связям), и, сбегавшие наши пленники, ничего хорошего их не ожидало. В лучшем случае – такое же рабство.

Никаких проблем, если не считать пары обстрелов с берега, во время путешествия не возникало.

Так мы миновали озеро и вошли в вытекавшую из него реку.

Вот тут начались трудности. Нам раз двадцать приходилось разгружать суда, чтобы пройти мели, а два-три раза мы были вынуждены даже выволакивать их на берег и тащить в обход камней. К счастью, недалеко и по уже «наезженным» колеям – не одни мы работали здесь волочильщиками.

В итоге километров сорок мы преодолевали вдвое дольше, чем весь предыдущий путь. Вдобавок, приходилось все время держаться начеку: местные болтались поблизости и наверняка прикидывали: не напасть ли?

Не рискнули.

Мои друзья начали проявлять беспокойство. Похоже, мы выпадали из какого-то неизвестного мне графика.

Зато погода стояла прекрасная. По моим прикидкам, было самое начало сентября. Люблю это время.

Однако все плохое рано или поздно заканчивается. Миновав трудный участок, мы поплыли нормально и через пару дней вошли в широкое устье.

Первое, что я увидел, – довольно большой по местным меркам городок. А второе – большая лодья, скользившая нам навстречу.

На мачте нашего флагмана по-прежнему висел «белый» щит, но мы все же изготовились к бою.

На лодье были эсты. Разглядев нашу команду, они тоже подняли «мирный» щит. Наши эсты перекинулись с ними парой слов, потом в дело вступил сам Хрёрек, и в результате мы получили право пристать к берегу, где уже «отдыхало» целых пятнадцать больших кораблей, размерами не уступавших оставшемуся в Ладоге «Соколу».

Неудивительно. Порт-то был – морской.

– Наше море, варяжское, – с удовлетворением отметил Трувор, и я понял, что мы – на Балтике.

**Глава двадцать четвертая,
из которой можно узнать некоторые сведения из
прежней жизни героя, а также познакомиться с его
мыслями по поводу положительных и отрицательных
сторон государственности и проституции в
средние века и в более «просвещенные» времена**

Я ошибся, когда счел городок большим. На самом деле большим здесь был торг. Все местное население, как я понял, занималось его обслуживанием и собиранием пошлины. Надо признать, незначительной.

Еще здесь имелась верфь. Вот она-то по-настоящему и заинтересовала ярла. Причину мне объяснил Трувор. Обрато мы планировали возвращаться морем, а те суда, на которых мы пришли, по его мнению, годились для морского плавания не больше, чем утиный плотик.

Я не знал, что такое утиный плотик, но комментарий принял как должное. То есть для благополучного возвращения домой, в Ладугу, нужно полноценное морское судно.

И такое здесь имелось. Почти достроенная (остались сущие мелочи) снекка²⁰.

Хрёрек и Ольбард оценили ее и решили – подойдет.

Ударили по рукам, заплатили задаток...

Следующей акцией была продажа пленников.

Рабов здесь продавали на общем рынке. Там же, где скотину. Причем никаких цепей, раскаленных клейм и прочих знаков рабского состояния я не заметил. Более того, здесь же неподалеку находилась и вольная «биржа труда», где можно было нанять конкретных специалистов или просто рабочую силу. Такой работник назывался «рядный» (то есть договорной) холоп. Примерно на таких условиях я работал у Коваля, пока тому не понадобились мои воинские навыки. «Рядного» холопа нельзя было продать или передать другому. Его следовало кормить и платить ему, если последнее оговаривалось. В Скандинавии, где со свободными пахотными землями напряженно, такой работник мог получить в пользование надел в обмен на часть урожая. Эту полезную информацию я получил от Трувора.

Здесь же, на рынке, можно было взять кредит под будущую добычу: зерно, меха или еще что-нибудь... Еще были «долговые» холопы. Эти поступали в распоряжение кредитора до тех пор, пока не отработают долг. Но тоже на определенных условиях. Их работа «оплачивалась» в счет долга, и продать их тоже было нельзя.

Зато те, кого взяли как военную добычу, никаких прав не имели. С ними хозяин мог делать, что заблагорассудится. Хоть убить. Иных специально для жертвоприношений и покупали.

Но в славянских землях участь у рабов была не самой плохой. Иные становились почти членами семьи.

Могли даже выкупиться. Самыми скверными хозяевами считались германцы. Эти сразу стригли рабу голову и надевали ошейник. Могли оскотить или еще как-нибудь покалечить. Охотно покупали девственниц. В основном для перепродажи.

Женщины помоложе и покрасивее ценились. Зато утратившие красоту стоили довольно дешево. А дети вообще шли «в нагрузку».

²⁰ Снекка (или снека, или шнека – от шведского снаека, т. е. змея) – морское парусно-гребное судно скандинавских народов в XII–XIV вв., хотя некоторые морские историки считают, что снечки появились уже в IX–X вв. Похожие на драккары, но меньших размеров и худшей мореходности, снечки выполняли те же функции, что и драккар.

Лучше всех шли на торгу молодые сильные мужчины. Вроде тех, что Хрёрек взял с собой для «вспомогательных» работ.

Ну да, ярл в итоге не выполнил обещания. Скорее всего, он с самого начала не собирался их отпускать. Едва мы прибыли в городок, тут же объявил «вспомогательный персонал» своими рабами.

Однако не всех.

Шестерым предложил присоединиться к нашему экипажу на «испытательный срок». Примерно как мне в свое время. Видимо, присмотрелся к избранныкам еще во время путешествия.

Предложение было принято с энтузиазмом. Если кандидат не справлялся с «работой», его, как я понял, просто «увольняли». То есть – отпускали на свободу. Если же испытуемый прилично проявлял себя в бою, его принимали в хирд. Со всеми вытекающими...

После общего сбора в одной из портовых гостиниц, которую Хрёрек снял целиком, большинству наших (и мне в том числе) выдали в счет доли добычи немного денег и отпустили погулять. Само начальство осталось: им предстояло рассортировать и сбыть награбленное. Только вещи.

Пленников еще утром продали оптом какому-то перекупщику из местных.

А вот с остальной добычей можно было не торопиться. Вещи кушать не просят, и стеречь их проще. Так что желающим приобрести нашу добычу предстояло изрядно поторговаться. Когда мы уходили, этот процесс был в самом разгаре.

Хорошо, что мне не надо было в нем участвовать. Не люблю я торговаться. Хотя куда больше мне не по душе торговать людьми.

Умом-то я понимаю, что пленники – такой же товар, как лисьи шкурки, но даже от понимания этого как-то сразу становится тошно.

«Надеюсь, и в будущем Бог меня избавит от контактов с работоторговцами», – подумал я.

Что я сам могу стать «предметом» работоторговли, мне и в голову тогда не пришло. Слишком уж я был уверен в своей удаче. Позабыл, что Фортуна – дама переменчивая, а попка ее куда менее привлекательна, чем личико.

Я присоединился к компании варягов. С нами пошли и эсты. Наши эсты, кстати, были, считай, местные. Местные пираты. Года три назад они с коллегами напали на караван из трех кораблей, везший кое-какие товары в Ладогу. Им не повезло. Два судна были торговыми, но с датскими, то бишь весьма боеспособными экипажами. А третьим был «Сокол», шедший в качестве конвоя.

Из пяти эстских снекк три отправились на дно. Две были захвачены. И десятка три пиратов оказались в плену. Семерым предложили сменить экипаж. Двое отказались (вот уж не знаю, почему) и были использованы на тризне по прямому назначению. Пятеро – согласились. Правда, одного убили в каком-то северном походе, но остальные здравствовали и по сей день. Не знаю, может, их далекие потомки и станут «тормозами», но эти эсты оказались довольно шустрыми. И отлично знали все ходы-выходы в своем родном городке.

Они и привели в местечко, оптимально отвечающее нашим интересам, как-то: качественная жратва, качественное пиво, умеренные цены. В принципе, в список входили еще девки, но это – если бы мы пришли «изголодавшиеся», из вика. После трехнедельного путешествия с целой ордой легкодоступных и бесплатных женщин мы все несколько пресытились. Даже я, хотя уж точно не стремился к подобным насильственным связям. Но никуда не денешься: ко мне девчонки сами ластились. Думаю, потому что я относился к ним по-человечески.

Впрочем, когда хозяин предложил нам взглянуть на совсем «свежую» девчонку, наши отказываться не стали. Зато когда «новинку» торжественно вывели в зал, от громового хохота варягов и эстов затряслись потолочные балки.

Девчонка оказалась одной из наших бывших пленниц. Ее уже переодели по-местному – в красную шерстяную юбку и что-то наподобие сюртука из белой шерсти. Однако признать ее было нетрудно. А поскольку девочка была веселая и симпатичная, то все присутствующие были знакомы с ней достаточно близко.

Девчонка сначала испугалась, но потом узнала нас, поняла, в чем дело, – и несмело улыбнулась. Значит, вот куда пойдут купленные у нас милашки. В местные бордели.

Что же, женщина в этом мире, даже свободная, все равно почти собственность своего мужчины. А если такового нет, то любого желающего. Исключение: те, кого защищает род. Но мой «род» – это хирд Хрёрека-ярла. Женщин в этом «роду» не предусмотрено.

Только не подумайте, будто я осуждаю здешние порядки. По-своему они не лучше и не хуже тех, при которых я жил раньше. Они другие. Может, более суровые... А может, и нет. Там, в двадцать первом веке, тоже есть и рабы, и холопы. И точно так же сильный правит слабым и делает с ним все, что заблагорассудится. Только здесь мы берем на клинок чужой город и заявляем: мы оказались сильнее, поэтому вы нам *должны*. Платите деньги и живите дальше, как вам заблагорассудится. Более того, если кто-то вас обидит, мы придем и накажем. Если успеем, конечно. Однако вы вправе обороняться и сами. Никто не препятствует простолюдину приобрести меч и научиться им пользоваться. И никто тебя не накажет за неправомерное использование оружия. Если ты прав, конечно. Если нет – плати. Если у тебя нет денег, заплатит твой род. И сам с тобой потом разберется. Это его долг перед тобой. А твой – перед ним.

По-моему, очень честно. Честнее, чем там, откуда я пришел. Вот, к примеру, возьмем мой случай. Как и многие соотечественники, я отслужил в армии. Мне с детства втюхивали: это мой *долг*. А теперь подумайте, откуда этот долг взялся? Лично я у государства ничего не занимал. Ну да, в детский садик ходил государственный. Однако государства того, СССР, уже лет двадцать как нету. А вот школа у меня была уже платная. Платил, разумеется, не я, а мой отец. Но не сомневайтесь: это были его деньги. Собственные. Еще была спортшкола, но там тоже сначала платил отец. Не все, конечно, но большую часть. А потом, когда я начал побеждать, основные расходы взяли на себя... Угадайте кто? Нет, не государство – частные спонсоры. И рекламщики. В итоге, когда мне исполнилось восемнадцать, я уже вовсе ничего не платил и сам получал немаленькую денежку. Расскажите мне, где здесь государство? Скажете: оно меня охраняет и заботится о моем здоровье? Извините! Не помню, чтобы моя родная милиция меня охраняла. А вот денег слупить при каждом удобном случае – это запросто. Да меня кто угодно охранял и оберегал... кроме тех, кому это положено по службе. И не за охрану и помощь мой отец платил налоги и взятки. Он оплачивал не защиту. Он платил, чтобы его не придушили. Так сказать, «дяденька, купи кирпич!».

Так что если и был у меня какой-то долг перед госчиновниками (в чем я сильно сомневаюсь), то он был с лихвой покрыт налогами с моей первой машины. Однако вернемся к военной службе. У меня были способы ее избежать. Первый мне предложил отец. Цена вопроса – тысяча (тогда это было много) американских рублей. Второй способ посоветовал тренер – пойти учиться. Меня с моими спортивными результатами и приличным аттестатом взяли бы в любой вуз, не только спортивный... Я мог бы, в конце концов, просто уехать из страны ну, скажем, в ту же Швецию, где друзья предлагали мне работу. В Швеции, кстати, тоже есть обязательная воинская служба, и никто от нее не бежит. Совсем наоборот.

Но я пошел служить в российскую армию. По собственной воле. Я ведь с пяти лет учился быть воином, и мне ужасно хотелось повоювать по-настоящему. Скажете, дурак? Не буду спорить. Но я же не знал, что такое наша армия. То есть не то чтобы совсем не знал... Скорее, не хотел знать. Был уверен, что с моими данными (целая связка медалей за фехтование, КМС по пулевой стрельбе минимум по трем нормативам, разряд по стрельбе из лука) меня сразу возьмут в самый элитный спецназ.

Мне повезло. В спецназ меня не взяли. Но и куда-нибудь в тундру вместе с десятью дагестанцами (как моего дружка по двору) не отправили. Дружок, кстати, вернулся инвалидом второй группы. Будь я на его месте, инвалидов было бы намного больше, а сам я оказался бы в штрафбате. Или – в земле. Возникает вопрос: какой величины должен быть долг, чтобы славный паренек из Питера на полгода стал рабом совершенно чужих и чуждых ему людей, а в итоге – калекой?

Но обо мне, как я сказал, позаботились. Уж не знаю кто. Может, сыграло то, что я был как никак МСР²¹. Но я попал в спортроту. И занимался практически тем же, что и на гражданке. Только бесплатно и кормежка хуже.

Отслужил и сразу из «большого спорта» ушел. Совсем. Видимо, повзрослел. Настолько, что расхотел быть олимпийским чемпионом. Нет, не подумайте, что я не люблю свою Родину. Я ее даже люблю. Особенно здесь. Скучаю по ней. По Питеру, по друзьям моим, по родителям... По всем, кто меня учил и кого учил я. По девушкам, которых любил, по дому своему (а уж по коллекции оружия как скучаю!), по «субарочке» моей стремительной... Да что там – даже по питерскому выговору скучаю... А вот по звездам кремлевским, по генеральским рожам, по чиновникам толсторылым... Да хоть бы они сдохли все разом, я бы за них и свечки не поставил... Кстати, о храмах наших... тоже скучаю, хоть никогда особо православным не был... В Бога верю, конечно, как же в Него не верить? Но храм – это другое. Тут не столько вера, сколько чувство такое особое... Словами не передать.

За все это я бы не просто убивал – глотки грыз. Но до глоток толстомордых воругов, спрятанных под тройными подбородками и министерскими стенами, добираться бессмысленно. Все равно что глистов из собачьего дерьма выбирать и давить поштучно. Так что пришлось притерпеться. Одно утешало: не я им деньги платил, а они мне.

Словом, если вдуматься, то девки эти, которых наши в местные бордели продали, устроены ничуть не хуже, чем те, которые пузатых генералов убаживают. А может, даже и лучше, потому что хоть мои друзья-викинги – ребята и грубые, зато простые и без гнусных извращений. Переспать с таким, на мой (мужской, само собой) взгляд, намного приятнее, чем убаживать какого-нибудь желеобразного полуимпотента вице-мэра... И про «долг перед Родиной» мне тоже, в общем, понятно. Все в точности как когда мы этот Плесков брали. У кого были бабки – те откупились и своих выкупили. У кого не было... Добро пожаловать в рабство! Но здесь хоть понятно, за что и почему. За измену наказывали. Князю своему «природному» Гостомыслу. А моего дворового дружка – за что? А другого моего дружка, которого на Кавказе убили?... Причем не сразу убили. Сначала в плен захватили, потом мучили года два, пока родня деньги собирала, потом «посредники из органов» деньги взяли (якобы для передачи) и вернули взамен... труп. Причем неизвестно чей, поскольку в запаянном гробу. Денег, что характерно, не отдали. Сказали: горцы забрали.

Вот поэтому я и сделаю все, что возможно, чтобы местные нравы и традиции стали моими. Потому что моя родина отныне – хирд Хрёрека. А дальше – поглядим.

Пока один из эстов, Мянд, объяснял хозяину, в чем дело: пусть не думает, что с девчонкой что-то не так, – мне пришла в голову мысль порадовать ее на прощание. Я извлек из пояса серебряную монетку и бросил смущенной красотке.

– Добрая примета, – сообщил я Трувору, – когда твое проданное добро к тебе возвращается.

Сымпровизировал. Но получилось органично. Нашим понравилось, и девушку осыпали серебром. Скорее всего, этого ей хватит, чтобы выкупиться. Если захочет, конечно.

²¹ Мастер спорта России.

Как говаривал мой папаша, Бог велит помогать бедным, но всем несчастным помочь невозможно. Потому добро следует творить конкретно и адресно.

Надеюсь, папе так же хорошо в оставленном мной мире, как и мне – здесь. И он не станет особенно горевать по поводу моего исчезновения – благо характер у него легкий. У меня – тоже.

В путь мы отправились через три дня. Когда достроили, окропили петушиной кровью и испытали нашу снечку.

Будь это боевой драккар, кровь была бы человеческой, поведал мне Руад. У викингов так принято. А снечка – это просто судно. Транспортное средство. До места добраться, добычу домой привезти. Вот драккар – это как дом родовой. Не будет ему одобрения богов, развалится в самый неподходящий момент. Так что следует отправить к богам персонального «вестника», чтоб доложил там, наверху, насколько важно для общества данное творение человеческих рук.

Такое вот жестокое время. Никакого уважения к ценности человеческой жизни в общем смысле. К чужим, то есть. Зато к жизням «своих» – исключительный респект. Такие вот языческие мораль и этика.

За три дня мы все успели как следует отдохнуть. Погуляли славно. Даже подрались пару раз: разок – с купцами из какого-то Шлезвига, по нашей инициативе. Другой – с норегами, которые начали задираться сами. Сначала нам крепко наваляли, зато потом к нам подошло подкрепление – и расклад поменялся. Впрочем, обошлось без кровопролития, только Стюрмир немного не рассчитал и сломал одному из норегов руку. Деньги решили вопрос, хотя нореги все равно были очень обижены и грозили отомстить.

По-моему, они нам просто завидовали. Всем в городке уже было известно, что мы вломили Довгану и ограбили Плесков. В городке шептались: взяли по три фунта золотом на брата. Безбожно ввали, к сожалению.

Ввали, но верили. Чуть позже эти слухи создадут нам немалые проблемы, но тогда мы только ухмылялись. Кому не нравится быть крутыми? Лично мне – нравится. Тут, как и в любом деле, главное – не переборщить.

Глава двадцать пятая, в которой герой встречается с удивительным существом, имя которому – берсерк

У нашего оставленного в Ладогe драккара кормовая часть заострена, красиво изогнута и поднята вверх. Это позволяет при необходимости плыть кормой вперед. И защищает кормчего от стрел преследователей. Может, есть еще какие-нибудь функции, не знаю. У эстской снeкки корма была пошире и пониже, однако тоже образовывала что-то вроде раковины. А перед «раковиной» – скамеечка. Чтоб тому, кто будет держать кормило, можно было присесть, когда море спокойное и упираться особо не надо.

Вчера, когда мы на новеньком кораблике вышли на Балтику, дул попутный свежий ветер, но к ночи он стих, а утром так и не возобновился. Пришлось нам поработать веслами.

Весла у снeкки раза в полтора легче, чем у нашего «Сокола», и управляться с ними в одиночку нетрудно даже такому гребцу, как я. Так что работали мы без особого напряжения, сменяясь примерно через каждые два часа. Меня, как не отличавшегося медвежьей силой, посадили ближе к середке. Тут весла покороче, и крутить их, соответственно, полегче.

Греблось бодро. Команда друженько горланила песню, ухая в такт ритму гребли. Вода шуршала за бортом. В животе разливалось приятное тепло от сытного завтрака. Вот это я называю: здоровый образ жизни.

Но не следует забывать, что хорошо и сытно жить хочет большинство населения планеты, а материальных благ, как повелось с древнейших времен существования человечества, никогда не хватает на всех желающих. Вот почему висят на наших бортах пестрые щиты, а в ящиках под палубой хранятся мечи и копья.

Однако даже эти серьезные предметы далеко не всегда останавливают желающих произвести передел нажитого потом и кровью имущества.

Первым их увидел Ольбард. Он только что передал правило ярлу и решил изучить окрестности.

Берег не представлял ничего интересного, впереди тоже все было спокойно: море гладкое, ветер хоть и попутный, но настолько слабый, что парус то вздувался, то опадал лопнувшим пузырьем.

А вот позади...

– Нас преследуют, – поведал Ольбард ярлу.

Хрёрек, не выпуская рулевого весла, выглянул из-за кормового изгиба.

Он увидел то же, что и варяг. Но в выводе усомнился.

– Почему так решил? – спросил ярл. – Может, нам просто по пути?

– Они приближаются, – ответил кормчий. – И быстро.

Хрёрек посмотрел еще раз, прикинул... Да, Ольбард прав. Два корабля, шедших в кильватере, примерно милями двумя позади, явно гребли изо всех сил.

– Мы можем уйти? – спросил ярл.

– Могли бы, – ответил кормчий. – Если бы нас нес твой «Сокол». Но на этом, – Ольбард хлопнул по борту снeкки, – нет. Даже с меньшей загрузкой.

Хрёрек задумался. Драться не хотелось.

Викинги, вопреки установившемуся мнению, отнюдь не фанаты драки, если не ожидается хорошей добычи. Кому хочется умирать просто так?

Сейчас добычи не светило. Скорее, наоборот. Мы сами были добычей. Хорошей добычей.

Хрёрек передал правило Ольбарду и впился взглядом в преследователей.

Над горизонтом были отчетливо видны два паруса. Значит, у противника не меньше двух кораблей. И ему, скорее всего, известно, кого он преследует. Наверняка они идут из эстского города. Коли так, то им известна и сила Хрёрекова хирда.

И тем не менее преследователи рассчитывают на победу. Ведь никто не полезет в драку, если не уверен в собственном превосходстве. Простая житейская логика: кто наезжает на сильного противника просто из молодецкой удали, до зрелости, как правило, не доживает.

К сожалению, Ольбард прав. Снекке не уйти.

Значит, будем драться, принял простое решение ярл.

– Хольды, ко мне!

Эту команду услышал и я. Зрение у меня было похуже, чем у ярла, да и перспективу заслоняла спина сидящего впереди Флоси, так что преследователей я не видел. Тем не менее сообразил: что-то случилось.

Зазвенел барабан, отсчитывая новый ритм, более медленный, а потом я услышал, как открыли палубный люк и начали раздавать оружие.

Предстояла драка. Я ощутил легкое возбуждение. Не страх, а просто небольшой выплеск адреналина. Я успел уверовать в непобедимость нашего хирда, и мне было просто интересно, что нас ждет. За широкими спинами гребцов я по-прежнему ничего не видел. Встать же не мог: надо было ворочать весло.

Минут через десять ко мне подошел Трувор, уже в панцире и шлеме, перехватил весло и скомандовал:

– Иди, вздень бронь.

– Что будет? – поинтересовался я.

– Эсты, – лаконично ответил Трувор. – Два корабля. Скоро догонят.

Что ж, эсты так эсты. Воины они неплохие, насколько я могу судить по *нашим* эстам. Но – ничего. Разберемся.

Старшие ошиблись. Лишь один корабль принадлежал эстам. Второй, большой драккар о восемнадцати румах, был норегским.

– Это же драккар Эвара Козлиная Борода из Гокстада! – воскликнул Ульфхам Треска. – Пусть мне кто-нибудь скажет, откуда он взялся!

– Откуда взялся Эвар, я тебе могу даже показать, – насмешливо отозвался ярл. – Если ты приведешь мне его мамашу.

Хускарлы²² радостно заржали. Хрёрек ухмыльнулся. Оптимизм перед битвой не мешает.

– А вот что он тут делает, – продолжал Хрёрек, – я бы тоже не прочь узнать.

– Хочешь, я спрошу его, ярл? – с готовностью предложил Ульфхам. – Ты знаешь, я умею спрашивать так, что мне трудно не ответить!

Все опять загоготали. Будто вышеупомянутый Эвар уже был раздет и привязан к столбу.

А нас между тем почти настигли. Полетели первые стрелы.

²² *Хускарл* – в рунических надписях эпохи викингов этот термин означал личного охранника, королевского дружинника. В части «Младшей Эдды», называемой «Язык поэзии», есть указание, что в поздний период понятие хускарл стало отличаться от понятия хирдманн, хотя в более ранних текстах оба эти термина нередко использовались как синонимы. Хускарлом мог зваться как стражник конунга, так и человек из охраны хэрсира. В обоих случаях он приносил клятву верности господину и жил вместе с ним, в пределах ограды имея право на неприкосновенность. В скальдической поэзии хускарлы, как и хирдманны, назывались «внутренней дружиной», «охранниками» или «гридью». В данном случае хускарл – опытный воин. Тех, кто читал моего «Варяга», могу сориентировать так: хускарл – это гридень, а дренг – отрок.

Ольбард дал команду, гребцы поменялись, и гонг застучал чаще. Снекка пошла живее, однако не в полную силу. Все равно с преследователями не тягаться. Враги догоняли нас, как стоячих. Они разошлись, беря нас в клещи.

Я стоял в полном боевом и глядел на вражеские корабли. Над их бортами торчали азартные бородастые рожи... Стрел эти парни боялись не больше, чем мы.

На том корабле, что побольше, справа от носовой фигуры, краснозубого дракона, располагался субъект в рогатом шлеме. Такие у викингов, насколько я знаю, были не в ходу. Впрочем, на то они и викинги, чтобы щеголять в трофеях со всего света. У субъекта наличествовала длинная грязно-желтая борода, конец которой был заправлен за пояс. Надо полагать, это и есть тот самый Эвар Козлобородый из Гокстада.

Наши преследователи сближались под острым углом, но пока интервал между ними составлял метров пятьдесят. Они не хотели мешать друг другу.

Хрёрек взял копьё, качнул в руке, отошел на пару шагов и с короткого разбега метнул в сторону норегов.

Копьё описало красивую дугу длиной метров сорок... И закончило свой путь в лапе Козлиной Бороды. Тот загоготал, как упырь. Выждал секунд двадцать и метнул копьё обратно. Целил он не в ярла, а в выглянувшего из-за кормового изгиба Ольбарда, однако Хрёрек успел перехватить (не хуже Эвара) снаряд и тут же метнул обратно. К этому времени дистанция между нами сократилась метров до двадцати, и Козлиная Борода ловить не рискнул. Он просто присел, и копьё полетело дальше.

Попало ли оно в кого-нибудь, неизвестно, однако обратно уже не прилетело. Зато на нас посыпались стрелы. В щит Хрёрека воткнулось сразу три. В щит Трески, прикрывавшего ярла, – целая поросль. Еще парочка безвредно звякнула о доспехи самого Трески.

– Крепи! – резко выкрикнул Ольбард.

По этой команде все шестнадцать весел нашей снекки воткнулись глубоко в воду, а спины гребцов напряглись в едином запредельном усилии.

Снекка, осаженная на бегу, жалобно заскрипела... И остановилась.

А преследователи «затормозить» опоздали. Корабль эстов ушел вперед довольно далеко. У норегов реакция оказалась лучше – они сбросили скорость и начали разворачиваться метрах в тридцати от нашего носа, перекрывая нам путь.

– Левым – гребите! – крикнул Ольбард.

Снекка описала плавную дугу, которая завершилась борт о борт с «норегом».

Мастерство нашего кормчего заслуживало самой высокой оценки. Он совершил маневр, сразу разделивший наших противников. «Клещи» не удались.

А обе команды, наша и норвежская, уже скопились вдоль бортов. «Емкости» для щитов за бортовыми планками опустели.

Я поспешно занял свое место в третьем ряду – за спиной Руада. Справа от меня двигал желваками Рулаф, слева – Флоси. Была и четвертая линия. Ее составляли шестеро «новобранцев».

В хирде построение не такое, как в римской армии. Здесь первый удар принимают на себя старшие.

Вернее, так предполагается.

Это, с позволения сказать, существо, я рассмотрел не сразу – росту во мне маловато. Но поглядеть – стоило.

Полуголый жилистый мужик с непокрытой головой приплясывал на борту вражеского корабля. Именно приплясывал: подпрыгивал, махал конечностями, чуть ли не вертелся на месте. Никаких затруднений в связи с узостью «танцплощадки» голопузый не испытывал. Более того, этот комедиант не только танцевал, но выписывал довольно сложные фигуры

мечом, да и его щит, утыканный стрелами, тоже не пребывал в праздности. Бум! – и он довольно ловко отбил им брошенное копьё.

Борт грохнул о борт. Не слишком сильно – Ольбард, как сказано выше, знал свое дело. Разойтись кораблям не дали. Десятки крючьев, брошенных одновременно с той и с другой стороны, связали две палубы в одну...

И тогда полуголый прыгнул.

Он толкнулся от своего борта и легко, как балерина, перелетел на нашу сторону. Здесь его встретила настоящая щетина из поднятых копий, но ловкач ухитрился как-то так бросить себе под ноги щит, что сумел оттолкнуться от него, как от твердой площадки. Перемахнув через головы наших, он приземлился позади строя, на палубу... И сразу кинулся в бой.

Двигался он со стремительностью дикой кошки.

К такой молниеносной атаке я был не готов, поэтому тут бы и прекратилась моя молодая жизнь. Если бы...

Если бы на пути полуголого не оказались наши рекруты.

Лучше б им отказаться от предложения Хрёрека. Ну стали бы рабами... Зато живы.

Полуголый прикончил всех шестерых максимум за пять секунд. Двоих он вообще положил одним длинным ударом. Собственно, задача была нехитрая. Шестеро бездеспешных... Хотя убийца и сам был в одних штанах.

Однако умерли бедолаги не зря. Когда очередь дошла до меня, я уже был готов. Метнул ему в лицо щит (он бы все равно мне только помешал), перекрыв обзор, и сделал отличный выпад, целя в живот. В голый, заметьте!

Он отпрянул поразительно быстро. Но недостаточно быстро, чтобы я его не достал...

...У меня возникло ощущение, будто меч вошел не в человеческую плоть, а в дерево. Вдобавок «дерево» это чудесным образом, в самый последний момент, ушло от плотного соприкосновения. Подобное я иногда чувствовал, работая без оружия с сильным противником. Когда тело реагирует не по воле мозга и даже не по рефлексу, а как бы на животном уровне. Как реагирует спящая собака, на которую наехал велосипедист. Только ее коснулось колесо – ширк! – и она уже выскочила.

Но я тоже не лыком шит: отпрянул голопузый, чтобы наткнуться на мой кинжал...

Но и от направленного в пах кинжала он успел увернуться. То есть я задел его ногу (опять такое же ощущение, будто дерево режешь), но так, пустячно.

Хотя нет, неправильно. В битве пустяков нет. Четыре маленькие раны могут быть так же опасны, как одна большая. Кровушка-то течет...

За спиной ревели и лязгали, упершись друг в друга, две боевые машины. Я не мог позволить себе роскоши оглянуться. Мой противник снова набрал дистанцию и опять приплясывал... в задумчивости. Другим словом я его странного вида охарактеризовать бы не смог. Он двигался всем телом, очень быстро и очень плавно, будто переливался. Глаза его были красными, как у кролика, из приоткрытого рта капала слюна...

На миг мне показалось, будто он понятия не имеет, где находится и что должен делать...

Но это домыслы. Гораздо важнее, что ни на животе, ни на бедре не было ни капли крови. А ведь я определенно его достал. Точно, вон и порезы видны. Не то чтобы очень глубокие, но и такие должны кровоточить неслабо... Зомби он, что ли? Где-то в животе зашевелился мистический страх, но я задавил его холодной яростью. Пусть только сунется, уж я его встречу!

Пока мы с голопузым занимались созерцанием, сбоку на врага налетел Флоси. Отличный удар, вдобавок неожиданный. Копьем, в бок, с двух шагов. Я бы, наверное, не увернулся. Но то – я.

Голопузый, за миг до удара пребывавший в задумчивости, в последнюю долю секунды – включился. Именно включился. Как вентилятор после нажатия кнопки. Разгонялся он не

дольше, чем вентилятор. И эффект получился такой же: как от вентилятора, в который ткнули спичкой. Одной лопастью – спичку из пальцев, второй – по пальцам.

Копье отлетело в одну сторону, Флоси... Флоси никуда не отлетел. Полуголый налетел на него и совершил то, чего я уж никак не ожидал. Вместо того чтобы действовать мечом, этот ненормальный вцепился Флоси в шею. Вырвал зубами клочок мяса, испустил совершенно уже нечеловеческий вой...

И тут я терять времени не стал. Прыгнул на него.

Он – тоже. Причем намного качественнее. Взлетел метра на полтора и обрушился на меня сверху, как ястреб на куропатку. Противно взвизгнуло железо: клинок соскользнул со шлема и ударил вскользь по левому наплечнику. Если бы не вскользь – остаться мне без руки. А так она лишь онемела...

Как я ухитрился это сделать, сам не понимаю. Наверное, еще не ввелись всякие табу вроде «никогда нельзя бросать меч!». Я свой бросил. Поскольку скорее угадал, чем увидел, что этот ненормальный *готов* встретить мой удар. Голой рукой... Но я почему-то не усомнился, что он и голой рукой парирует мой клинок...

И за миг до того, как получить по голове, я метнулся вперед, роняя меч и перебрасывая кинжал в правую руку. Его меч свистнул надо мной, а вот мой кинжал вошел в масть. Вошел туго. Мне даже показалось, что я попал в ребро, но нет, это было не ребро. Просто межреберные мышцы...

Сила его броска сбила меня с ног. Я увидел над собой раззявленную слюнявую пасть, оскалившуюся чисто по-звериному... Видели когда-нибудь, как скалится зверь? Все зубы будто вперед вылезают... Вот и этот – похоже.

Я испугался, что он попросту откусит мне нос, – защититься нечем: левая рука парализована, правая крепко зажата между нами...

Мне повезло. Я остался с носом. В хорошем смысле. Мой кинжал все-таки достал до сердечной мышцы. А заодно и легкое взрезал. Пузырящаяся кровь хлынула на меня. Враг заперхал, закашлялся, забился... Я спихнул его с себя, на всякий случай пинком вышиб меч из руки (это было не обязательно: психа уже выгнуло в предсмертной судороге, но мало ли...), искал, чем вытереть лицо, не нашел и просто обтерся ладонью, а ладонь вытер о штаны.

Левую руку терзали тысячи игл. Это хорошо, чувствительность возвращается. Вдвойне хорошо, потому что бой еще не кончен. Со свободного борта к нашей снелке подходил корабль эстов.

Я оглянулся. Черт! Все наши – на норвежском драккаре. На палубе снелки трое: Ольбард на корме, Флоси, зажимающий разорванную голым безумцем шею, и я.

И туча стрел, летящих со стороны эстов. Я быстро присел меж скамей, спрятавшись под щит, как черепаха под панцирь.

Стрелы лупили по щиту, будто град по отливу. Только град не пробивает жель, а эти гостинчики то и дело прошивали щит насквозь. Хорошо хоть сама рука была защищена металлом умбона.

С хрустом вгрызлись в борт «кошки». Я ничего не мог сделать. Сидел, съежившись, пока первый эст не перемахнул через борт. Тогда и вступил в дело.

Эсты шли на abordаж не строем, а толпой. Кого бояться? На палубе, считай, никого нет.

Вот тут вы ошиблись, ребята! Я люблю и умею работать против группы. Первому я отсек ногу раньше, чем она коснулась палубы. Подхватил в левую руку трофейный меч... Ну, сейчас пойдет потеха! Второго достал на развороте: обшитый бляшками «ватник» оказался недостаточной защитой. Третьего приколосил как раз тогда, когда он мимоходом вознамерился добить Флоси.

– Под скамью! – крикнул я соратнику. – Лезь под скамью!

И, прикрывая его, потерял драгоценные секунды, необходимые, чтобы прорваться на корму к Ольбарду. Палуба уже кишмя кишела эстами. Передо мной моментально образовалась стена щитов, и я понял, что ощущали горожане из ополчения, когда на них надвигалась «свинья» викингов. Никаких шансов.

Когда-то, в *той* жизни, я на спор уложил шеренгу игроков в самодельных доспехах. Эти – не игроки. Копья выскакивали из щелей между щитами и били по всем уровням. Я отступал, пока не уперся спиной в «спину» носовой фигуры. Теперь вместо стены из десяти щитов передо мной было только два. Но дело я имел с четырьмя противниками, потому что задние орудовали копьями поверх передних. В узком носовом пространстве я вертелся и плясал не хуже, чем недавно – голопузый. Хорошо хоть меня от эстов отделяла скамейка, через которую они не рисковали переступить. Зато меня было очень несложно подстрелить.

Удивляться, куда подевались стрелки, не было времени. Мои клинки так и свистели в воздухе, парируя чужое железо. Кажется, я сумел отрубить пару наконечников, но, похоже, их хозяев просто заменили свежие воины.

И тут я краем глаза уловил нечто по-настоящему неприятное. Эсты начали рубить канаты, связывавшие нашу снечку с норегским драккаром.

Если они сумеют отойти, мне конец. И в воду не прыгнуть: бронь, уже не раз спасшая мое уязвимое тельце, мигом на дно утянет.

– Трувор! – заорал я так, что даже противники на мгновение застыли. – Трувор! Уходят!!!

Почему я позвал Трувора, а не Хрёрека? Инстинктивно. Но инстинкт был правильный. Попробуйте выкрикнуть «Хрёрек!»...

Моя звезда еще не закатилась. Меня услышали.

Секунд двадцать – и мои противники дружно развернулись и дали деру. Эсты, как зайцы, прыгали на свой корабль, побросав мешки... Ах вот чем они занимались! Потрошили наши трофеи. Сначала, наверное, хотели перетащить к себе, но потом решили, что проще угнать корабль со всем содержимым.

Забрать они успели немного. А удирали еще быстрее, чем догоняли.

Мы не преследовали, хотя у нас теперь был драккар, способный развить порядочную скорость и легко догнать корабль эстов.

Драккар бы мог, мы бы не смогли.

Победа над Эваром Козлобородым и его парнями далась хирду нелегко. Очень нелегко. Двадцать шесть наших убито. Одиннадцать тяжело ранено – не факт, что поправятся. Легкие раны получил едва ли не каждый второй из оставшихся. Нореги Эвара из Гокстада пали все. Кроме одного, которого приложило веслом в самом начале боя. Дрались они как дьяволы. Им не хватило самой малости, чтобы выйти победителями. Например, если бы полуголый безумец начал рвать наших с тыла...

И уж точно нам ничего бы не светило, если бы в спину ударили эсты.

Но эти предпочли легкий путь. Скорее всего, их союз с норегами был явлением временным. И они предпочли не делиться с союзником, а забрать себе все.

Если бы не мой вопль, у них бы получилось.

Но я завопил – и остался жив. И снечка осталась у нас. Я немного удивился, почему на помощь не позвал Ольбард (он тоже сумел отбиться – в своей «раковине» на корме), но Ольбард просто был более опытен, чем я. И более самоотвержен. Он-то знал, что у нас и норегов силы примерно равны. Лучше потерять снечку (вместе с добычей и нами в придачу), чем потерять все, в критический момент разделив силы.

Глава двадцать шестая, в которой герой по невежеству позволяет себе вмешательство в дела Перуна

В воздухе противно пахло паленым. И это не был запах пригоревшей дичи, это врачевали раненых.

Наиболее простой способ остановки кровотечения и дезинфекции в полевых условиях – прижать к ране полосу раскаленного докрасна металла. Даже самые мужественные не могли сдержать крика. А я впервые задумался: что будет, если меня, скажем, не убьют, а отрубят ногу, как Тьёстольву Мшанику?

Лучше – сразу насмерть.

Мы стали лагерем на пляже под высоким обрывистым берегом. Вытащили корабли на песок и накрепко привязали к валунам. Поднявшийся ветер сбивал с волн хлопья пены и бросал в лицо заряды песчаной шрапнели. Для раненых натянули что-то вроде палаток, остальным приходилось обходиться так. Хорошо хоть дождя не было.

Хирдманны готовились к тризне. На сей раз для погребального костра дров не собирали, хотя плавника вокруг было навалом. Героям предстояло уйти в Валхаллу на нашей снелке. Это был не только щедрый дар мертвым, но и вынужденное решение. Здоровых рук едва хватало, чтобы посадить на румы трофейного драккара хотя бы одну смену. Хорошо хоть драккар уже, чем «Сокол» Хрёрека, и весла у него легче.

Наверху, на гребне береговой кручи, торчали головы аборигенов в меховых шапках. Наблюдатели. Ничего худого они нам пока не сделали, только глазели. Присматривались.

Я вместе с другими занимался перетаскиванием груза со снелки на драккар.

Эта работа была приятней, чем загружать на снелку тела погибших. Мертвых норегов и эстов тоже погрузили на палубу. Всем, кроме четверых, отрубили большие пальцы – знак того, что там, в горней Валхалле, им не пировать-воевать, а прислуживать. Но все равно эта участь считалась лучшей, чем отправиться кормить рыб в сети Эгировой супруги, великанши Ран.

Четверым норегам (среди которых был и сам Эвар Козлиная Борода) пальцы оставили. За доблесть. Эти дрались до последнего и пали от множества ран, прихватив с собой не меньше четверых наших. Хирдманны, с подачи ярла, решили их почтить. В конце концов, там, за столами Валхаллы, все будут равны, а столь доблестные воины окажутся очень кстати в час Рагнарёка.

За нашей работой угрюмо следили четверо связанных эстов и один рыжий и ражий норег, наглый, как медведь из американского природного заповедника. Норега глушанули чем-то тяжелым во время abordaжа, поэтому половина его шевелюры и часть бороды обросла, как сосульками, стручками черной спекшейся крови, а один глаз превратился в узкую щелочку. Но даже этот заплывший глаз глядел на нас так, что хотелось приложить еще разок. Борзый нам попался пленник. Или – мужественный? Пожалуй, все-таки второе. Положение у норега – хуже губернаторского. Для тех, кто не знает, напомню, что речь идет не о политическом персонаже, а о жеребчике-пробнике, которого коннозаводчики подпускают к кобыле для разогрева. Чтوب, значит, настоящий самец-производитель времени на предварительные ласки не тратил. То есть осеменить такому «губернатору» никто не позволит. Только шишку надуть. Но жеребчика, по крайней мере, после мероприятия на колбасу не пустят. В отличие от наших пленников.

Из четверых эстов трое были серьезно, хотя и не смертельно, ранены. Четвертый – почти в порядке, его ошеломил брошенный кем-то из викингов топор. Этого попросил себе Трувор, и он сидел отдельно от других. Эста даже накормили.

Норегу тоже, как потом выяснилось, предстояло поучаствовать в варяжской ритуальной традиции, но кормить его не стали, потому что питаться ему было бы затруднительно. Рот надорван, вместо передних зубов – осколки и ошметки. С таким инструментарием железобетонные лепешки и вяленое мясо не обработать. Но литруху пива норега выпил. Не поблагодарил.

Проводы героев начались уже затемно, при свете костров. Сначала с подобающими возгласами зарезали троих эстов.

Четвертого же развязали и дали возможность восстановить кровообращение в конечностях.

– Что будет? – спросил я у Руада.

– *Наша* тризна, – ответил варяг. – Та, что любя Перуну.

Да, в недавнем бою погиб один из наших. Собственно, тут все были *наши*. Но варяги все равно мне были ближе прочих. Словене как-никак.

Дико озиравшегося эста вытолкнули на свободное пространство. Он заметно тушевался (я бы на его месте тоже не горел энтузиазмом), но, когда ему подали меч и щит, сразу оживился.

К нему подошел Трувор.

– У тебя две дороги, – сообщил пленнику варяг (переводил один из наших эстов). – Ты можешь умереть как овца. А можешь – как воин, в поединке.

– С кем я должен драться? – спросил эст, подозревая подвох.

– Со мной.

Эст окинул мощную фигуру Трувора цепким взглядом воина.

Оба были без доспехов и даже без рубах. Ростом и телосложением – почти равны, разве что Трувор чуть посуше, и шрамов на его торсе и руках – поменьше.

– А что будет, если я тебя убью?

– Займешь мое место на скамье, – просто ответил хольд.

– Годится!

Но радость эста поутихла, когда он увидел, что Трувор намерен биться двумя мечами.

– У нас разное оружие! – запротестовал он.

– Дать тебе второй меч? – поинтересовался Трувор.

Эст не ответил.

– Тогда хватит болтать! Бейся!

И эст кинулся на него.

Уже через полминуты стало ясно, что силы не равны. Но Трувор почему-то не торопился его убивать. Он бил очень красиво: с двух рук, вразнобой, в точности как показывал мне... Но каждый раз останавливал удар в пальце от плоти врага.

Эст (не дурак) тоже это понял и остановился.

– Ты не хочешь меня убить?

– Не твое дело! Ты-то хочешь!

– Хочу! – рявкнул эст и обрушился на варяга с новой силой. Теперь он вовсе не оборонялся, только атаковал. И бой стал значительно красивее. Оборонялся Трувор виртуозно. Но – недолго. Короткий взмах – и эст удивленно посмотрел на глубокий разрез, разваливший ему ребра. Он хотел что-то сказать, но кровь хлынула горлом, и он навзничь упал на песок. Я стоял достаточно близко, чтобы увидеть, как в разверстой ране судорожно билось сердце. И увидеть, как оно остановилось.

– Вот так! – удовлетворенно произнес Руад, устроившийся слева от меня. – Вот это Молниерукому любо!

Настала очередь норега. Видок у пленного викинга, как я уже говорил, был не блестящий. Полрожи – в запекшейся крови. Но глаза, руки, ноги целы. А бойцом он, судя по всему, был достаточно умелым.

Между Ольбардом и Трувором возник спор: кому драться с норегом. Желание имелось у обоих. Трувор апеллировал к тому, что он в роду – старший и это его обязанность (то, что Ольбард – кормчий и первый помощник ярла, в данном случае значения не имело), а Ольбард упирал на то, что Трувор уже убил одного. Зачем же стягивать на себя все одеяло?

В дискуссию вмешались еще двое варягов. Тоже хотели лично порадовать Перуна.

Норег скалился обломками зубов. Доволен, собака. Или убьет еще кого-то, или умрет, как положено адепту Одина.

Я своей кандидатуры не предлагал. Может, поэтому спорщики, подустав орать, поглядели на меня.

Никакого желания драться не было. В Перуна я не верю, вдобавок устал, как бедуинский верблюд после призовых гонок. Однако отказываться тоже нельзя. Еще решат, что струсил...

К счастью, ответа от меня и не потребовалось.

Справа от меня сидел Мяндр, наш эст. Сегодня он потерял брата. А еще один из его родичей лежал с тяжелой раной. Так что Мяндр был черен, как гроздовая туча.

– Трувор! – окликнул он хольда. – Дай мне убить норега!

Варяг поглядел на него. В глазах Трувора мелькнуло сомнение.

Причин, как я полагаю, было три.

Первое: Мяндр – не варяг, хотя, по-моему, Перуна почитают и эсты.

Второе: ритуальный поединок – это не месть, а именно ритуал.

Третье: мне показалось, Трувор не был уверен, что Мяндр справится.

Мой хольд просканировал оценивающим взглядом сначала эста, потом – норега... Задумался. Видимо, прикидывал, насколько норег покоцан...

– Пусть будет так, – наконец сказал он. – Если ты не справишься, им займусь я.

Последнюю фразу он сказал на языке, понятном норегу, и тот еще шире осклабил. И прошепелявил в ответ, чтобы Трувор готовился к бою, потому что он намерен убить и его тоже.

Нореги здоровы хвастать. Однако мне показалось, что у этого есть шансы. Когда его развязали и вручили меч и щит, он довольно ловко подбросил их в воздух, а поймал уже наоборот – щит правой, а меч – левой. Норег оказался левшой. И с координацией, несмотря на травму головы, у него было все хорошо. Когда он стянул рубаху, то оказался настоящим атлетом. Нелегко придется Мянду, ох, нелегко!

Однако наш эст не колебался. Тоже разделся до пояса (так положено, оказывается), взял собственное оружие.

Вокруг поединщиков вмиг образовался круг. Никто, даже раненые, не остались безучастными.

Для этих людей увлекательнее поединка может быть только поединок, исход которого непредсказуем.

Пробный обмен ударами. Нет, силенок у норега еще достаточно: хреначит по щиту, будь здоров. Но послабее, чем Мяндр. У того от ударов такой треск идет...

Однако эста подогревает гнев, а это плохо. Особенно вначале, когда надо бы силенки поберечь.

М-да... Будь здесь тотализатор, я бы, пожалуй, поставил на норега. Класс у них примерно равный, а вот организованность у хирдманна покойного Эвара Козлиной Бороды существенно выше. Да он и помощнее. Хотя здесь – так на так. Удар по голове рано или поздно все равно скажется. Впрочем, если эст будет так лупить, то до «поздно» он может и не дотянуть.

Норег играл намного хладнокровнее и заработал очко: изловчился и достал Мяндр в плечо – тот припоздал с защитой. Вскользь достал, но кровь показалась.

Мяндр будто и не заметил. Продолжал работать дровосеком.

Оп! Вновь его норег поймал. Подставил щит ребром – с разбитого края, и меч в нем чуть не увяз. Эст еле успел отскочить. Меч, правда, выдернул, но получил еще разок – по бедру.

Несильно. Даже не захромал. Но – опять кровь. Правда, и у норега на голове рана открылась. Вон, течет струйка с виска по бороде...

Оп! – опять достал. На этот раз обратным ходом чиркнул Мянда по правому предплечью. Тоже мелочь. Мог бы и руку отмахнуть, но тогда пришлось бы открыться, и рвани Мяндр навстречу – неизвестно, кто успел бы первым.

Не рискует норег. Не торопится. Силы экономит... Для будущего боя. Не одолеть его Мянду. Неудобно ему с норегом. Непривычно с левой рукой работать.

Вот-вот все кончится, и не только я это понимаю.

Однако никто не вмешивается, и я помалкиваю. Честный бой, надо полагать. Хотя будь мы вдвоем – я бы точно вмешался. Какой, на хрен, честный бой, если своего вот-вот убьют! Моя честь по-другому устроена. Она такого не приемлет.

А норег тем временем разыграл красивую комбинацию. Пугнул слева, пугнул справа снизу, потом умело перевел на верхний уровень, заставив Мянду вскинуть щит, потому что мечом прикрыться – уже никак.

Мяндр щит задрал, перекрыв себе же обзор и...

– Бью снизу! – заорал я по-русски, то бишь по-словенски. Так мы на тренировках орали, обозначая цель, когда хотели провести удар боевым оружием в полную силу. Чтоб противник с защитой не промедлил.

Норег по-нашему не понимал. Или внимания не обратил, потому что мой вопль с трудом прорвался через общий галдеж. Зато Мяндр на крик среагировал рефлекторно – бросил щит вниз... Прикрыться он все равно не успел, но получилось еще лучше, потому что край щита сбил клинок норега и вывел того из равновесия.

И все. Меч эста, с широкого маха, с хрясом врубился в мощный загривок и свалил норега наземь. Мяндр тут же отбросил щит, наступил врагу на спину и обратным хватом двумя руками вогнал клинок норегу пониже левой лопатки. Ну теперь совсем все.

Эст поднатужился, вырвал меч, обтер его краем нореговой рубахи и уселся на прежнее место, рядом со мной. Такой же мрачный.

– Будем считать, что твоим языком говорил Перун, – сказал мне Трувор.

Но абсолютной уверенности в голосе у него не было.

По его понятиям я был неправ. В такие поединки люди не вмешиваются. Это прерогатива бога. А боги здесь обидчивые. И злопамятные. Трувор, похоже, беспокоился. Обо мне. Немилость бога – это может быть неприятно. И очень вредно для жизни.

Я же не принял этого всерьез. Может быть, зря...

Через несколько минут мы, поднатужившись, столкнули снелку в море. Ветер тут же вздул парус, понес ее прочь от берега, и она потерялась бы во тьме, если бы не огонек костра на палубе. Ветер раздувал его, и наконец пламя добралось до щедро разлитого масла. В считанные мгновения запылал весь корабль. Это было очень красиво. И настолько величественно, что даже мне привиделись в отблесках пламени огненные души погибших, улетающие в небеса. А уж каждый из хирдманнов видел их совершенно ясно.

Глава двадцать седьмая, *где героя едва не находит преждевременная кончина*

К утру один из раненых умер, зато об остальных Ольбард сказал: будут жить.

После завтрака старшие распределяли новые трофеи.

Мне назначили аж три доли. Так же, как кормчему. Причем не за убитого голопузого, а за «спасение корабля». Кстати, доли эти были больше, чем обычно, потому что на этот раз «порция» ярла была не по числу румов, а всего лишь пять долей. Купленная снечка была не его собственностью, а частью общей добычи.

Еще мне дали право первому выбирать из кучи оружия и ценностей, снятых с убитых норегов.

Я от выбора отказался: мол, пусть будет как у всех, и тогда Хрёрек (весьма удивленный моими словами) выбрал мою долю сам: пару золотых браслетов, снятых с кормчего трофейного корабля.

Каждый браслет весил под сто граммов, а учитывая, что стоимость золота была раз в десять больше, чем серебра, то цена приближалась к десяти серебряным маркам. Огромные деньги.

– Достаточно, чтобы купить землю в Датской Марке, – сообщил мне с улыбкой Хрёрек. – Но думается мне, ты не станешь этого делать.

– Не стану, – ответил я. И добавил поэтично, как принято у викингов: – Мне любо море пахать, а не землю!

Хирдманны ответили одобрителем рыком. Им понравилось.

Зато мои навыки по судоремонту – после дележки команда занялась осмотром и починкой драккара – понравились народу значительно меньше. То есть этих навыков у меня не было вовсе. Вся польза от меня была на уровне «подай-помешай-принеси».

Увидев это, наш ярл отозвал меня в сторону.

– Ты очень необычный человек, Ульф Черноголовый, – сказал он мне, когда мы присели на выброшенное морем бревно. – Ты ничего не смыслишь в кораблях и держишься в строю хуже, чем тринадцатилетний мальчишка. Да и гребешь немногим лучше. Но бьешься так, что приходит в голову мысль: а не колдуешь ли ты во время поединка, как делают это йотуны²³? Я бы даже подумал: а не потомок ли ты йотуна, не будь ты таким мелким. И это хорошо, потому что я не хотел бы иметь в своем хирде потомка йотунов.

Хрёрек ненадолго задумался. Ветер трепал его длинную белую гриву, прихваченную простым кожаным ремешком. Профиль у ярла был очень величественный.

Я ждал продолжения.

– Ты не потомок великанов, – произнес наконец Хрёрек. – Ты не очень-то силен, но тщишься не показать этого и ни в чем не уступать тем, кто сильнее. Это в тебе говорит кровь истинного дренга. И я не жалею, что принял тебя в хирд. Вчера, когда ты схватился с берсерком Эвара, я хотел послать тебе на помощь Стюрмира, ведь то был истинный берсерк. Не из тех, кто, обожравшись дурманного гриба, полагает себя подобным Одину. Истинного перевертыша можно убить только деревом или камнем, потому что железо его не берет. Но Трувор крикнул мне, что ты сам справишься, и Стюрмир остался там, где был нужнее. И ты убил перевертыша.

²³ *Йотуны* (или *ётуны*; от древнеисландского *jötunn* – «обжора») – в германо-скандинавской мифологии – великаны семейства Гримтурсенов, дети Имира. Они отличались силой и ростом и были противниками богов-асов и людей. Впрочем, великанами они являлись только в человеческом восприятии – асы не уступали им ростом. Это – древние исполины, первые обитатели мира, по времени предшествующие богам и людям, представители стихийных демонических природных сил. Еще йотунами называли троллей.

Убил ножом. А перед этим дважды достал его железом. Я увидел это, когда осмотрел мертвеца. Как такое может случиться без колдовства?

Этот вопрос требовал ответа, и я сказал, подумавши:

– Это было трудно, ярл. Но у меня получилось. Может, потому что я не знал, что таких, как он, нельзя убить железом?

Хрёрек обдумал эту мысль и нашел ее разумной. Кивнул.

– Но признаюсь тебе, ярл, был миг, когда я испугался.

Хрёрек молча смотрел на меня. Ждал.

– Я немного испугался, когда понял, какой он быстрый. Но это было просто беспокойство. Настоящий страх я испытал, когда понял, что мой меч оставляет на нем лишь жалкие царапины.

– Такого страха можно не стыдиться, – сказал Хрёрек. – Только дурень не испугался бы, впервые сразившись с берсерком. Но для дурня это был бы последний бой. Ты слишком часто удивляешь меня, Черноголовый, и мне это интересно. Я не расспрашиваю, что было с тобой прежде. Это твое право – молчать. Но думаю, что ты – изверг. Или – изгой²⁴. Возможно, у себя на родине ты совершил страшное преступление, не знаю. Я не знаю ни одного словенского племени, состоящего из подобных тебе. Но с твоим племенем я не хотел бы ссориться.

– В моем племени очень немного подобных мне. И я не был изгнан, я ушел сам. Потому что все, что я умею, это драться. А в моем племени таких не очень жалуют. И, ярл... Если ты не против, я больше не хотел бы говорить о своем прошлом, – закончил я твердо.

«А то я такого могу наговорить...»

– Хорошо, – кивнул Хрёрек. – Довольно об этом. Но запомни: я буду за тобой присматривать! – Он встал.

– Это честь для меня! – Я тоже встал и поклонился.

По-моему, мы расстались, довольные друг другом.

Почти у всех наших, независимо от ранга, имелись прозвища.

Ярла, как и следовало ожидать, звали Соколом. Это потому, что здешние сокола называли рарогом. Похоже, правда? Но лишь в тех случаях, когда хотели отличить его от Хрёрека Ютландского²⁵, приходившегося ему родственником. Само же его имя Хрёрек переводилось то ли как «сильный славой», то ли как «славный силой». На мой взгляд, оба варианта попадали в масть.

Прозвище Трувора было Жнец. Надо ли говорить, что «жал» он отнюдь не колосья.

Прозвище Ольбарда было Синий Ус. Или Сивый Ус. Почему – непонятно. Но его так звали нечасто.

– А какое у тебя прозвище, Руад? – спросил я.

– Бычий Хвост, – не стал скрывать мой товарищ. – Только я бы никому не советовал звать меня так.

– Не буду, – пообещал я. Но мне сразу стало интересно, что подразумевается под «бычьим хвостом».

²⁴ *Изверг* – тот, кого выгнали (извергли) из рода. Изгой – аналогично. Хотя изгой может уйти и сам.

²⁵ Многие серьезные ученые полагают, что летописный Рюрик (вы, читатель, верно, уж догадались, что речь идет о нем) – это и есть тот самый Хрёрек Ютландский из Хедебю, племянник конунга Харальда. Не стану равно ни оспаривать эту версию, ни соглашаться с ней. Хотя сам склонен усомниться. По нашим летописям, Рюрик появился на Руси в качестве призванного князя примерно в 862 году, как раз когда, если верить западным хронистам (а я склонен им верить), вышеупомянутый Хрёрек Ютландский все еще пытался отстоять захваченные им земли в Ютландии. И вплоть до 879 года (год смерти Рюрика по ПВЛ) Хрёрек Ютландский лично и достаточно плотно участвовал в общественной жизни совсем других земель. Например, в 870 году был королем Фризии. Как-то сомнительно для короля являться по совместительству приглашенным князем у ильменских словен и их соседей.

Под хвостом подразумевался именно хвост. Как-то, еще в сопливых годах, Руад поспорил с братьями, что удержит за хвост племенного быка.

Я видел здешних быков: они, мягко говоря, невелики. Примерно как бычки для испанской корриды. Но с силенками у них все хорошо. Удержать того быка Руаду удалось не сразу. Сначала бык довольно долго гарцевал по полю, а Руад висел у него на хвосте, считая организмом все встречные камни и кочки, но твердо зная, что рук разжимать нельзя.

К чести Руада, бык устал первым. И смирился. Тогда Руад, избитый так, будто оппоненты колотили его палками, кое-как встал на ноги и «удержал» быка.

Спор он выиграл, но малоавторитетная кличка приклеилась намертво.

Мы сидели под самым обрывом. Уже привыкли к тому, что аборигены просто глазят на нас сверху. Хорошее место было, удобное. Длинный камень, очень похожий на скамью и приятно подогретый солнцем.

Когда Руад ушел, на его место опустился Стюрмир. Просто сел молча и принялся заново укреплять ремень щита. Дело ответственное, потому что в бою щит может развалиться напололам, но с руки сорваться не должен.

А я точил меч. Могу этак развлекаться часами. Наверное, потому что мне просто нравится ласкать свое оружие.

Так вот мы и сидели молча, пока наверху не раздался какой-то шум.

Я (наивный лох!) поднял голову, чтобы посмотреть...

Стюрмир (сын своего времени) сразу вскинул щит... И спас мне жизнь, потому что падающая каменюка непременно проломилась бы мне голову. А так только одна доска у щита треснула.

Аборигенам надоело на нас глазеть. Или они решили, что будет неплохо поупражняться в камнеметании.

Следующие минут пять на нас рушился настоящий камнепад. К счастью, берег был достаточно широк, и палатки с ранеными стояли далеко от стены. Кроме того, аборигенам было намного интереснее целить в нас, чем в какие-то там палатки. Хорошо хоть среди них не было силачей, способных докинуть до нас или до драккара достаточно крупный булыжник.

Складывалась ситуация из разряда: друзья Маугли против бандерлогов. Можно было отреагировать по-багиры: то есть рычать и плевать. Или – как медведь Балу. То есть игнорировать. Вплоть до «наплевать и уплыть». Ремонт был почти закончен.

Оказывается, я еще недостаточно хорошо знал викингов. И не учел, что кое-кто из наших оказался камешками ранен. Пустяки. Я сам был из таких пострадавших: щеку осколком оцарапало.

Но никто не смеет пролить кровь человека из команды Хрёрека-ярла и остаться безнаказанным.

Швыряться булыжниками аборигенам вскоре наскучило. Сразу же, как только мы оказались вне досягаемости.

А когда мы начали готовиться к отплытию, они и вовсе убрались. Добились своего: прогнали злодеев. Их можно понять: мы – очень неприятные соседи. Но лучше бы ребятишкам не задираться.

Ближе к вечеру мы отплыли...

А как стемнело – вернулись обратно.

Подплыли медленно и осторожно: темень поначалу была почти абсолютная. Потом облака разошлись, выглянул лунный серпик, и видимость немного улучшилась. Хотя к самому берегу мы подходить не стали. Бросили якорь и выгрузились в три приема с помощью ялика.

Штурмовая команда состояла из пятнадцати человек. Набирал ее сам ярл. Я оказался в списке. Хотя понятия не имел, что мы будем делать дальше. С моей точки зрения, круча, под

которой находился наш пляж, была совершенно непреодолима без специального снаряжения. Даже днем, не то что ночью.

Но это я так считал. Мои кореша полагали иначе.

На скалу полезли двое: Ульфхам Треска и Стюрмир. Последний, как выяснилось позже, в качестве живой подпорки. Никакой страховки не предусматривалось. Вместо костылей использовались ножи и наконечники копий. Как они лезли, я не видел, потому что темно. Зато вскоре увидел результат: сверху упала пеньковая веревка. Слишком тонкая, чтобы по ней лезть наверх, но никто и не собирался. На веревке подняли узловатый трос из тюленьей шкуры. Дальше – просто. Через полчаса вся наша группа, в полном вооружении, оказалась наверху.

Вообще-то викинги не любят сражаться ночью. Предполагается, что в темноте боги могут не разглядеть, кто из бойцов – настоящий герой. Обидно, однако. Но не любят – не значит – не умеют.

Нас, как сказано выше, было пятнадцать. Аборигенов, по моим прикидкам, только на обрыве раза в три больше. Но численное превосходство противника моих друзей не смущало.

Наверху рос неплохой лес. Однако тропинок в нем хватало. Большинство наших видели в темноте, как кошки. Остальные просто топали сзади. Вернее, трусили рысцой.

По дороге убили молодого кабанчика. Дурачок сам выскочил на тропу. Тут его и подстрелили. И зачем-то взяли с собой.

Причина выяснилась позже, когда мы добрались до деревни, отстоявшей от берега километра на три. Даже не деревни, а, как выяснилось позже, городка.

Жилье издали учуяли все, даже я: дымком попахивало. Слабенький ветерок тянул к нам.

Это было хорошо, потому что в населенном пункте имелись собачки. На свободном выгуле. Тут и выяснилось, зачем нужен был кабанчик. Его старательно порубили на куски и побросали с противоположной от нас стороны.

Собачки учуяли его довольно быстро. Сначала дружно затаивались, а потом так же дружно ломанулись. И зачавкали.

А мы проникли на территорию противника.

Противник обустроился основательно. Загородился он внешнего мира частоколом. Часть строений, впрочем, располагалась снаружи.

Их мы заняли в первую очередь. Я в процессе не участвовал. И хорошо, потому что мои соратники пленных не брали, а резать спящих я бы, наверное, не смог.

Как позже выяснилось, никого не резали. Опять-таки вопреки расхожему мнению, викинги (по крайней мере, из нашего хирда) зазя никого не режут. Для устрашения – да. В порядке личной мести – с удовольствием. Ради сохранения тайны или во славу богов – сколько угодно! Но просто так... Глупо! Все равно что лисьи шкурки мечом рубить – для тренировки. Зачем уничтожать то, что можно продать?

Ворота в лесной городок были – нараспашку. Охраны – никакой. Спрашивается: зачем было огород городить?

Проникли мы бесшумно. А вот потом...

Никогда не слышали, как гудит большой океанский лайнер? А теперь представьте: то же самое, пусть на октаву повыше, и – внезапно!

Мои кореша взревели разом во всю мощь тренированных легких. Аж мне страшно стало, а ведь я был своим и орал вместе со всеми.

Заполощенные аборигены высказывали в исподнем, а то и в чем мать родила... Кто – с хватом, кто с кочергой, кто с топориком... Мужиков тут же валили... Даже без применения оружия. Зачем? У того же Стюрмира колотуха – с пивную кружку. Тут бы не убить ненароком.

Я, признаться, в процессе почти не участвовал. Народ-то в основном щитами и древками копий работал, а у меня – два клинка. Чтобы подсветить территорию, наши подожгли один из

сараев. Старина Руад вспрыгнул на крышу соседнего дома и обосновался там с луком на изготовку. Если кто-то в панике кидался к воротам или через стену лез – получал стрелу в затылок. Тупую стрелу, потому что – смотри выше. Лупит эта стрела не хуже резиновой дубинки. Промахнуться с такого расстояния... Даже я не промахнулся бы.

А вот и для меня место нашлось. Как раз в воротах я и встал. Аки вратарь с двумя мечами. Кто подбежит, тому – страшная рожа и грозный рык.

Очень эффективно. Особенно на женский пол действовало. На прорыв кинулся только один храбрец: пучеглазый от ужаса мужчинка с вилами.

Вилы я у него вышиб, а глаза вернул на место плоской стороной меча.

Вот и весь мой вклад в общее дело.

Дальше – по схеме. Перепуганную толпу (человек восемьдесят взрослых и примерно столько же детишек) хирдманны загнали в одну из изб, покидали туда же оглушенное «мясо», заколотили двери, поставили часовых (меня и Рулафа) и занялись системным грабежом.

Навыки у ребят были отменные, так что примерно через час все более или менее ценное из хозяйства (например, бронзовая и железная утварь) было собрано в одну большую кучу. С товарами местного производства дело обстояло еще проще. Например, продукты жизнедеятельности лесных пчел были уже разделены и подготовлены к транспортировке: мед отдельно, воск отдельно.

Не стану вдаваться в подробности, но где-то к полудню налетчики (то есть мы) уже двинулись в обратный путь. Причем не к той стене, по которой мы поднимались ночью, а куда более удобной дорогой: вдоль речного русла. Впереди трусцой бежали связанные цугом пленники. Исключительно молодежь. Обоего пола. Бежали не порожняком, естественно. Волокли на спинах объемистые мешки, в которых шуршало, звенело и хрюкало. Эх, не утонул бы наш драккар под тяжестью новой добычи.

Нашлось, кстати, и серебришко. Даже без допроса третьей степени обошлось. Хрёрек вычленил из общей массы самого важного дедушку и предложил свой традиционный вариант: или предьявляем кубышку, или начинаем резать пленников до тех пор, пока кубышка будет предьявлена.

Дед потребовал гарантий. Хрёрек рассмеялся ему в лицо.

Дед осознал слабость собственной позиции и выбрал первый вариант.

Серебра набралось килограмма три. Возможно, у лесовиков были и другие схоронки, но Хрёрек дожимать не стал. Счел, что и так нормально прогулялись.

Через две недели, в тесноте, зато при попутном ветре, мы прошли мимо острова Котлин. Просто острова. До Кронштадта оставалось лет восемьсот, не меньше.

Еще через неделю мы, поднявшись по Неве, которая оказалась куда шире и полноводнее, чем та, к которой я привык (Неужели Петербург столько воды выпивает?), вышли на оперативный простор Ладожского озера и, усердно работая веслами, добрались до устья реки Ольховки, то бишь – Волхова. А там уж рукой подать до красивого речного изгиба, на котором расположился стольный град Гостомысла.

В Ладоге – Альдейгье мы задерживаться не стали. Оставили вновь приобретенный драккар, раненых и челядь, доукомплектовали команду местными и пришлыми рубаками, набили трюмы «Сокола» и трофейного кнорра товарами и двинули обратно к морю.

Хрёрек намеревался зимовать в городе под названием Роскилле. Это где-то в Дании. А перед этим посетить еще один датский город под названием Хедебю. Следовало торопиться, поскольку до окончания судоходного сезона оставалось не так уж много времени.

Итак, Хедебю. Хускарлы говорили о нем, как о чем-то весьма солидном. Что-то такое и я слышал, хотя среди крупных городов Дании моего времени Хедебю точно не значился.

Ладно, поживем – увидим. Вернее, поплывем – увидим.

Глава двадцать восьмая, в которой герой посещает столицу Ютландии

Славный город Хедебю лежал в глубине красивейшего фиорда и находился где-то на западной части Балтийского моря. То есть – в Дании. Плавание наше проходило очень удачно. Погода неизменно благоприятствовала, ветер был попутный, штормило всего разок, и то мы успели вовремя укрыться на берегу. Словом, лепота. Ей-богу, мне начинала нравиться жизнь моряка. Более того, я уже чувствовал себя этаким морским волком, просоленным до самых внутренностей. И грести наловчился не хуже природных викингов. Хотя греблей мы себя в этом путешествии не изнуряли. За нас в основном трудился ветер.

По местным масштабам Хедебю явно считался изрядным городом. Кроме того, он был еще и самым южным крупным поселением данов. Это если я правильно понял то, что говорил Хрёрек.

В удобной гавани располагались качественно сработанные причалы. К одному из которых мы и подошли.

У многих моих соратников здесь, в Хедебю, были родственники, поэтому часть экипажа тут же рассосалась. Остальные, за исключением тех, кому было поручено заниматься разгрузкой, двинулись вслед за ярлом.

Красивый городок – Хедебю. Зелень вокруг. В том числе и на крышах домов. Строился поселок вдоль речки, точнее, даже не речки, а большого ручья, от которого ответвлялись распределительные канавки. Еще я заметил земляной вал, но даже внутри вала дома и дворы не теснились, как это было в городах, защищенных деревянными стенами. Тротуары деревянные, берега ручья укреплены, чтоб не размывало. Все аккуратно, чистенько.

Мы топали налегке, под заинтересованными взглядами коренных и некоренных обитателей города. По моим прикидкам, население Хедебю – три-пять тысяч. Судя по запахам и звукам, городок был в основном торгово-промышленный. По крайней мере свиней на улице было не так уж много.

С нашим вождем здоровались все. Первыми и весьма почтительно. И это притом, что почтительность у здешних – не в чести. Свободолюбивый народ. Ни перед кем гнуться не желает. Оно и понятно. Трое из четырех встречных мужчин – на полголовы выше меня²⁶. И у каждого – оружие. Меч, не меч, но приличных размеров тесак – обязательно.

Вскоре выяснилось, куда мы направляемся.

Оказывается, у Хрёрека здесь – усадьба. Или одаль²⁷, как здесь говорили.

Здоровенное подворье с двумя колодцами и несколькими десятками постоянных обитателей. Заправлял имуществом старик почти двухметрового роста, костлявый, плоский и широкий, как дельтаплан. Судя по всему, дедушка был достаточно крепок, чтобы голыми руками открутить голову мужчине среднего телосложения.

Они с Хрёреком обнялись очень нежно, затем ярл представил деду новичков. И меня в том числе. Старика звали Хёдин Морж, и Хрёреку он приходился двоюродным дедом. Как я понял, он был не только родственником, но и главным воспитателем ярла. Как выяснилось позже, это у них был такой обычай – отдавать мальчишек на воспитание кому-нибудь из родни.

²⁶ Археология утверждает, что средний рост скандинавов – примерно метр семьдесят пять. Это существенно больше, чем в среднем по Европе. Однако в викинги шли лучшие особи норманнской «породы», поэтому эти ребята были покрупнее среднестатистического скандинава. Кстати, и насчет «мелкости» европейских рыцарей, в которой может «убедиться» любой посетитель Эрмитажа, примерившись к рыцарским доспехам, тоже имеются сомнения. Некоторые полагают, что доспехи эти... детские. И подростковые. Мол, в битву в них не ходили, а только тренировались. Вот они чаще до наших дней и «доживали».

²⁷ *Одаль* – наследственное землевладение со всем, что на этой земле находится: домами, дворами, полями и пастбищами.

Не исключено, что и усадьба эта была – Хёдинова, а не Хрёрекова, хотя последний вел себя как хозяин.

К нашему приходу уже успели накрыть поляну: нарезать и зажарить, кого положено, приготовить пиво и прочие напитки... Словом, подготовились. Система оповещения в Хедебю была поставлена неплохо, так что Хёдин узнал о появлении племянника, едва драккар с соколом на парусе вошел во фьорд.

В порт был отряжен отряд трэлей с приземистыми мохнатыми лошадками: забрать добычу и подарки.

Мы же перекусили и отправились в город.

Мы – это варяги и я. Малой группой. Держаться всем вместе, как я понял, необходимости не было. У Хрёрека в Хедебю все схвачено. Да и законы здесь жесткие. То, что все вокруг вооружены, еще не значит, что это оружие часто пускают в ход. Скорее, наоборот: каждый понимает, что конфликт закончится не мордобоем, а кровопролитием. Со всеми вытекающими: немаленьким денежным штрафом, последующей кровной мстью... Даже трэля чужого прибить не могли: купить своего, а потом зарезать – намного дешевле встанет.

Кстати, в город мы пошли не просто так. Хрёрек дал Ольбарду поручение. Вечером ярл планировал банкет (все были предупреждены: не нажираться раньше времени), а для настоящего веселья требовались девки. То есть, как верно отметил классик, даже если сначала кажется, что женщины не нужны, то потом они все равно обязательно понадобятся. Вот об этом и должен был позаботиться Ольбард. То есть не сам, конечно, а содержатель соответствующего притона. Ольбарду же, как казначею ватаги, надлежало договориться о цене.

Чем он и занялся. Вместе с Трувором. А мы отправились гулять и наслаждаться ощущением твердой почвы под ногами. Ей-богу, это так приятно: деревянные тротуары вместо деревянной палубы!

Мы шли, как и положено суровым авторитетным парням. Распределившись во всю ширину улицы, я бы даже сказал: растопырившись во всю ширину улицы. Все прочие, даже небедные, в крашеной одежде, должны были жаться к заборам или прыгать в ручей. Это было нормально. Тем более в ручье и так мылись, купались и стирали белье. А вот когда навстречу нам вывалила из чых-то ворот примерно такая же компания в легкой броне и при боевом оружии, получилось довольно забавно. Во-первых, мы и они остановились практически одновременно. Примерно в двадцати шагах друг от друга. Потом медленно, соблюдая некий неизвестный мне церемониал, тоже одновременно, двинулись вперед. И снова остановились, когда между нами осталось шагов пять. Их было шестеро. Все как на подбор молодые светлородые красавцы в модных здесь кожаных шапочках вроде подшлемников и легких кольчужках, надетых поверх стеганок. Широкие пояса с серебряными украшениями, недлинные мечи в ножнах с серебряными накладками, штаны из синей и черной кожи, полусапожки с вышивкой... Издали они выглядели очень похоже, но вблизи становилось заметно, что каждый и одет, и вооружен вовсе не серийно, и вышивка своя, и кольчуги сработаны по-разному, и серебряные фигуры на поясах – своеобразны, и браслеты на руках выкованы по индивидуальным проектам.

Мы тоже друженько остановились, положив ладони на оголовья мечей. Не с угрозой, скорее – с достоинством.

Мимо просачивались редкие прохожие, стараясь семенить побыстрее и ни в коем случае не оказаться между нами.

Я на всякий случай приготовился к драке... Но тут из наших рядов решительно выступил Руад, а от них выдвинулся рыжебородый крепыш с оберегом на шее в виде золотого молоточка.

– Я – Тьёрви, хольд Хальвдана-ярла, сына Рагнара!

– Я – Руад, хускарл Хрёрека-ярла, которого прозвали Соколом! Хрёрека-секонунга.

Оп-па! И чужие, и свои сразу расслабились. Наши «оппоненты» заулыбались. Позже я узнал: наши ярлы хоть и весьма дальние, но – родственники.

Пошел процесс представления. Я в имена не вникал. Меня Руад представил третьим. Причем назвал не дренгом, то бишь молодым бойцом, а тоже хускарлом. То есть полноценным опытным членом боевой дружины.

– Ульф Черноголовый, – Тьёрви повторил мое имя, будто на зуб попробовал. – Не слышал о тебе раньше. – И осклабился. Типа, пошутил?

– Я о тебе тоже не слышал, Тьёрви, – в тон ему ответил я. И ухмыльнулся.

А вот Тьёрви тут же нахмурился. Видно, я как-то задел его авторитет. Надо было выкручиваться. И я добавил:

– Бывает так: воин слишком быстр и обгоняет свою славу. Но, сдаётся мне, ты из тех, кого слава обгоняет. И готов побиться о заклад: ты не покупал свое золото, – я кивнул на золотые браслеты хускарла.

– Так и есть, – на губах Тьёрви снова заиграла улыбка. – А ты?

Я улыбнулся. Молча. Викинги не покупают свои украшения. Вопрос – на грани оскорбления.

– Иногда я покупаю золото, – сказал я, глядя на хускарла в упор. – И плачу за него дорого. Материалом, который стоит дороже золотых побрякушек.

– Насколько дороже?

Я пожал плечами.

– Ты видел валькирий, Тьёрви?

– Бывало, – осторожно ответил викинг. Он не понимал, куда я клоню.

– Увидишь снова, спроси их о моей цене.

Тьёрви задумался.

Я ждал. Признаться, я и сам не очень понял, что сказал. Сболтнул первое, что пришло в голову. Лишь бы попоэтичнее. Викинги это любят.

– Ульф Черноголовый, – наконец произнес Тьёрви. – Теперь я знаю твое имя.

– А я твое, Тьёрви-хольд.

На этом и разошлись. То есть не сразу, а по окончании церемонии представления.

– Зачем ты его дразнил? – спросил Руад. – Тьёрви – славный воин. Это всем известно в Данмарке. Он ходил с Рагнаром и показал себя очень хорошо. А это непростое дело, если ты в войске Рагнара Лодброка. Там много людей великой славы. Теперь он – в хирде Хальфдана Рагнарссона, и тот советуется с ним в трудных делах. Понятно, что Тьёрви знают многие. Но разве удивительно, что он не знает тебя? Тебя здесь никто не знает.

– Это дело поправимое, – беспечно отозвался я.

Руад поглядел на меня внимательно... И кивнул. Ну да, не будь он уверен в моей доблести, то не представил бы меня хускарлом.

– Слушай, а почему ты назвал нашего ярла секонунгом?

– Потому что он и есть секонунг, – Руад даже удивился. – А как еще назвать того, у кого под началом три корабля? Вот на севере любой хёвдинг²⁸, обзаведшийся парой кораблей и не желающий платить податей, тут же объявляет себя конунгом.

– И чем это заканчивается?

– По-разному бывает. Если возни будет больше, чем возможных податей, то он так и остается конунгом. Но здесь – по-другому. Потому что земля богаче. Вот Рагнар, например, считается ярлом здешнего конунга Харека. Но у себя в Сёлунде, да и в других местах Рагнар – настоящий конунг, и я не завидую тому, кто скажет иначе.

²⁸ *Хёвдинг* (древнеисландское *höfðingr*, или *hofðing*, древненемецкое *haupting*) – его еще именовали «законноговорителем», но по сути это – вождь. Племенной, религиозный или на службе у большого ярла или конунга. Хёвдинг избирался или назначался. Это было звание, а не наследуемый титул.

И начал рассказывать мне об этом самом Рагнаре Волосатой Штанине²⁹, и со слов его выходило, что, несмотря на сомнительное прозвище, это был конунг из конунгов, великий герой...

И вдруг я вспомнил, о да! Мне было знакомо это имя. По *той* жизни. День Рагнара Лодброка! Точно! В самом конце марта. Я подцепил в Осло одну блондиночку из неоязычниц, и мы с ее друзьями прокатились на байках через всю Скандинавию. Красота неопишная. Горы, снег, фьорды... Потом, в каком-то мотеле, мы все по-свински нажрались пива с вискарем. А на закуску у нас была рыба. Потрясающая. Тридцать видов, не меньше, один другого вкуснее. А все потому, что был праздник: день этого самого Рагнара Лодброка. Моя девчонка читала по-древнеисландски (я, понятное дело, ничего не понял), потом песни пели и бились на мечах... То есть они рубились, а я уволок подружку в комнату, и мы устроили бой другого сорта. Она победила, потому что настоящие женщины всегда побеждают в *этих* боях. Даже если лежат пластом.

А потом мы снова пили, и фехтовальщики по ходу врачевали синяки, растяжения и ушибы какой-то мазью на змеином яде, и моя девчонка сказала, что от змеиного яда умер этот самый Рагнар Лодброк. Пленили его и кинули в яму со змеями.

Обидная смерть. Не видать герою Валхаллы. Зато вот день его теперь празднуют...

Может, удастся при случае как-нибудь предупредить этого великого конунга? Или не стоит? Все равно ведь не поверит...

Я вздохнул. Все в этом мире хорошо, только с женщинами... как-то не так. Я люблю таких, чтоб общаться можно было... по-человечески. И чувства чтобы были... Необязательно – глубокие, но чтобы – были. А тут исключительно физиология. Скучно. Ничего подходящего не найти. Или не там ищут?

От нечего делать я начал пристально разглядывать всех встречных женщин подходящего возраста... И уже минут через десять показалось, что они все тут – на одно лицо. Здоровые, крепкие... но какие-то выцветшие.

«Э-э-э, батенька, – сказал я сам себе. – Да вы просто привередливы чересчур. На себя взглянуть извольте. Тоже ведь не Бальдр³⁰. И даже не хускарл Тьёрви».

Однако мы нагулялись. Пора и перекусить. Что там наш ярл, вернее, секонунг намекал насчет пира?

²⁹ *Рагнар Лодброк*, он же Рагуар – Волосатые Штаны, Мохнатые Штаны, Волосатая Штанина и даже – Волосатый Зад (имелись в виду все те же «счастливые» портки мехом наружу), возможны и другие варианты. Впрочем, каким бы забавным ни показалось нам это прозвище, Рагнар Лодброк был одним из величайших завоевателей в европейской истории.

³⁰ Бог, Сын Одина и Фригг. По свидетельствам очевидцев, был невероятно красив и потрясающе добр. И потому плохо кончил. Доброта в этом мире – слабость непростительная.

Глава двадцать девятая, в которой герой успевает многое: попить, влюбиться, оскорбить друга и оказаться обвиненным в колдовстве

Пир удался на славу. То есть действительно удался. Вокруг – все свои. На столах все, что душе (то бишь – желудку) угодно. Мясо жареное, тушеное, вареное, овощи свежие и маринованные, маслицы, сметанка, сыр всяческий. Кашка такая и сякая, лепешки горячие, маленькие, чуть пошире ладони. Их пекли на особых сковородках с длинными ручками, а муку для них женщины мололи особыми ручными мельницами. Весьма трудоемкая операция. Поглядев на этот процесс, я сразу понял, почему викинги большую часть зерна изводят на пиво, а кушать предпочитают мясо и рыбку. Кстати, о последней: такой рыбки я никогда не едал. Вот что значит – свое и для своих. Плюс – безупречная экология. Хрёрек даже на пряности не поскупился. Оказывается, в этом мире есть перец! Вот уж не знал, не ведал...

Пиво, свежесваренное и вызревшее, вино заморское... Блин! Виски! Или что-то похожее. Местные называют его «зимним пивом». Потому что готовят его зимой, методом вымораживания. Но градус – вполне приличный.

Нет, мне это застолье однозначно понравилось! Антисанитария, конечно. Из столовых приборов – ножи да пальцы. Вместо салфеток – собственные штаны, волосы да собачья шерсть. Собак, кстати, целые стаи по дому шлялись. Грызлись из-за подачек, тыкались мордами в колени... Здоровенные кудлатые волкодавы размером со среднеазиатскую овчарку. Не хотел бы я с такой стаей встретиться ночью без подходящего оружия. Хотя к человеку – со всем уважением. Этакое наглое взгляда, который присущ «кавказцам» и алабаям нашего времени – ни следа. Уважение к человеку (своему) – безграничное. Хоть верхом садись. На них, кстати, и ездили. Правда, только зимой и, само собой, не верхом, а в саночки запрягали.

За нашими спинами шустрит обслуживающий персонал: подкладывали, наливали, подсыпали...

Музыка, кстати, играла. И не такая уж отвратительная. Бубны, погремушки, барабачики, дудки, что-то вроде маленьких гуслей... Играли не по популярному здесь принципу: кто громче, тот и молодец... Какое счастье, что среди музыкантов не было волынщика!

Да, еще, конечно, девки. Помимо, так сказать, дворовых, пригнали целую толпу местных «девушек по вызову». Тех, что получше (по здешним меркам, разумеется), – сразу расхватили. Остальных освоили постепенно. Как говорится: ничто так не красит женщину, как выпитое мужчиной.

По сравнению с местными, я на спиртное относительно крепок. То есть десятилитровой бадьи пива мне, конечно, не выпить. Но не потому, что под стол упаду, а потому, что лопну. Однако забирает меня слабее, чем других. Видимо, сказывается русский генотип. Еще я несколько привередлив. Поэтому к моменту, когда я созрел приласкать какую-нибудь милашку, девочек уже разобрали более темпераментные братья по оружию.

Впрочем, одну я все же сумел обнаружить. И сразу сказал себе: «Коля! Ты жаждал чего-нибудь... оригинального? Господь услышал крик твоей души!»

Девчонка жалась в уголке, явно надеясь, что ее не заметят. Напрасная надежда. Девочек на всех точно не хватало. Ее сисястых и жопастых подруг уже разобрали. Да они и сами лезли хридманнам на колени. Где удовольствие, там и щедрость. А эта – пряталась. Совсем молоденькая. Нежная, как шиповник.

Черноволосяя и черноглазая. То один, то другой из пирующих косился в ее сторону, но пока объем пива, принятого на грудь, был еще недостаточен, чтобы захотелось задрать подол этой неказистой, по местным меркам, девушке.

Надо было выручать. И я поманил ее к себе. Не подойти она не посмела, но дрожала как олененок. Я усадил рядом на скамью (Руад потеснился), спросил по-скандинавски:

– Как тебя зовут, юный цветок?

– Я не понимаю.

Вблизи она оказалась еще симпатичнее. Совсем не похожа на развратных потасканных девок, коих здесь – в изобилии.

– Ешь! – Я пододвинул ей свою тарелку.

Девчонка набросилась на еду так, будто ее не кормили дня три. А может, и не кормили, кто знает?

– Маленький черный волчок нашел себе маленькую черную зверушку!

Это Стюрмир. Он не со зла. Просто пошутил. По местным правилам хорошего тона мне следовало отшутиться. И я сказал:

– Ничего, Стюрмир! Тебе тоже повезет. Найдешь себе толстую гладкую тюлениху!

Честное слово, я не хотел его обидеть! Простодушного веселого здоровяка Стюрмира, который вдобавок еще и жизнь мне спас... Да я сам за него кого хочешь обижу! Но откуда ж я знал, что намек на совокупление с ластоногими млекопитающими для нурмана оскорбителен?

Стюрмир побагровел. То есть его кирпично-красная квадратная ряха приобрела оттенок сырой свеклы. Все, кто слышал, уставились на меня: чего это Ульф вдруг попер на хорошего парня?

Стюрмир недолго переваривал оскорбление. Не тот он человек. Раз – и он уже полез на стол, опрокидывая блюда и сбивая кувшины. Два – и он уже навис надо мной.

Вставать времени не было. Поэтому я кувырком ушел назад, до визга напугав грызущую кость собаку, и встал на ноги уже на вполне подходящей дистанции, ожидая нападения.

Стюрмир не заставил ждать долго. Напрыгнул сверху, растопыривая ручищи. А ручищи у него, как стальные захваты. И все прочее – такое же.

Сначала я хотел всего лишь уклониться, но тут боковым зрением усмотрел здоровенный глиняный кувшин с пивом. В таких ситуациях я соображаю очень, очень быстро. Стюрмир еще летел, а я уже знал, что делать.

Уход в сторону, зацеп за ногу с одновременным перехватом одной из грабок на уровне локтя – для придания полету правильного направления – и бинго!

Я не очень большой специалист в рукопашке. Так, нахватался отовсюду. Что-то из карате, что-то из тай-чи и хапкидо... Хватило. Не будь Стюрмир заметно поддавши, он бы сумел уклониться. Или хотя бы руку подставить... Но все получилось как нельзя лучше.

Как я и предполагал, голова викинга осталась целой (такой головой дубовые двери пробивать), зато кувшин разлетелся вдребезги, и Стюрмир всей бородатой ряшкой проехался по полу, вернее, по луже растекшегося пива.

Полежал секунд десять – и встал на четвереньки. Поднялся, помотал башкой, разбрасывая брызги, как искупавшийся пес. На лбу прямо на глазах выростала огромная шишка.

Ребята за столом враз заорали. Кто-то одобрял мою ловкость. Кто-то иронизировал над Стюрмиром. Кто-то был искренне огорчен, что все кончилось так быстро. Никто даже побиться о заклад не успел...

Стюрмир все еще стоял на четвереньках. Все же неслабо он приложился.

Один из псов-попрошак подошел и непонятно из каких собачьих соображений попытался помочиться на ногу Стюрмиру. Может, принял его за пень?

Я пресек надругательство добрым пинком. Кабысдох не обиделся. Тут же налетел на шавку поменьше и принялся ее трепать.

Я счел инцидент исчерпанным и вернулся за стол.

Пока мы выясняли отношения, маленькая смуглянка куда-то испарилась. Ну и ладно.

– Зачем ты его обидел? – спросил Руад. И растолковал мою оплошность.

– Да откуда мне знать, что это – обида, – пробормотал я, чувствуя себя очень неудобно.

Вот ведь косяк упорол.

– Пустое, – махнул рукой Руад. – Повинись, подари ему какую-нибудь безделицу – и все будет хорошо. Стюрмир – не вредный.

И тут мое плечо угодило в тиски. Это невредный муж Стюрмир положил мне на плечо свою мозолистую лапу.

– Почему ты не сказал, что ты колдун, Ульф Черноголовый?! – прорычал он. – Ты заколдовал меня!

– Это колдовство называется – слишком много пива в брюхе, – сказал я спокойно и даже весело, хотя внутри все напряглось, как лучная тетива. – Я не хотел тебя оскорбить, Стюрмир. Я пришел издалека и не знаю ваших обычаев. И не сомневаюсь, что любая женщина ляжет с тобой, едва ты поманишь ее пальцем. А сейчас отпусти меня и отойди. С тебя капает.

Я не думал, что он так и сделает, и говорил, просто чтобы выиграть время и сообразить, как выпутаться из ситуации. Более неудобного положения для драки с Терминатором трудно даже придумать.

Но он отпустил. И отошел. Очень задумчивый.

Позже мне объяснили: с колдунами никто не хочет связываться. Если ты его обидишь, он скажет хулительный нид³¹, и тебя зарубят в первом же сражении. А если убьешь... Многие утверждают, что мертвый колдун даже опаснее живого. Вот так-то. Еще мне пояснили, что колдунов скандинавы не жалуют. Сильных боятся, слабых убивают. Колдовство вообще считается женским делом, мужчины недостойным. Так что обвинение в колдовстве сродни обвинению в мужеложстве. За него положено – прямо в дыню. Если ты, конечно, не колдун...

Но тогда я вздохнул с облегчением и завертел головой в поисках девчонки.

Вот она. Уже успела опять забиться в угол. Но по моему знаку покорно приблизилась.

– Сиди здесь, – велел я. – Скоро вернусь. Руад, друг, пригляди за ней, ладно?

Мне стало стыдно. Стюрмир – наш. Все равно что брат. Никогда мне дурного не делал. В бою прикрывал... И пошутил, в общем, даже необходимо. А я его оскорбил. И побил.

Сволочь я...

Стюрмир сидел мрачный, вцепившись в огромный кувшин пива. Время от времени тер шишку размером в половину куриного яйца.

Я подвинул пьяного в хлам Флоси, втиснулся рядом.

– Стюрмир, брат... – произнес я покаянно. – Прости меня, невежу! Хочешь, я научу тебя приему, которым сбил тебя с ног? На, друг, возьми за обиду! – Я содрал с пальца серебряный перстень с синим камешком и положил на стол перед датчанином.

Стюрмир чуть повернул голову, зыркнул на меня одним глазом, не выпуская кувшин. Потом скосил глаз вниз, на перстень. Лицо его слегка оживилось. Кувшин грохнул о стол. Мозолистая лопата накрыла браслет целиком. Теперь он смотрел на меня уже двумя глазами. Вернее, тремя. Третьей «смотрела» шишка.

Секунд десять дан размышлял. Потом вдруг осклабился, сгреб меня в охапку, как ребенок – пупса, и прижал к липкой, пропитавшейся грязью и пивом бороде.

³¹ *Ниды* – хулительные стихи – считаются отдельным жанром скальдической поэзии и занимают в ней особое место. По форме они не отличаются от отдельных вис, по содержанию могут отражать те же ситуации, но описанные специфическим негативным образом. Отношение к нидам было очень серьезным, настолько серьезным, что могли и вне закона объявить. Если в драпе предметами традиционного восхваления были доблесть и щедрость мужчин и красота женщин (чаще в отдельных висах), в ниде часто использовался мотив травестирования, то бишь – пародии.

Отпустил, когда я уже начал думать, что умру от удушья.

– Ульф! – воскликнул он растроганно. – Ты славный воин! Я рад, что мы с тобой плаваем на одном корабле!

Мы с ним выпили пива. И еще выпили. Потом я слинял под предлогом, что надо отлить. Вернулся к своей (я уже считал ее своей) девчонке. В мое отсутствие никто ее не схитил. Еще не хватало...

А веселье уже лилось через край.

То и дело кто-нибудь из наших излагал висы. То бишь хвалебные стихи³². Обычно – не слишком длинные. К примеру, сам ярл произнес такую:

Плату златом взяли
С тех, кто спор затеял.
Кровию – с пней битвы,
Вранов накормили
Одину на радость.
А теперь пируем,
Славя силу сильных!

Надо будет и мне освоить это искусство. Здесь оно в чести.

Ульфхам Треска затянул песню... Бас у него был диаконский, а глотка – почти как иерихонская труба. Стены, правда, не падали, но мусор со стропил сыпался.

Песню тут же подхватили. От рева десятков глоток вибрировали кувшины с пивом. Черноглазка крепко прижалась ко мне. Будь ее воля, она забралась бы ко мне за пазуху, как напуганный котенок.

Молодой Флоси лихо вспрыгнул на стол и принялся отплясывать что-то воинственное... Но его тут же, с гогом, сдернули за ногу на пол...

– Пойдем, мой птенчик, – сказал я черноглазке по-русски.

Конечно, она не поняла. Но противиться не стала.

В моей каморке было довольно шумно. Тонкие перегородки дрожали от царящего в доме праздника.

В соседней норке любили друг друга. Очень громко.

А мы лежали тихонько. Мне было хорошо. Надеюсь, и девочке – тоже. Ну точно котенок. Свернулась клубочком, положила лохматую головенку ко мне на грудь, пригрелась и спит.

И плевать ей на вопли и грохот. Мне тоже было на них наплевать. Я наслаждался уединением. Эта маленькая клетушка была мне сейчас милей десятиком-натного отцовского коттеджа. Чтобы по-настоящему заценить такую норку, надо несколько месяцев подряд поспать на палубе драккара, где тебя подпирают со всех сторон добрые, только немного вонючие друзья, а пожелавшие отлить вынуждены аккуратно перешагивать через головы соседей. Причем в качку это «аккуратно» получается не всегда...

Я лежал, расслабившись, и моему телу, привыкшему к доскам палубы и береговым камням, это ложе из волчьих шкур казалось пуховой периной. И еще казалось, что оно чуть-чуть покачивается...

Я погладил малышку по узкой хрупкой спинке с трогательно выступающими позвонками... Она не проснулась, только вздохнула и прижалась еще крепче.

³² Хотя не только хвалебные – просто герой еще об этом не знает. Хвалебные песни – это драпы и флокки. Отдельные же висы, хотя и построены по тем же ритмическим и стилистическим канонам, однако их содержание намного разнообразнее: виса может рассказывать о поединке, сделке, свидании, краже, случайной встрече, о сновидении и т. д.

«Завтра выкуплю ее и оставлю себе», – решил я.

Мне было известно, что многие так делают. Купить какую-нибудь хибарку, поселить туда женщину, дать ей немного денег... И из похода тебя будет ждать какой-никакой, а дом, и в нем – твоя собственная женщина, а не шлюха из притона...

Утром нас разбудил Стюрмир. Бодрый, как скаковой жеребец перед забегом.

Заявился напомнить, что я обещал ему показать бросок.

Напугал мою девочку. Ну да я на ее месте тоже испугался бы. Наиболее похожим на Стюрмира в моем времени я бы назвал боксера Валуева. Если Стюрмир в чем-либо ему и уступал, то только – в росте. Да и то каких-то двадцать сантиметров.

Не стесняясь в выражениях (благо девочка плохо понимала речь северян), я растолковал любителю утренней гимнастики, куда ему следует идти и что там делать.

Стюрмир злорадно ухмыльнулся и пожелал мне утонуть в нужнике. Но – убрался. Своей цели он добился. Разбудил.

Впрочем, это не значило, что я тут же вскочил и побежал умываться. Еще с полчаса мы с малышкой ласкали друг друга, и нам было хорошо. Даже просто валяться в обнимку. Но это «просто» продолжалось недолго... Девочка так и таяла в моих объятиях. И еще – она была удивительно нежна. Пальчики легкие, как перышки...

Я был бы не прочь провести вот так хоть целый день, но следовало позаботиться о нашем будущем.

Для начала мы позавтракали остатками вчерашнего пиршества.

Потом я сходил к управляющему и попросил пару лошадок. От усадьбы до города не так уж далеко, но захотелось покататься.

Никак не могу привыкнуть к размерам здешних коней. Настоящие пони. Часок-другой мы катались по окрестностям. Проехались вдоль фьорда, перебираясь через овраги и ущелья по каменным и подвесным мостикам. Чертовски красиво. Лошадки совершенно не боялись высоты. Девочка – тоже. В седле она сидела по-дамски, боком, но очень уверенно. Не так уж она и проста, как показалось на первый взгляд. Вряд ли крестьянка сможет держаться в седле с такой грацией.

Впрочем, я не расспрашивал. Полагал, что у нас впереди масса времени, и предвкушал, как буду узнавать историю ее жизни постепенно и неторопливо. Так же, как сегодня утром познавал ее чуткое и нежное тело. Иногда нам попадались местные жители. Они не бездельничали, как мы, а занимались делом. Но я улыбался им, а они – мне. Я совершенно не разбирался во всех этих родовых значках, по которым здесь запросто определяли, какого ты рода и статуса. Однако на мне была куртка со знаками Хрёрека-ярла. Да и кони у нас были из его конюшни. Вдобавок оружие и украшения... Любой дан, у которого имелись глаза, моментально определял: перед ним человек из хирда Хрёрека-ярла. Все остальное не имело значения. Встречали здесь по одежке, так что можно было не сомневаться: в любом здешнем доме, поросшем сверху веселой травкой, меня примут со всем уважением. И на этой суровой земле, где любой бонд-землепашец управляется с боевой секирой и парусом не хуже, чем с косой и сохой, я был в большей безопасности, чем на улицах современных мне Москвы или Петербурга. Грозная тень Хрёрека-ярла, родича самого конунга, незримо стояла за моей спиной.

В городе мы оказались ближе к полудню.

Я сообщил хозяину борделя, что собираюсь купить черноглазку. Он не возражал и цену запросил, на мой взгляд, небольшую: полмарки.

Девочка понимала (или догадывалась) о чем идет речь, и глаза ее так и лучились от радости. Немного же ей надо для счастья, бедняжке...

По возвращении первым делом меня отловил Стюрмир. Уже датый и потому еще более веселый, чем утром.

Крепкие парни – викинги. Выжрал чан пива, закусил свиной ногой – и на боковую. Проснулся, вылил на себя чан холодной воды, всосал литр ягодного морса или там сыворотки – и в загул по новой.

Меньше всего мне хотелось заниматься борьбой, но, раз сказал, надо отвечать.

Пришлось учить Стюрмира передней подножке. К тому финту, которым я его свалил вчера, она не имела отношения, но датчанину все равно понравилось.

Взамен я попросил его об услуге: подыскать мне какой-нибудь недорогой домишко. Пояснил, что хочу купить женщину и поселить ее там.

– А готовить она умеет? – поинтересовался здоровяк.

Я пожал плечами...

...И выслушал целую лекцию по правильному выбору наложницы.

Стерпел. И даже покивал. Стюрмир – местный. Все организует намного быстрее и дешевле, чем я.

Потом я оказался в компании варягов. Наши направлялись покупать Рулафу меч. Дело важное и весьма интересное. И само по себе, и как полезный опыт. Я еще ни разу не приобретал оружия (как-то обходился трофейным), а поучиться не вредно. Да и поглазеть на оружейные лавки... Что может быть увлекательней, чем в ясный солнечный день вместе с понимающими друзьями покопаться в боевом железе?

Ах как я корил себя потом за эту ошибку! За день, прошедший быстро и интересно... За упущенное время. Но мне было в тот день так славно, жизнь казалась такой яркой...

К хозяину моей малышки я вернулся только под вечер.

Тот встретил меня как-то смущенно.

Я сразу заподозрил неладное. Подумал: не иначе как цену решил поднять. Ну, это ерунда. Договоримся.

Все оказалось намного хуже. Намного страшнее. Жизнь человека полна проблем и ошибок. Большинство из них можно решить или поправить. Но есть такие, которые не исправить уже никогда.

Глава тридцатая, ***в которой герой узнает, что выражение «промедление смерти подобно» следует понимать буквально. Но – слишком поздно!***

Его звали Сторкад Бородатая Секира. Он был из людей Лодина-секонунга, прозванного Желтым.

Матерый датский викинг. В Хедебю его хорошо знали. Уважаемый человек. Кроме того, он заплатил, так что никаких претензий к нему быть не может.

– Ты сам виноват! – заявил мне содержатель притона. – Внес бы залог – другое дело. Тогда девка была бы твоя, и я бы не предложил ее Сторкаду. А теперь что зря болтать. Выбери себе другую. У меня их много, и все лучше, чем та. Так и быть, сделаю тебе скидку.

Почему я его не убил? Наверное, потому что он был абсолютно убежден в собственной правоте.

Рабыня – его? Его. Купил недавно, но уже пожалел о покупке. Выброшенные деньги. Потому и цену мне назначил пустяковую. Девка никого не интересовала.

А Сторкад был пьян, и ему было все равно. Тем более что других свободных девок в тот момент не было, только эта. Хозяин запросил половинную цену, и Сторкад согласился.

А потом глупая рабыня сделала что-то не так, и Сторкад ее убил. Ну убил и убил. Вопрос чисто денежный. Конечно, они немного поторговались. Сначала Сторкад хотел заплатить только четверть марки, но хозяин сказал, что на девку был покупатель, который собирался заплатить вдвое больше, и Сторкад спорить не стал. У него были деньги. Этим летом Лодин-секонунг совершил очень удачный вик.

Сторкад заплатил полмарки, получил бесплатно, в качестве бонуса, другую девку, которая как раз освободилась. В общем, все получилось неплохо. Какие претензии, мистер?

Я его не убил. Наверное, потому что в случившемся была и моя вина. Сволочь я и эгоист! Даже не узнал ее имени...

Сторкада я нашел в одной из местных «гостиниц», где за наличные можно было получить все, что пожелаешь: выпить, пожрать и потрахаться. Ну и еще подрасться, если душа просит. Главное – не увлекаться и не привлечь внимания городской стражи, которая во имя поддержания порядка охотно накостыляет и правым, и виноватым.

Интерьер здесь тоже был традиционный. Два стола – во всю длину обеденного зала, закопченные светильники; огромный очаг, где крутилась на вертеле коровья туша, от коей по мере готовности отсекались прожаренные куски; замызганные дебелие бабы, разносившие пиво и закуску; псы, грызущиеся на земляном полу; вонь, духота, грязь... Все как обычно. И само собой – братья-викинги. Кучками: по трое-четверо или целыми десятками. Оружие сложено у входа или развешено на опорных столбах. Такова традиция. Все орут и гогочут. Это тоже традиция. Странно, однако в своей компании это меня почему-то не раздражало.

Я был достаточно осторожен, чтобы не прийти сюда в одиночку. Со мной были Руад с Рулафом и Стюрмир со Свартхёвди Медвежонком, одним из наших, тоже даном, но не из Хедебю, а из какого-то Роскилле. Зато Свартхёвди знал Сторкада в лицо, и я уговорил его присоединиться к нам, пообещав поставить выпивку. Конечно, он сначала попробовал выпытать, какое у меня дело к Сторкаду, но я от ответа уклонился.

Итак, мы пришли. Сели на свободное место. Я заказал бочонок пива. Блюдо с копченой рыбой и стопку каменной твердости лепешек подали бесплатно.

Сторкад Бородатая Секира был примерно таким, как я и ожидал. Громила под два метра с полуметровыми желтыми патлами, заплетенными в косы, квадратной рожей и ручищами-клешнями. Типичный викинг. Морской разбойник без страха и упрека.

И этот гад убил мою девочку!

Я не торопился. Потому что на самом деле не знал, что делать. То есть, что мне *хотелось* сделать, я знал очень хорошо. Выпустить убийце кишки. Но я не настолько ослеп от жажды мести, чтобы делать это ценой собственной жизни.

Пока я просто наблюдал за убийцей. Тот веселился. Хлестал пиво, бодался с соседями, хватал подавальщиц за задницы. Готов поспорить, что эта сволочь забыла об убитой девочке через минуту после убийства. И никогда не вспомнит. Если я ему не напомню.

Я дождался, пока друзья слегка разогреются и поедят. Все-таки я их пригласил есть-пить, а не драться. Мне-то самому кусок в горло не лез, но заметил это, по-моему, только Руад, который тоже не очень налегал на пиво. Надо полагать, его беспокоило, что у меня на уме.

О том, что я ищу встречи с Бородатой Секирой, знали все четверо. Ищу и ищу. Мое дело. Может, у меня для Сторкада весточка от родни...

Пока я ждал, придумал, что делать. Дам по рожу, спровоцирую на драку и аккуратно прирежу. Благо, ножом на хранение никто не сдавал.

Потом заплачу вергельд. Это будет недешево, но я справлюсь.

Время пришло. Сторкад созрел. Ни к чему, чтобы мой враг набрался до поросычьего состояния и не понимал, что к чему. Очень хочется увидеть, как он сдохнет. И еще раз напомнить, за что он сдох. Не в славном бою, с оружием в руках, а в глупой кабацкой драке.

Сторкад был на голову выше меня и в полтора раза крупнее, но я почему-то не сомневался, что сумею его прикончить.

Я встал.

Не спеша, как и подобает уверенному в себе воину, подошел к чужому столу, похлопал Сторкада по могучему плечу.

Тот обернулся. Оглядел меня недоумевающе, пытаясь сообразить, кто я такой.

А не так уж он пьян, как мне казалось...

– Ты убил мою женщину, – сказал я.

– Что?! – Вокруг было довольно шумно.

– Ты убил мою женщину!

Я мог бы перерезать ему горло прямо сейчас, но тогда меня точно убьют. Все должно выглядеть случайностью.

– Твою женщину? – Узкий лоб выразил напряженную работу мысли. Секира пытался вспомнить, кто же я, собственно, такой. И кто из тех, кого он убил, мог оказаться моей женщиной. Не вспомнил. Но решил встать. Вернее, начал подниматься...

Он был еще выше, чем я предполагал. Настоящий великан. Йотун.

Я сделал шаг назад, иначе мой взгляд упирался бы ему в грудь.

– Я тебя не знаю, – поведал мне Сторкад. – Я многих убил. Были и женщины. Но я ничего тебе не заплачу, даже если ты приведешь свидетелей. Мало ли кого я убил! Я не помню тебя. И твою женщину тоже не помню. Пошел прочь, пока я не рассердился!

Он был вдвое тяжелее меня. Вдобавок у него была слава непревзойденного поединщика, но я об этом не знал. Если бы я прямо сказал, что собираюсь драться, то получил бы всю нужную информацию. И стопудово меня попытались бы отговорить. И я бы, может, отговорился, потому что в справедливый суд богов я не верю (да и в богов – как-то не очень), не говоря уже о том, что с точки зрения местных богов предъявить мне Сторкаду нечего.

Но я не знал, с кем имею дело. Он тоже не знал, но это он глядел на меня сверху: могучий датчанин с плечами размера три икса – на шибздика ростом метр семьдесят три, легко помещавшегося в футболку с маркировкой «L».

– ...Пошел прочь, пока я не рассердился!

– Ее ты должен помнить! – заявил я. – Ты убил ее вчера вечером!

Опять напряженная работа мысли. И вдруг морщины разгладились. Вспомнил!

– Ага! – Его явно обрадовало то, что память не подвела. – Это та маленькая рабыня! Так бы и говорил, что рабыня. А то ты сказал – женщина, вот я и удивился. Так я не понял, в чем дело? Я ведь заплатил ее хозяину цену. Хорошую цену! Хозяину! А тебе что надо?

– Тебя! – произнес я и врезал ему кулаком в горло.

Он не ожидал. Захрипел, схватился за шею. Я еще раз добавил. От души. По уху. Просто чтобы раззадорить.

Два раза – и всё пока. Я не собирался его избивать. Мне нужен был его труп.

Наконец он прокашлялся. И посмотрел на меня очень нехорошо. Готов поклясться, что все алкогольные пары выветрились из его башки.

Его дружки за это время успели повскакивать на ноги. Мои – тоже подросли. Они-то наблюдали за сценой с самого начала. Вероятно, даже расслышали кое-что из нашего разговора.

Черт! Все шло совсем не так, как я планировал! При таком раскладе мне вряд ли удастся резать его в якобы случайной драке.

А Сторкад... Он стоял так, будто совсем не собирался драться.

Увы, он оказался не так туп, как я надеялся. Викинг потрогал ухо, поглядел на ладонь. На ладони была кровь. Я ему смачно приложил. Это больно. Но на боль ему было наплевать. Он увидел кровь и обрадовался. Вот дьявол! Чему он так рад?

Через мгновение я узнал.

– Хольмганг! – даже не сказал, а пропел Сторкад. – Хольмганг по законам островов! Завтра поутру! Ты, не знаю, как тебя зовут!

– Меня зовут Ульф Черноголовый!

Я тоже обрадовался. Не знаю, какие там у него на островах правила, но хольмганг, насколько я помню, это свободный поединок. То есть свободный от кровной мести и прочей лабуды³³. Очень хорошо, здоровяк! Завтра я тебя и прирежу!

– Жаль тебя, – сказал мне Свартхёвди Медвежонок. – Ты – славный дренг, Ульф! И Хрёрек тоже огорчится, когда тебя убьют. Скажи мне кто, что ты повздоришь с Бородатой Секирой из-за мертвой рабыни, никогда бы не поверил. Ты редкостный дурень, Черноголовый! Поэтому я сам заплачу за наше пиво. А ты пей, дренг, пей! Запомни вкус, чтобы сравнить его завтра с тем, каким тебя будут потчевать в чертоге Одина!

...И вот, когда я узнал, что такое «хольмганг по-островному», тут я и понял, что попал по-настоящему. Это все равно что описанный Лермонтовым (если не ошибаюсь) печально закончившийся поединок купца Калашникова с молодым опричником Ивана Грозного. То есть ни уклоняться, ни даже финтить – не положено. Положено гордо и смело, не сходя с места, принять сокрушительный удар. Да, можно обороняться щитом. Все предсказуемо и неориги-

³³ *Хольмганг* (от древнеисландского *hólmganga*, т. е. «прогулка по острову») – поединок на ограниченном пространстве. Существовали разные правила его проведения. Например, в отсутствие острова, он мог происходить на расстеленной ткани ограниченной площади (обычно 3 × 3 метра). В некоторых случаях бились ножами, а левые руки связывали веревкой. Об условиях (например, о том, сколько раз допускается менять разбитый щит) договаривались заранее. Стандартным числом считалось три. Иногда использовались копыя. Договаривались о возможности замены оружия (сломанного меча, например), хотя обычно его не меняли, о том, бьются ли до крови или до смерти. Или пока кто-то не признает себя побежденным. Сражались в броне и в одних рубахах. Словом, вариантов было много. Причем право на такую «прогулку» имел любой свободный скандинав. То есть простой бонд мог вызвать хоть самого конунга. Конунг, правда, драться бы не стал (наверняка он завалил бы бонда играючи, но – статус!), а выставил бы поединщика. Хольмганг считался свободным от мести и даже вергельда (наоборот, проигравший мог выкупиться у победителя), но бывали исключения. Как, например, в случае поединка Гуннлауга и Хравна в саге «Гуннлауг – Змеиный Язык».

нально. Щитов выдается – 3 штуки. Когда щиты кончаются, то, как правило, заканчивается и жизнь одного из поединщиков.

При таком раскладе мои шансы на победу почти нулевые, поскольку моя сильная сторона – именно маневр и неожиданные ходы. «Почти» – это вмешательство высших сил, в котором я как-то не уверен.

Вдобавок к росту, весу и мощи мой противник еще и специализировался на подобных мероприятиях: перебил в таких состязаниях изрядное число народу. То-то он обрадовался, когда я дал ему повод (пролитая кровь) для полноценного вызова. Отличался же мой враг тем, что своей «бородатой» секирой, давшей убийце прозвище, разваливал щит противника уже с первого удара. Впрочем, специализация Сторкада Бородатой Секиры сейчас имела не такое уж большое значение. Я и без нее мог смело считать себя покойником.

Надо было что-то придумывать, и придумывать срочно. Если я погибну, то черноглазая девочка так и останется неотомщенной.

А Сторкад будет точно так же пить, жрать и гадить. И убивать.

Глава тридцать первая, в которой герой впервые в своей жизни отказывается от честного поединка

Не прийти на поединок я не мог. Это опозорило бы не только меня, но и весь хирд. И не отменило бы поединка. Хирд – моя родня. А здесь родня по закону отвечает за своего блудного родственника. Кровью. Так что кому-то из друзей пришлось бы драться вместо меня. Возможно, у того же Стюрмира были бы лучшие шансы, но я не мог рискнуть и подставить другого в своем собственном кровном деле.

Так что на хольмганг я явиться должен. И геройски принять смерть.

Вечером Свартхёвди, который договаривался с противной стороной, сообщил, что моя безвременная кончина произойдет сразу после восхода на одном из песчаных островков, что появляются лишь во время отлива.

Я не возражал. Мне было все равно.

У меня была одна ночь, чтобы найти выход...

– Скверно выглядишь, – сказал Трувор, который тоже решил сопровождать меня на хольмганг. – Не спал ночью?

Я кивнул.

– Зря. Даже перед смертью стоит как следует выспаться! И никогда не теряй надежды, Волк! В хольмганге, бывает, побеждает и слабейший. Это уж как боги решат.

Я снова кивнул. Глаза слипались. У меня и впрямь была трудная ночь.

На место мы прибыли вовремя. Свартхёвди заранее договорился насчет лодки.

Отлив только начинался. Море было пустынно.

Мои друзья негромко переговаривались. Так, ни о чем. Никто не предложил выйти вместо меня. Тоже правильно. По здешнему закону я имею право выставить вместо себя другого бойца. Но должен сам ему об этом сказать. А он – согласиться.

Солнце понемногу поднималось. Сторкада не было. Мои спутники заговорили громче. Они удивлялись. Не может быть, чтобы Сторкад испугался. Нет, не явиться он мог только в одном случае. Если мертв или тяжело ранен. Или его схватила стража конунга. Но, случись такое, об этом стало бы известно.

– Может, ему было знамение? – предположил Руад.

Но Свартхёвди только головой мотнул. Знамение – у Бородатой Секиры? Скорее знамение будет у нашего Стюрмира.

Стюрмир обиделся. Почему это у него не может быть знамения? Мало что ли он вражеской крови пролил? Или богов не чтит?

Какое-то время скандинавы препирались. Но не забывали поглядывать в сторону берега. Сторкада не было.

Мы ждали долго. До тех пор, пока песчаная отмель окончательно не спряталась под водой.

– Плыдем назад, – сказал Трувор. – Он не придет.

Я тоже знал, что Сторкад не придет. Заранее знал. Потому что я сам об этом позаботился. Это был бесчестный поступок. По местным понятиям. Но на мой взгляд, убить молоденькую девушку просто так, без серьезной причины (да и по причине – тоже), поступок куда более бесчестный.

Что ж, у датчан одни понятия, а у меня – другие. И я не собираюсь их менять.

По поводу этого дела ни с кем из своих друзей я советоваться не стал. Если удержать Секиру от хольмганга может только смерть, значит, он умрет. Будь у меня яд, я бы просто отравил эту сволочь. Попытаться его зарубить без всякого хольмганга? Вряд ли получится. Вокруг – целая свора Сторкадовых дружков. Они не останутся в стороне. Так что и в этом случае меня тоже убьют. Или что похуже сделают. В чем в чем, а в умении помучить ближнего викинги всегда отличались добросовестностью и фантазией.

План возник совершенно случайно.

У меня порвалась шнуровка на сапоге. Будь мы в походе, я бы решил проблему сам, но здесь же город. И сапожники.

Один такой обитал неподалеку от усадьбы Хрёрека.

Пока сапожник подбирал шнурок, мой взгляд рассеянно блуждал по сторонам, пока не остановился на одной интересной штуке.

Это было шило. Не то, которое имелось у меня самого – короткий толстый штырь на грубом кругляше, а длинное и тонкое жало на ухватистой рукоятке.

В голове мгновенно сложилась картинка. Я вдруг вспомнил, что в прошлой жизни шило являлось одним из любимейших орудий уголовников. Крови почти нет. А если пырнуть грамотно, летальный исход гарантирован.

Я сунул сапожнику серебряную арабскую монету, и, пока он копался в коробке с медяками в поисках сдачи, потихоньку сунул его орудие производства в карман.

Теперь остались совсем пустяки. Незаметно подобраться к Сторкаду (незаметно и для него, и для кого бы то ни было), незаметно воткнуть ему шило в сердце или иной жизненно важный орган и так же незаметно смыться.

Ерунда, верно?

Я вернулся в усадьбу, а еще через часок вернулся Свартхёвди. С условиями завтрашнего поединка.

Я выслушал его внимательно. И невзначай выяснил, что Секира с сотрапезниками остался ночевать на том же постоялом дворе.

Когда стемнело, я покинул усадьбу. Собачки меня знали и не тронули.

Народу на улицах было немного. Время от времени впереди мелькали факелы стражников, но спрятаться от них не составляло труда.

Не единожды меня облаяли псы. Но поскольку по ночному городу слонялся не я один, то они лаяли постоянно, и никого это не беспокоило.

В гостинице веселье закончилось. В большом зале чадила одна-единственная лампа на тюленьем жире. Народ спал вповалку: на полу, на скамьях, на широких досках, вставленных в пазы опорных столбов. От духоты и вони перехватывало дыхание, но северянам подобная атмосфера была привычна.

Лампу я прихватил с собой. Того зелья, которым меня когда-то потчевал Коваль, у меня не было, а при свете очага даже собственные пальцы пересчитать было бы затруднительно. Я долго бродил между спящими, выискивая Сторкада...

Не нашел. В общем зале его не было. Если он не ушел еще куда-нибудь (что было бы очень скверно), то должен дрыхнуть в одной из комнатушек по ту сторону очага.

Дома здесь строились по «типовому проекту», отличаясь, главным образом, размерами. Здоровенный общий зал (столовая) и крохотные клетушки.

К ним – отдельный вход с улицы, но он скорее всего заперт. А вот из столовой – точно открыт.

Нахлобучив капюшон плаща так, что увидеть мое лицо можно было бы, только заглянув и подсветив, я, не скрываясь (вот это было бы подозрительно), а громко ворча и цепляясь за стену, побрел по коридорчику, заглядывая в каждую норку.

Меня раз пять обругали нехорошими словами, зато я отыскал то, что требовалось.

Сторкад спал один. Судя по некоторым деталям, вечером у него была девка, но куда-то слиняла. Чистое везение. Девка – свидетель. Да и переполошить всех может. А убивать ее – рука не поднимется. Удача явно на моей стороне.

Сторкад, безупречная машина убийства весом никак не меньше центнера, вольготно раскинулся на постели в чем мать родила. Бей, куда хочешь. Хоть в глаз, хоть в печень, хоть в сердце...

И тут я понял, что из моего плана «смерти от естественных причин» вряд ли что-нибудь выйдет. Даже от тонкого шила на этом белом гладком теле останется кровавая дырочка. И на кого тогда подумают? На тайного убийцу (например, меня – ведь у меня самый увесистый мотив) или на девку, которая с ним спала? А если на девку – то чем я тогда лучше Сторкада? Да ничем!

Я застыл с шилом в руке. И вообще... Понимаю, это глупо, но как-то неловко убивать спящего. А если разбудить, хрен он дастся. Без шума точно не получится.

Может, просто горло ему перерезать?

Левой рукой я вынул кинжал. Наклонился над викингом и прижал лезвие к горлу.

Вот это реакция! Едва металл коснулся кожи, он открыл глаза. И не завопил. Черт его знает, почему. Может – нервы из стальной проволоки? Я даже не успел сообразить, что едва не прокололся. Заори он – и все.

Но он не стал кричать. Скосил глаза на мою руку и сразу все понял.

– Не дотерпел до завтра? – спросил он негромко. – Или струсил?

Держался он и впрямь молодцом. И времени не терял: рука его очень медленно и очень осторожно поползла к топору, прислоненному к стене.

Я видел, но молчал. Мозг лихорадочно обрабатывал информацию. Перерезать ему горло легко, но тогда уже сразу и себе...

– За что ты убил ее? – спросил я.

Он понял, о чем я.

– Слишком долго возилась со своими тряпками, – сказал викинг. – Я этого не люблю.

До топора ему оставалось сантиметров двадцать.

– Я мог бы подарить тебе другую, получше, – предложил он. – А хочешь, я и тебе за нее заплачу? Хочешь?

Он не собирался платить, он просто выгадывал время.

«Схватит топор – зарежу», – решил я.

Сторкад еще что-то говорил, я не слушал. Я ждал...

Толстые пальцы коснулись секиры, погладили, бережно обняли рукоять у самой «бородки»...

И тут я увидел.

Я увидел ухо.

Большое мясистое ухо, покрытое коркой запекшейся крови. То самое, которое я ему рассадил вечером.

Увидел и сразу ударил, опередив Сторкада буквально на мгновение.

Но умер он тоже мгновенно. Топор с тупым звуком ткнулся в земляной пол. А мог бы снести мне голову...

Я не без усилия извлек шило. Оно было в крови, но из самой узенькой ранки не вытекло почти ничего. К утру наверняка засохнет. Никто и не подумает, что Секире продырявили мозг. Вскрытый здесь не проводят.

Я обтер шило о собственные штаны (экспертизы по ДНК здесь тоже нет) и спрятал в сапог. Затем попытался вынуть из лапы покойника топор. Не получилось. Хватка у Сторкада,

даже у мертвого, по-прежнему оставалась «мертвой». Что же, пусть друзья порадуются: викинг помер, как подобает, – с оружием в руках.

А отчего он так скоростижно скончался, надеюсь, никто никогда не узнает.

Никто и не узнал.

Глава тридцать вторая, в которой герой спяну отправляется на поиски приключений и получает то, чего ищет

Когда мы вернулись и выяснилась причина неявки Сторкада-дуэлянта, на меня начали смотреть косо даже варяги. Еще бы: все необъяснимое, если оно не попадает в графу «воля богов», автоматически трактуется как колдовство. Эти ребята искренне верят и в ведьм, и в волхвов, не говоря уже обо всякой сухопутной и морской нежити. Причем вся эта лабуда (а может, и не лабуда: все-таки викинги – ребята очень практичные, им факты подавай) систематизирована и классифицирована, распределена по конкретным исполнителям: есть женское колдовство, есть мужское, есть предсмертно-посмертное и так далее. Например, военно-прикладное. С его проявлением в виде голого полоумного берсерка я столкнулся лично. Потрогал, можно сказать, собственными руками и собственным оружием. Наверняка и этому феномену можно было найти какое-нибудь научное объяснение (научно или псевдонаучно объяснить можно все – было бы желание), но, опять-таки учитывая мои собственные обстоятельства (как-то трудно поверить, что нынешние приключения – сплошной затянувшийся глюк), следует допустить, что колдовство не только существует, но и способно активно воздействовать на здешний материальный мир.

Может быть, все зависит от веры? Когда-то давно один мой приятель выдвинул такую гипотезу. А в качестве примера привел гороскопы. Мол, в советское время народу было абсолютно поровну, в каком «доме» и под каким «знаком» родился. Все верили в генетику (происхождение) и воспитание. И отличить «рака» от «скорпиона», а «деву» от «стрельца» ни по внешности, ни по поведению было невозможно. А вот когда массы внезапно прониклись доверием к «звездам», в полный рост пошло отделение «козерогов» от «телочек», и астрологическая сегрегация заработала на всю катушку.

Мой приятель знал, что говорил. Он писал эти самые гороскопы для нескольких женских журналов. Писал от балды, что в голову взбредет... Но работало. Напишет: «львов» ждет романтическая встреча, а «козлов», тьфу, «козерогов» – удача в делах, если они наденут зеленые трусы... И пожалуйста! Его «львица» секретарша наутро приходит с горящими глазами и «послевкусием» вчерашнего секса на нежной шейке, а в «белорусском трикотаже» всю партию зеленых трусов сметают за один день. А директор «трикотажа», что характерно, – урожденный «козерог».

Однако я отвлекся. Поскольку списать внезапную смерть Бородатой Секиры на богов было затруднительно, то ее списали на меня. Вернее, на мои колдовские способности. Кое-кто из приятелей Сторкада даже попытался «повесить» на меня убийство, но, поскольку не было никаких свидетелей творимого мною колдовства (отдельное спасибо тем, кто формализовал и подробно расписал возможные варианты и процедуру наведения порчи!)³⁴, то обвинение распалось из-за отсутствия улики.

Однако тем же вечером Трувор зазвал меня на приватный разговор и потребовал поклясться, что я не наводил порчи на покойника.

³⁴ Вот, например, как это выглядело в моей самой любимой саге – «Сага об Эгиле»: «...После этого Эгиль убил сына конунга Эйрика Рёгнвальда и многих его дружинников, а потом взял орешниковую жердь, взобрался с нею на скалистый мыс, обращенный к земле, насадил на нее лошадиный череп и произнес заклятие... (заклятие пока опустим) – „Я воздвигаю здесь эту нид-жердь (nǫðstong) и посылаю этот нид Эйрику конунгу и его жене Гуннхильд, – поворот лошадиного черепа к земле, – посылаю я этот нид духам-покровителям, которые населяют эту страну, чтобы они все блуждали без дороги и не нашли покоя, пока не изгонят конунга Эйрика и Гуннхильд (обидчиков Эгиля) из страны. Затем он всадил жердь в расщелину и оставил ее стоять и вырезал рунами на жерди все заклятие, которое сказал“». // Как видите, ритуал строго формализован.

Я поклялся. Именами всех главных богов, включая Перуна. Совесть моя была чиста. Да, я «испортил» Сторкада, но безо всякой мистики. Просто проткнул ему мозги железякой. А про железяку меня не спрашивали.

Однако Трувор на этом не успокоился и принялся выпытывать насчет моего бога-покровителя. Вдруг это он расстарался...

Я ответил, что никаких персональных божественных покровителей у меня нет. Уповаю исключительно на богов моих нынешних братьев, то есть на Одина сотоварищи и, само собой, на Перуна Молниерукого, который мне особенно близок по духу и образу действий.

Как я и ожидал, после такого заявления Трувор заметно расслабился и прочитал коротенькую лекцию о том, что да, конечно, почитать надо всех «территориальных» богов, однако лучше Перуна для воина точно не сыскать. И пора бы ввести меня в список его персональных почитателей. Я ответил, что буду только рад. Так и договорились. Едва мы окажемся на исконно варяжской территории, меня немедленно посвятят.

Засим удовлетворенный Трувор отправился докладывать результаты «собеседования» Хрёреку, а я остался один на один со своим горем.

Не хочу вдаваться в подробности собственных переживаний. Скажу лишь, что никогда в жизни (ни в той, ни в этой) мне не было так горько и паскудно.

И даже поделиться не с кем: не поймут славные други-братья! Тогда я напился. Мешал обычное пиво с «зимним» и кислое вино с еще более кислым подобием кумыса...

Нажраться до потери сознания здешними напитками было непросто.

...Очнулся лишь на короткое время, обнаружив себя на крыльце пускающим струю в темноту.

Потом – снова провал. И вновь пробуждение. Абсолютно неромантичное – от примитивных позывов мочевого пузыря.

Он-то, этот пузырь, и стал причиной моих будущих бед. Хотя нет, все-таки не он, а моя собственная дурость. Проснувшись спяну по зову организма, я вдруг забыл, где нахожусь. Показалось, что «отдыхаю» в какой-то, блин, «этнической» гостинице двадцать первого века. Бывал я в таких не раз. Для игровиков и их консультантов такие считались «правильными». Не хуже самодельных «королевских» шатров.

Так что я не без труда воздвигся с койки и отправился на поиски санузла. Санузла не удалось обнаружить ни в номере, ни в коридоре. Я тыкался в разные углы, пока меня не послали к троллям. Послали по-шведски. Вернее, по-древнескандинавски (здесь этот язык называли либо норманнским, либо датским), и мой помраченный ум окончательно утвердился в своей догадке. Тролли, шведский... Конечно, игровики!

Однако организм уже не намекал, а настойчиво требовал... Когда я наконец выбрался из коридорных лабиринтов на улицу, было уже не до приличий. И я воспользовался самым древним и абсолютно чистым с экологической точки зрения туалетом: ближайшим деревцем.

Никто этим нарушением этикета не заинтересовался, кроме кудлатой псины, чуть погодя «отметившейся» на том же месте.

Засим мне следовало бы вернуться обратно и отоспаться.

Но потянуло на приключения. Из башки начисто выветрились воспоминания о последних месяцах жизни. Я был твердо убежден, что нахожусь где-то в Швеции, то есть в цивилизованной и безопасной стране. И еще я решил, что сейчас – самое время повеселиться. Выпить чего-нибудь, поболтать с хорошими людьми, может, даже сплясать...

И я отправился на поиски культурной программы. Босиком. В одних портках и рубахе. Подобный прикид меня (в нынешнем сумеречном состоянии) абсолютно не смущал. И уж точно не беспокоило отсутствие оружия: при мне даже ножа не было – почти невозможная ситуация для свободного жителя средневекового Хедебю. Зато были деньги – в портках тепался небольшой мешочек с серебром. Понятно, почему: прятать денежку за гашником, то

есть за шнурком от штанов (вариант – шнурком на шее) – добрая местная традиция. То, что в гаманце моем не кредитка и не банкноты, а серебро, которое вряд ли примут в цивилизованном питейном заведении, меня беспокоило не больше, чем попавшийся на пути ручеек.

И вот я, пьяный в зюю, считай, голый (не потому, что без верхней одежды, а потому, что без оружия), зато с серебром в портках (не воспримите в переносном смысле), совсем один – в чужом средневековом городе.

Я мог напороться на обычных грабителей. Эти дали бы по голове (или прирезали, что еще проще) и унесли все, вплоть до портков, которые при всей простоте были сотканы из отличного льна. Я мог наткнуться на стражу, которая тоже дала бы по голове и забрала серебро, но портки оставила. Зато приволокла бы мое тело в караулку, откуда я, скорее всего, утром вернулся к своим.

Но со мной произошел третий вариант. Никого не заинтересовав, я в полной темноте вполне успешно (если не считать того, что я дважды падал в ручей) проделал немаленький путь из усадьбы Хрёрека до центральной улицы Хедебю, прошлепал еще метров пятьсот по деревянному тротуару и углядел огонек. А поскольку мысли мои были просты и практичны, как ручка от кастрюли, то я немедленно на этот огонек двинулся, чая осуществить засевшее в пьяном мозгу желание тусить.

Минуту или две я скребся под дверь. Вернее, под воротами. Потом оные (точнее, калитка в них) отворились, и я узрел женщину.

Что-то в мозгу окончательно переклинило, и я принял ее за мою погибшую девочку.

Пуская слюни от счастья, полез обниматься...

Дальнейшее я помню смутно. Меня куда-то вели, о чем-то спрашивали. Потом я вдруг на что-то рассердился и принялся драться... Недолго. Меня аккуратно тюкнули по головке (надо полагать, это был весьма популярный здесь инструмент «мягкого» успокоения – мешочек с песком), и я отрубился окончательно.

Глава тридцать третья, в которой герой на своей шкуре познает разницу между дренгом и трэлем

Пробуждение было отвратительным. Башка болела так, что описать невозможно. С похмелья так не болит. Это во-первых. Во-вторых, я почти окоченел, поскольку сидел, прильнув к чему-то твердому, а под задницей плескалась вода. И штаны были мокрыхоньки. Кстати, штаны и не мои, а какие-то грубые чужие шаровары из колючей шерсти. Темно было – как в недрах московской канализации. Вдобавок я не мог пошевелить конечностями. То есть пошевелить как раз мог, но подвижность их была очень ограничена: руки и ноги оказались просунуты в какие-то дырки.

Что за черт?

Еще за спиной (да и снизу тоже) раздавался какой-то очень знакомый и очень характерный звук. Невероятным усилием воли я заставил себя вспомнить... Вспомнил. Это был шум воды. Шум воды за бортом идущего судна.

Тут только я сообразил, что меня качает. То есть я чувствовал и раньше, но мне казалось, что это последствия похмелья. Как только я осознал, что меня качает на самом деле, мне стало совсем худо (хотя казалось бы, куда уж...), и меня вырвало прямо на себя.

Рядом, совсем близко, кто-то злобно выругался на нурманском: обозвал меня свиньей и еще похуже. У меня не было сил даже ответить. Голова разболелась так, будто в нее раскаленный штырь воткнули.

Минут пять я вообще ничего не соображал от боли. Потом немного полегчало.

– Где мы? – прохрипел я слабым, как струйка бурундучка, голосом.

В ответ – новые ругательства.

Еще через какое-то время я опять провалился в беспамятство...

Очнулся, когда ощутил, что меня поднимают.

Сопrotивляться сил не было. Когда в глаза ударил солнечный свет, я зажмурился.

Потом кое-как разлепил слезящиеся глаза... И увидел собственные руки, скованные колодками.

Вот дьявол! Я сидел на палубе корабля. Явно чужого, потому что на своем со мной бы так не поступили.

Осмотреться как следует я не успел.

– В воду эту хрюшку! – рявкнул кто-то командным голосом.

Меня ухватили и вышвырнули в море.

Вода была холоднющая! Как я не захлебнулся, одному Богу известно...

Но не захлебнулся и не утоп, потому что через наручные колодки пропустили ремень.

Меня поволокло следом за кораблем. Время от времени трос вздергивал меня на поверхность, и я успевал глотнуть воздух. Грести не было никакой возможности. Судя по сопротивлению воды, на ногах у меня были такие же колодки.

– Греттир, дурья башка! Клянусь кишками Тангриснира³⁵, я не приказывал тебе сбрасывать плавучий якорь! – донесся злобный рык с кормы. Высокой, с центральным рулевым веслом. Это был кнорр. Смешно, но я порадовался, что даже в таком бедственном положении сразу определил тип судна.

³⁵ *Тангниостр* и *Тангриснир*, «Скрежешущий зубами» и «Скрипящий зубами» – козлы бога Тора. Плотоядные твари, которых хозяин, как уже было сказано выше, время от времени съедает. К утру козлы успешно регенерируют и снова готовы к работе. Весьма полезное свойство, однако не знаю, рады ли ему сами козлики.

Когда меня выволокли на палубу, меня трясло, как цуцика. Но в голове заметно прояснилось.

Вокруг собралось с полдюжины бородатых ребят. Им было весело.

– Подъем, трэль! Не спи, замерзнешь!

Данная команда была подкреплена пинком в бок.

Я встал. Это было невероятно трудно – в колодках. Но я справился. Минуты через три. Эти козлы продолжали гоготать.

Встал я не потому, что велели. Стоять все-таки лучше, чем валяться на палубе у них под ногами. Но только я встал, один из юмористов толкнул меня в грудь и я опять оказался на досках. Лишь борцовский навык уберег меня от того, чтобы треснуться башкой о палубу.

Скрипя зубами от боли и ярости, как уже упомянутый Тангриснир, я поднялся вновь. Весельчак же решил повторить. Ему понравилось. Но я подался в сторону, этого мудилу по инерции вынесло вперед, и я с невероятным удовольствием врезал ему головой в нос.

Потом мне было очень больно. Сначала – не расположенной к резким движениям голове, а потом – бокам, когда приголубленный дебил, сбив с ног, пинал меня ногами.

Недолго.

Кто-то, видимо старший, сообщил садисту, что если я помру, то он заплатит за меня из своей доли.

Карман, или, вернее, кошель – слабое место скандинавского моряка. Меня прекратили пинать и швырнули обратно в трюм. Люк закрывать не стали. Через квадратную дыру в трюм проникало немного воздуха и света. Достаточно, чтобы осмотреться. Прозябал я далеко не в одиночестве. Правда, видел я только ближайших соседей, но сразу стало ясно, что это – рабы. Не только потому, что все были в колодках. И не по дурацким стрижкам. По уныло-опустошенным лицам.

И вряд ли те бедолаги, что оставались вне моего поля зрения, имели другой социальный статус.

Обитатели «дна» вяло переговаривались. В основном, о еде. Двое ближайших, к моему удивлению, беседовали по-английски. Но тоже о жрачке. Еще один мой приятель по несчастью громко молился по-латыни.

Я попытался понять, каким образом оказался в трюме у работорговцев, но не сумел. Смутно помнилась ночь, улица, фонарь над воротами... Но точно не аптеки. Эх! Аптека мне бы сейчас не помешала.

– Что это за судно? – спросил я у одного из англичан.

– А тебе что за дело? – пробормотал тот.

Я спросил то же самое по-датски. Вернее, на том общем диалекте, на котором говорили все: и нореги, и свеи, и даны.

На меня покосились как на идиота.

И я на время оставил попытки завязать разговор.

Изучение колодок тоже не принесло положительной информации. Запоры – примитивнейшие. Но эффективные. С одной стороны – ремни, с другой – согнутая железка. Но даже дотянуться до них не было никакой возможности. Эх, будь здесь не эти отбросы цивилизации, а настоящие воины, мы бы запросто освободились и...

«Забудь, – сказал я себе. – Не в этой компании».

Надежда все же оставалась... Махонькая такая. Меня явно захватили врасплох. И только меня одного. Побратимы наверняка станут меня искать. Стопудово. Землю рыть будут...

Но вот найдут ли?

Ладно, буду терпеть, ждать и постараюсь сохранить организм в приличном состоянии. Мое здоровье и мои навыки – ценность безусловная. Их следует беречь.

Наступило время обеда. Выглядело это так: двоих рабов (видимо, самых надежных) освободили от колодок, затем спустили вниз котел с кашей, пару мисок и пару ложек.

Так что кормили нас в буквальном смысле – с ложечки. В дырку свесился один из работорговцев и внимательно следил, чтобы «няньки» старались. Время от времени сулил им разные неприятности, если кто-то из нас сдохнет во время пути от недоедания. Отрезание ушей было одним из самых гуманных взысканий.

Жратва (жидкая ячменная каша с рыбой, пресная и пованивающая прелью) в горло не лезла, но я заставил себя проглотить всё. Не стошнило, и слава Богу. Трэль, что меня кормил, остался доволен.

После обеда всем было предложено облегчиться – в деревянную бадью. Многие бадьи не дождалось. Понос, как сказано у классика, штука резкая. Так что запашок в трюме стоял... насыщенный.

Дристунам нечего было надеяться на медицинскую помощь, но санобработкой их обеспечивали: вздергивали наверх и через некоторое время возвращали трясущимися и промокшими до нитки. Мне эта гигиеническая процедура была уже знакома.

Время шло. Вечером нас покормили еще раз. Тем же макарон. Ночь прошла тяжело. Тело в колодках закаменело. Я даже чувствовать холод почти перестал. Нет, бездействие до добра не доведет. Волю – в кулак, болевые ощущения – на выработку адреналина, и – физзарядка.

Я умел грузить мускулы даже в состоянии полной неподвижности. В колодках – тоже получилось. Через некоторое время я даже согрелся... И вызвал недовольство ближайших соседей, поскольку мешал им спать. Один даже попытался пнуть меня ногами... Получил колодкой по голове и успокоился.

Через некоторое время справа от меня раздались недовольные возгласы, однако грубый голос велел заткнуться, и говоруны смолкли.

Причина шума вскоре выяснилась. Ко мне пробирался кто-то из трюмных обитателей. Непростая работа, когда ты в колодках, но этот – справился.

Лунного света из открытого люка было маловато, чтоб его разглядеть, но, судя по всему, мужик крупный. Я приготовился к разборкам и был приятно удивлен, когда этот субъект, оказавшись рядом, просто представился:

– Над. Я был дренгом у Траслауда-ярла.

– Ульф, – в свою очередь представился я. – Хирдманн Хрёрека-ярла.

В отличие от меня, Над знал, как здесь очутился. Пару лет назад он убил какого-то бонда и то ли отказался, то ли не смог заплатить виру. Тинг присудил его к изгнанию, однако Над имел глупость вернуться, рассчитывая, что о нем забыли. Не забыли. Над был схвачен и продан за долги нашему нынешнему хозяину, Аслаку Утке. Аслак возил рабов куда-то на юг. Достаточно далеко, чтобы они могли забыть о возвращении домой. Впрочем, Над питал надежду, что парням, обученным воевать, и на юге могут предложить работу по специальности. Возможно... Но мне почему-то вспомнились дружинники Довгана, которым отрубили пальцы. А еще я слышал, что в Микльгарде-Константинополе из таких вот здоровяков делают евнухов – присматривать за наложницами. Этой мыслью я поделился с Надом, и он загрустил. Но ненадолго.

– Почему бы нам тогда не сбежать? – предложил он. – На палубе есть ялик, до берега тут миль пять, не больше. Главное – избавиться от деревяшек.

Последние фразы он говорил шепотом мне на ухо.

– Эти трэли услышат – непременно выдадут.

– Почему? – удивился я.

– За побег накажут всех.

Что же, разумно. Теперь понятно, почему за нами никто не присматривает. Хотя наверху, у люка, может, и есть сторож.

– Должен быть, – согласился Над. – Я выкину тебя наверх, ты вроде легкий. Сбросишь сторожа сюда, а я его задушу.

Идея мне понравилась. Хотя, как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Впрочем, будем решать задачи по мере их возникновения.

Мы занялись колодками.

Уже через часок стало понятно, что до обезвреживания часового дело не дойдет. Запоры были, как я уже отмечал, примитивнейшие, но крепежные железяки достаточно толсты, чтобы их невозможно было разогнуть голыми руками. Может, у Стюрмира такой подвиг и получился бы, но не у меня. И не у Нада.

Аналогичный облом вышел и с ремнями. Кожа их оказалась прочнейшей и потолще бычьей. А вязать узлы моряки умели. Вдобавок, прежде чем вязать, материал как следует вымочили. Теперь кожа высохла и стянулась. Над пытался ее перегрызть, но тут надо было иметь зубы моего серого тезки – человеческие не годились.

Словом – полное фиаско.

Разочарованные, мы с Надом чудовищным аллюром перебрались ближе к носу кнорра (там было посуше и лежали какие-то кожаные тюки), распихали недовольных трэлей (Над с ними не церемонился, и его, похоже, побаивались) и устроились на ночлег.

Утром я чувствовал себя почти прилично. Побаливали ребра, которым вчера досталось, да саднили ободранные о колодки запястья и щиколотки. Это ерунда. Лишь бы не нагноились! Подхватить в таких условиях инфекцию легче, чем высморкаться.

День не принес ничего нового. Разве что двое колодников ухитрились подраться.

На шум заглянул кто-то из команды и посулил по прибытии отрезать яйца обоим.

Дяденька не шутил, и драка мгновенно прекратилась.

Прошел еще день.

Над продолжал строить планы побега. Чистая фантастика. Но ему, похоже, так было легче.

Я же мог лишь надеяться, что мой Хрёрек-ярл – не из той же породы, что вороватые российские генералы, продававшие собственных солдат. Он сделает все возможное, чтобы найти меня и освободить. Пусть не очень скоро... Я буду ждать и надеяться. Больше пока мне надеяться не на что.

На море не остается следов...

Знай я, что надежды не так уж беспочвенны, а следы остаются даже на море, мне бы, несомненно, полегчало.

Ночью ко мне подобрался один из рабов. Мелкий, тощий мужичок. Я обращал на него внимание и раньше. Один из тех неисправимых парней, которые ухитряются сохранить оптимизм, даже оказавшись по горло в дерьме. Он единственный пытался острить и сам же хихикал над собственными шутками. И еще он постоянно пытался выцыганить лишнюю порцию вонючих помоев, которые здесь называли пищей. Основную и дополнительную пайки он сжирал со скоростью уличной шавки. Хап-хап – и миска пуста. Юморист подполз ко мне ночью и жарко зашептал в ухо по-словенски:

– Не верь северянину, Волк... Это подлый человек. Бесчестный. Предаст тебя. Предаст.

– Почему, скажи-ка, я должен верить тебе, а не ему? – тоже шепотом поинтересовался я.

– Мы с тобой одной речи, Волк... – прошептал мелкий трэль. – Я словенин, как и ты. Не гони меня. Я тебе пригожусь. Я научу тебя, как попасть к хорошему хозяину, помогу тебе. Я родился рабом, я знаю многое. То, что может знать только раб. Ты никогда не был рабом. Тебя забьют до смерти или заморят работой. У раба только два пути, Волк. Научиться рабскому закону или умереть. Мы с тобой одной речи. Только мы двое. Я научу тебя пути раба.

– Пути раба? – Я усмехнулся. Разным путям меня учили, но такому – еще нет. – Как тебя зовут, добрый человек?

– Хаучик, – ответил кандидат в мои учителя.

Говорящее имя, однако. Хавчик. Очень ему подходит.

– Только я – не человек, – вновь раздался жаркий шепот. – Я – раб. И ты тоже, Волк. Запомни это, если хочешь жить. Ты ведь хочешь жить, да?

– Хочу, – глупо отрицать очевидное. – Но не рабом, мой добрый Хавчик. Благодарю тебя за поддержку, но учиться быть рабом я не собираюсь. Сдается мне: раб из меня не получится. Но умирать я тоже не намерен. Пожалуй, придется мне все же поискать третий путь.

– Я расскажу тебе историю, – предложил Хавчик.

– Валяй, – разрешил я.

– Шел однажды человек по лесной дороге и увидел распустье. (Знакомое начало!) А на распустье – камень. А на камне том нашими резами выбито: «Налево пойдешь – побьют. Направо – пойдешь – бит будешь. Прямо пойдешь – быть тебе биту». Задумался человек. Надолго... А тут ему сверху – голос:

– Решай быстрей, странник, а то я тебя прямо тут поколочу!

Хавчик рассыпался мелким, почти беззвучным смехом. Но я не засмеялся. Верно говорят, все новые анекдоты были когда-то старыми. За исключением тех, которые – древние.

– Хочешь, расскажу тебе другую историю? – предложил я. – Ехал как-то добрый молодец по лесу и увидел распустье. А на нем – камень. А на камне надпись: «Направо пойдешь – коня потеряешь. Налево пойдешь – голова с плеч. Прямо пойдешь – штаны долой».

Задумался молодец. «Направо, верно, болото. Там конь и утопнет. Жалко коня. Не поеду направо. Налево, видать, людишки нехорошие обретаются. Не то чтобы страшно, нет. Но головой рисковать – глупо. Голова, она у молодца одна-единственная. А вот прямо – это занятно. И кто ж это с меня, с добра молодца, штаны снять сможет? Девка, не иначе! Поеду-ка я прямо». И поехал. Долго ехал, проголодался. Припасы подчистую съел, а дорога все не кончается... – Тут я сделал паузу и услышал, как Хавчик сглотнул слюну. Тема с едой его по-настоящему взволновала. – ...Ехал молодец, ехал и вдруг увидел поляну, а на поляне ягод – видимо-невидимо. Слез молодец с коня да принялся те ягоды рвать...

– ...А ягоды те – ядовитые! – не выдержав, перебил меня Хавчик. – Знаю я эту сказку.

– Ну почему ж ядовитые? – возразил я. – Не ядовитые вовсе. Покушал молодец, сел на коня и дальше поехал. Ехал, ехал – и тут ему живот прихватило...

– Сказал же – ядовитые!

– Не ядовитые, – усмехнулся я. – Просто зеленые. Слез добрый молодец с коня. Портки спустил... А тут и разбойники подоспели. Коня увели, а молодцу беспштанному – голову с плеч. А какой из этой сказки вывод?

– Какой? – заинтересовался Хавчик.

– Кто легких путей ищет, тот без штанов и помрет, – произнес я назидательно.

На этот раз даже Хавчик не захихикал.

– Ты бы, верно, направо пошел, – пробормотал Хавчик.

– Я-то как раз пошел прямо, – вздохнул я. – И оказался здесь. Но больше такое не повторится.

– Верить ты в свою удачу, – завистливо прошептал Хавчик. – А дану этому здоровому все равно не верь. Предаст он тебя, вот увидишь.

Тут справа от меня завозился обвиненный в неверности Над, и Хавчик поспешно уполз в темноту. В колодках он передвигался не в пример проворнее, чем я. Опыт, надо полагать.

Глава тридцать четвертая, в которой мы на время покидаем героя и возвращаемся в Хедебю

У Хрёрека в Хедебю не просто так оказалась собственная усадьба. Он, Хрёрек, был здесь в немалом авторитете. Более того, приходился родичем местному Хареку-конунгу. Седьмая вода на киселе, но здесь даже такое родство принималось в расчет, так что руководство города к заявлению ярла о том, что у него пропал (а возможно, и убит) человек, отнеслось с достаточным уважением. Тем более что я уже успел снискать в городе некоторую известность – как идиот, который не побоялся принять вызов от самого Сторкада. А кое-кто даже истолковал внезапную смерть Бородатой Секиры как божественное деяние.

Наибольшей популярностью пользовалась версия о том, что меня сперли и тихо прирезали родичи или друзья Сторкада, не осмелившиеся бросить мне открытый вызов.

«Родичи и друзья», естественно, активно возражали. И спасибо им, потому что как раз один из таких незаслуженно обвиненных видел, как человека, похожего на меня, загрузили на кнорр норвежского купца Аслака Утки. Свидетель удивился, почему одного из трэлей, уже оформленного в колодки, вносят по трапу на руках. И подошел посмотреть. Тогда он меня, естественно, не признал, потому что видел меня в правильной одежде викинга, а не в рабских тряпках, но теперь-то вспомнил.

Парню не поверили. Ярл гнул собственную линию: «украли, убили». Грозился сделать предьяву на тинге...

И тогда наш «свидетель» с друзьями вынуждены были провести собственное расследование. Дружки у покойного Сторкада были серьезные, доводы у них имелись... очень убедительные. Помогло и то, что Хедебю – городок, строго говоря, маленький: тысячи три жителей. Скрыть что-то от соседей не так просто. А тут еще и улика подвернулась: девка, которая приветила меня у ворот и по ходу свистнула мое серебришко, держать его в носке не стала, на следующий же день решила прибарахлиться... Ее внезапное богатство не осталось незамеченным. Прижатый к теплой (даже я бы сказал – горячей) печной стенке папаша (хозяин того самого подворья) честно заявил, что никаких субсидий дочери не давал. Девку взяли в оборот: где украли? Та уперлась в версии: «подарили». Но спонсора указать не могла.

Значит, все-таки украли, сделал вывод уже не викинг-расследователь, а местный хёвдинг-судья. А как насчет проверки железом?

Трогать раскаленную железку девке не захотелось, и она сменила показания: мол, нашла. Дома у себя. На полу.

Тут решили изучить собственно серебро. Среди мелких обрезков обладавший прекрасной памятью на ценности Ольбард опознал кусочек оберега, доставшийся мне при дележке плесковской добычи.

Опаньки!

Дальше телега покатила быстро. Взятая в *настоящий* оборот девка раскололась до самых роскошных ягодичек. Папаша мгновенно вспомнил, что вломился к нему в дом какой-то... трэль. Безобразничал спьяну, хулиганил... В общем, буйного трэля повязали и продали. Как раз Аслаку Утке и продали.

Признавший косяк хедебюсец изо всех сил старался проявить добрую волю. Глядишь, забудут о его собственных проступках. Мошну развязал мгновенно. Отдал деньги, схищенные дочерью. Отдал деньги, полученные за меня от Аслака. Заплатил за моральный ущерб. Заплатил компенсацию за... В общем, отдал все, нажитое непосильным трудом. До копеечки.

Зато жив остался. Хрёреку некогда было с ним разбираться. Мои друзья быстро загрузились на корабли и устремились в погоню.

Это лишь я думал, будто на море не остается следов. На самом деле следов – множество. Корабли идут в прибрежных водах. Так спокойнее – можно укрыться, если вдруг шторм. И запас пресной воды пополнить. А ютландские прибрежные воды, хоть и отличаются обилием мелей, зато изобилуют людьми. Рыбаками, например. И другими мореплавателями.

Кнорр Аслака Утки оставлял след куда более заметный, чем караван повозок на лесной дороге.

Глава тридцать пятая, в которой герой узнает, каким образом приносят жертвы Одину

Команда кнорра увидела преследователей на пятый день после отплытия из Хедебю. Это случилось бы намного раньше, если бы не попутный ветер, бодро вздувавший широкий парус кнорра.

Однако тот же ветер наполнял и паруса Хрёрековых драккаров, а узкие военные корабли по-любому шли быстрее пузатого «купца».

На палубе кнорра вскоре заметили, что драккары идут не только под парусами, но еще и работают веслами. Да и красные щиты, поднятые на мачтах, заметны издалека и выглядят недвусмысленно. Работоторговцы, естественно, забеспокоились.

К тому времени, когда глазастые нореги сумели разглядеть «соколов» на парусах, весь экипаж кнорра уже носился как взмыленный. Да что толку? Уйти – никаких шансов. Разве что выброситься на берег...

Снизу, из трюма, суета наверху не осталась незамеченной. Даже апатичные трэли забеспокоились... А потом мое ухо выцепило из доносившегося сверху галдежа знакомое слово.

«Хрёрек!»

Не передать, какое облегчение я испытал. Теперь остается только ждать и помалкивать, пока мои братишки возьмут кнорр.

К сожалению, радость во мне бурлила настолько сильно, что я все же не удержался. Поделился ею с Надом. И эта сука, которого я считал почти другом...

– Эй! – завопил бывший дренг Траслауда-ярла. – Эй, там, наверху! Я знаю, почему они за вами гонятся! Это из-за меня! Я – Ульф! Хирдманн Хрёрека! Освободите меня – и вам не сделают худого!

И по телам своих сокамерников, или, вернее сказать, сотрюмников, ломанулся к открытому люку.

А я просто охренел от неожиданности и даже не знал, как реагировать.

Орать: это не он Ульф, а я? Вот ведь какая дурацкая ситуация. Я растерялся...

А Нада услышали. И мигом вытянули наверх. Сразу наступила тишина. В этой тишине было отчетливо слышно, как наверху бубнит Над. Потом голос его умолк... И раздался сильный продолжительный хрип. Очень знакомый мне звук. И означал он, что наверху кто-то отправился в страну вечной охоты. Легко догадаться, кто...

Затем командный голос Аслака Утки рявкнул:

– Камень к ногам – и в море!

Затем его бородатая рожа возникла в квадрате люка.

– Вякнет кто – живьем кожу сдеру и в море окуну! – посулил наш добрый хозяин.

Я покосился на соседей. Кто-то из них вполне мог слышать наш разговор с Надом. Сдадут?

Может, и сдали бы... Глазенки у англичан так и сверкают... Дай им волю, порвали бы меня на куски – я такие мысли по глазам читаю. Почему они меня так не любят? Вроде ничего худого им не сделал... Или потому, что я – викинг?

Один из англичан пробормотал что-то... очень недружелюбное, даже попытался приставать, но второй не дал. Покосился на раба, обязанностью которого было нас кормить, и буркнул (я еле разобрал) себе под нос:

– Не лезь. Ночью мы его удавим.

Размечтался!

Наверху тем временем спустили парус – я легко угадал знакомые звуки. Шорох воды под днищем смолк, качка заметно уменьшилась. Мы легли в дрейф.

Не прошло и десяти минут, как я услышал глухой удар соприкоснувшихся бортов и несильный толчок. Затем топот ног. Надо полагать, мои друзья уже на палубе.

Ага! Я услышал знакомый баритон: Хрёрек.

Разговор сразу пошел на повышенных тонах. Ярл наезжал, Аслак Утка отбрехивался. Мол, ничего не знаю, плыву себе мирно, никого не трогаю!

Я помалкивал. На всякий случай. Уж очень у меня положение невыигрышное для самостоятельной игры. Да и Хрёрек – не из тех, что верит на слово. До джентльменов людям этого мира еще расти и расти.

Ага! Вот в дырку люка свесились две головы: сам Утка и... Ульфхам Треска.

– Ну у тебя тут и вонь... – проворчал Ульфхам. – Тебе бы не трэлей, а дерьмо возить.

– Трэли и есть дерьмо, – отозвался Аслак.

Голос у него был спокойный, уверенный. Еще бы!

Думает, что главной уликой уже кормится придонная фауна Балтийского моря.

– Лампу дайте! – потребовал Ульфхам.

– Зачем тебе лампа, Треска! – крикнул я снизу. – Хочешь подобрать себе кусок дерьма пожирнее?

Дальше все произошло очень быстро. Башка Аслака исчезла из кадра, голова Ульфхама – тоже. А через пару секунд вниз прыгнули Трувор и Стюрмир.

Стюрмир приземлился на кого-то из рабов, тот заорал, но хускарлу было начхать.

Я уже стоял, опираясь спиной на доски обшивки.

Эти двое подхватили меня, как неодушевленный предмет, и метнули в люк. Наверху меня тут же ухватили три пары рук.

– Не худо бы тебе помыться, – усмехнулся ярл.

– Брось меня за борт, – предложил я. – Только не забудь потом вытянуть, а то вода холодная, я замерзну.

Парни (на палубе кнорра было не меньше двух десятков наших) заржали. Тоже сказал: холодная вода. Вот зимой она да, холодная. А сейчас просто идеальная водичка.

Тем временем с меня сняли колодки. Как приятно снова ходить самостоятельно!

Вдруг веселое лицо ярла превратилось в маску рассерженного демона. Даже я испугался.

Оказалось, к нам подвели Аслака. Роба у хозяина кнорра была в крови, правая рука согнута под неэстетичным углом. Сломана, надо полагать.

Быстро его обработали.

Покоцанный Аслак держался неплохо. С достоинством.

– Я не знал, что он – твой хирдманн, – поведал ярлу работоровец. – Мои люди это подтвердят.

– Само собой, – согласился Хрёрек. – Великанша Ран с удовольствием их выслушает.

– Ты не можешь нас просто так перебить, – возразил Аслак. – Это не по закону. Если ты меня убьешь, тебе придется ответить перед тингом. И перед конунгом Хареком. Ты, может, не знаешь, но сестра моей матери...

– Знаю, – перебил его Хрёрек. – С конунгом мы договоримся.

– Один не одобрит... – попытался подыскать еще один аргумент в свою пользу работоровец.

– С Одним я тоже договарюсь, – усмехнулся Хрёрек. – Ты подал мне неплохую мысль. Ульфхам! Я решил подарить этот кнорр Одину!

– Жаль, – вздохнул командир личной охраны ярла. – Я как раз нашел здесь немного серебра.

– Одиуну! – твердо сказал Хрёрек. – Стюрмир!

– Да, вождь!

Здоровяк прыгнул в люк, и оттуда тотчас раздались удары топора.

– Э-э-э... – пробормотал я. События развивались чересчур быстро. Неужели ярл решил утопить кнорр со всем содержимым. С людьми в трюме...

– Там есть кто-то, кому ты хотел бы сохранить жизнь? – Ярл как всегда догадлив.

Я задумался... Ненадолго.

– Пожалуй, есть один.

Я подошел к люку и крикнул в темноту:

– Хавчик!

– Я тут, Волк! – пискнули снизу.

Через минуту мой несостоявшийся учитель рабской философии стоял на палубе кнорра и лыбился щербатым ртом.

– Искупайтесь, – сказал ярл. – А мы пока тут закончим. – Вытянул меч, воздел к небу и провозгласил:

– Слышишь меня, Один! Тебе посвящаю...

И так далее.

Лезть в студеную воду мне совсем не хотелось, но приказы командира не обсуждаются. Тем более, этот командир только что извлек меня из очень глубокого нужника.

Через пару минут я, завернувшись в медвежью шкуру, хлебал пиво на палубе родного драккара. Это было нелегко, потому что зубы громко стучали о край медной чашки.

Рядом со мной завернувшийся в ветхую дерюгу Хавчик жадно грыз вяленую рыбину. Удивительный факт: ему было теплее, чем мне.

Мы отвалили. Кнорр медленно погружался в пучину. Его экипаж перебили, тела побросали в трюм. Команда Аслака почти не сопротивлялась. Видимо, надеялись, что Хрёрек не станет убивать всех. Зря надеялись.

Зато все ценности и оружие работорговцы забрали с собой. Если что-то или кто-то жертвуется Одиуну, то целиком. Без остатка.

Похоронным гимном тонущему кнорру стали вопли рабов, захлебывавшихся в трюме.

Они терзали мой цивилизованный слух, пока Трувор втирал целебную мазь в мои ссадины и царапины. Мазь была довольно воночая. Зачем, спрашивается, я мылся?

Глава тридцать шестая, в которой герой едва не становится жертвой коллеги по профессии

После операции по моему освобождению мы разделились. Вторым драккар, возглавляемый Хёдином Моржом, – старик пустился в плавание вместе с нами, поскольку отлично знал не только местные воды, но и всех прибрежных обитателей, – с экипажем из сорока гребцов отправился в Хедебю, а мы двинулись в острову Сёлунд, вотчине неоднократно упоминавшегося Рагнара-конунга.

Когда-то я терпеть не мог спать днем. Разве что – в армейской учебке. Там-то мы навострились «харю давить» при каждом удобном случае. Здесь это полезное свойство восстановилось.

Сменившись с вахты, я быстренько употреблял организованный Хавчиком ленч (хорошо иметь своего раба, особенно если тот назначен армейским поваром), залезал под тюленью шкуру где-нибудь поближе к корме и дрых иной раз до самого ужина. Ни качка, ни скрип весел, ни то, что через меня постоянно перешагивали бодрствующие товарищи, ничуть не мешало. Привык. Сурова жизнь простого северного пирата.

Однако в этот вечер моя собственная жизнь едва не оборвалась. Причем по глупости.

То есть я проснулся, как обычно. Сбросив влажную от брызг шкуру, сел и...

...Спасла отменная реакция. А может быть, то, что я еще не до конца проснулся – сознание не тормозило рефлексов.

Ничего подобного я раньше не делал. То есть поймать ладонями клинок не очень проворного противника мне изредка удавалось. На тренировках. Но пущенный прямо в переносицу нож...

Иначе как чудом такое не назовешь.

Хлоп! – и между моих дланей зажат короткий и широкий швырковый ножик с колечком на рукояти для удобства извлечения. Из кармашка. Или из трупа.

Остренький наконечник ножа замер в каком-то сантиметре от моего сонного личика.

Я раздвинул ладони, и ножик упал на палубу.

Н-да. Злым умыслом тут и не пахло. Уж настолько я в физиогномике разбираюсь.

Видок у Бежана, молодого парня из Ладоги, прямо скажем охреневший.

Взяли паренька на испытательный срок. Ясное дело, что в свободное от вахт время он тренировался до седьмого пота. Вот и сейчас – соорудил мишень из старого чехла для щита и упражнялся.

Мишень эту я обнаружил у себя за спиной. Метрах в трех.

Губы у паренька дрожали, глаза – по пять копеек.

Надо полагать, с воображением у молодого все в порядке. И это воображение уже нарисовало ему последствия втыкания железного ножика между глаз товарища по ремеслу.

Мне стало жаль парнишку. Поэтому я оставил событие без комментариев. Подобрал ножик, бросил его Бежану и покинул директрису³⁶, перебравшись на канатную бухту.

Сидевший на этой же бухте Свартхёвди дружески огрел меня по спине. Он все видел и мою реакцию заценил.

³⁶ Директриса – здесь: основное направление стрельбы.

Глава тридцать седьмая, из которой читатель может кое-что узнать о господском престиже и о преимуществах рабского состояния

– Ты богатый человек, хозяин, – бубнил над ухом мой раб. – Тебе следует хорошо одеваться.

Ну да, у меня все-таки появился раб. Хавчик.

Только не подумайте, что это была моя инициатива.

Напротив, в тот памятный день, когда пошел ко дну кнорр Аслака Утки, я предложил Хавчику свободу.

И даже некоторые деньги, чтобы с голоду не помер.

Денег у меня было в избытке. Вернули схищенное девицей серебро. Выдали моральную компенсацию: кожаный пояс, при виде которого любой ковбой умер бы от зависти, и около трех серебряных марок обрезками и монетами.

«Неплохая цена за путешествие в Аслаковом трюме», – высказался по этому поводу юморист Руад.

– Это ты так считаешь, потому что в этом трюме не сидел! – огрызнулся я.

Руад захохотал. Сердиться на него я не мог. Ни на него, ни на кого бы то ни было из наших. Сами понимаете, почему. Пусть дразнят хоть круглые сутки.

Однако – возвращаясь к Хавчику. Этот прохвост мое предложение «на свободу – с полными карманами» отверг категорически. Дескать, он профессиональный раб и не видит себя в ином качестве. Более того, немалый жизненный опыт подсказывает ему, что я буду Хавчику хорошим хозяином. А уж в том, что он, в свою очередь, будет для меня замечательным приобретением, Хавчик даже не сомневался.

Я устал спорить и согласился. Пошел к Хрёреку и сообщил, что у меня теперь имеется двуногая собственность.

У ярла возражений не было. Места на кораблях хватало. Правда, Хрёрек поставил ряд условий.

Первое: Хавчик находится на драккаре до тех пор, пока я не обзаведусь недвижимостью. В дальнем походе поить-кормить члена экипажа, не способного полноценно грести и драться, нерентабельно. Драккар – не византийская галера. Запасы ограничены.

Второе: Хавчик будет задействован на общественно полезных работах, или его провоз и кормежка будут осуществляться из моей доли. Я одобрил первый вариант.

Третье: при первом же конфликте с любым из членов экипажа мой раб отправляется к рыбам.

Я ознакомил Хавчика с требованиями командира. Тот обещал, что нареканий не будет.

Их и не было. Ни у кого, кроме меня. По прибытии в первый же более или менее крупный городок раб категорически потребовал от меня обновить гардеробчик.

Прилично одеться я был не против. Но мои с Хавчиком вкусы категорически разнились. От того, что мой раб считал верхом красоты и респектабельности, пришла бы в восторг любая семиклассница. Пестрое и блестящее.

Обследовав мое имущество, хранимое в корабельном трюме, Хавчик одобрил лишь две вещи. Совершенно непрактичные льняные штаны с такой «изысканной» вышивкой, что, появившись я в них в любом гей-клубе, меня бы сходу приняли за своего. И упомянутый выше тяжеленный кожаный пояс шириной с ладонь, изукрашенный серебряными бляшками, инкрустированный красными и синими стекляшками, изобилующий крючками и карманами и с

такой огромной серебряной пряжкой, что, будь она на пару сантиметров повыше, вполне могла выполнять функции нагрудника.

На пряжке, кстати, был изображен не кто иной, как Святой Георгий, насаживающий змея на копьё, аки колбасу на шампур. Импортный поясок, вне всякого сомнения.

Первым делом, по настоянию Хавчика, мы занялись обувью. До сих пор я наивно полагал, будто мягкие кожаные «чуни» для обычной жизни и удобные сапоги из толстой кожи с кармашками под ножи – вполне достаточный комплект. Ничего подобного!

Обувь – первое дело для авторитетного человека, заявил мне Хавчик. К моей же в комплект полагается костюмчик из некрашеной шерсти, который здесь носили только бедняки и рабы.

Убедил.

Мы прошлись по рынку, изучая работу здешних сапожников. То есть изучал Хавчик, а я просто разглядывал. Обувь, надо признать, была очень даже ничего. Фасонистая. Хавчик трепался с продавцами. Я – помалкивал. С важным видом стоял рядом. Ничего не примерял. Хавчик с самого начала заявил, что брать готовую обувь – это для всяких там мелких арендаторов с черными пятками. Настоящий господин носит лишь то, что изготовлено персонально для него. Причем – эксклюзив, созданный по индивидуальному проекту. А для создания шедевра нужен настоящий мастер. Его-то мы и искали.

Примерно через полчаса сапожник-кутюрье был найден. Оставив лоток на помощника, оный мастер (с нами, естественно) проследовал к себе домой, где с моей ноги была торжественно (с ритуальным бормотанием) снята мерка. Затем они с Хавчиком уединились и еще полчаса обсуждали, каким надлежит быть истинному произведению искусства. Вернее, двум произведениям. Хавчик сразу предупредил, что обувь нужна не только на осень, но и на будущую зиму. Не в валенках же ходить такому богатею, как я?

На свет был извлечен мешочек с мелким серебром, канителью и прочими блестящими-побрякушками. Хавчик и мастер в четыре руки выкладывали узоры на куске кожи, спорили относительно специфики охранных рун...

Чтобы я не скучал, мне подали пива (так себе) и деревянную миску с вяленой рыбкой.

Наконец стороны договорились. Эскизы и образцы мехов и кожи были предъявлены заказчику. Я одобрил, практически не глядя. Оговорил только наличие кармашка под нож.

Готовый продукт мне обещали к вечеру. Хавчик поведал, что для такого важного господина сапожник и его подмастерья отложат все прочие заказы. Но на цене это не скажется. Я в некотором смысле буду ходячей рекламой его лавочки.

Уж не за ярла ли меня приняли?

Потом мы вернулись на рынок и продолжали тратить деньги. Хавчик был придирчив и скуп: торговался за каждый медный грош.

Заодно приодели и самого раба. Скромно и практично (я сам бы так с удовольствием одевался), ничего пестрого, шмотки исключительно из вышеупомянутой некрашеной шерсти. Это притом, что я должен был изображать австралийского попугая.

Я спросил, почему такая несправедливость?

Оказалось, требования социума. Рабу не следует носить вещи из крашеной шерсти. Еще ему следует коротко стричься. Как раз так, как я люблю: между «ежиком» и «щетинкой». Однако мне, наоборот, положено отращивать патлы. Надо полагать, этот закон лоббировала местная популяция вшей.

Я спросил Хавчика: не обидно ли ему от такой социальной несправедливости?

Оказалось – ничуть. Если хозяин в порядке, то его тщеславие вполне удовлетворено.

Я сразу вспомнил своих былых современников. При наличии рядом длинноногой блондинки в «армани» или «версаче» ее спутник мог хоть в дерюжке ходить. Все равно уважуха.

Теперь в роли упакованной блонды, получается, я?

Прикупились. Покушали. Забрали обувь, оказавшуюся на удивление удобной. И даже практичной. На носках сапог, например, имелись сверкающие бронзовые накладки. Пнесь – мало не покажется. А на «пятках» – короткие тупые шипики-шпоры. Не для лягания – для верховой езды.

Зимняя обувь была попроще и действительно мне понравилась. Ее стачали мехом внутрь из шкурки какого-то пушистого зверя, а снаружи была другая шкурка – с коротким толстым волосом. Нерпа, что ли? На подметках и вовсе особая шкура. Сапожник сказал: это с ноги саамского оленя. Такая, дескать, и на льду не скользит, и ей сносу нет.

Я не спорил. Судя по деньгам, которые пришлось выложить, эта обувь должна была служить мне до глубокой старости. Моих внуков.

Мои товарищи расположились в двух постоянных дворах неподалеку от пристани, однако вечером мы туда не вернулись. Хавчик сказал, что знает в этом городке отличное местечко (бывал тут с прежним хозяином), где пиво лучше, мясо дешевле, а старшая дочь хозяина нежна, как топленое масло, и доступна, как гагачьи яйца. То есть не всем, а только самым крутым альпинистам.

Все оказалось именно так, как обещал раб. Отличное пиво, сочное, в меру прожаренное мясо и приятная на вид и наощупь блондиночка, согласившаяся лично проверить, достаточно ли теплая вода в принесенной в мой номер моечной кадлушке.

А еще в этом кабаке играли в кости. Я не без удивления узнал, что Хавчик, оказывается, игрок. Играл, правда, на свои: я подарил ему монетку за труды.

Раб выиграл. Правда, немного. И едва не получил колотушек за то, что насмеялся над одним из проигравших.

Об этом он рассказал мне сам. С присущей ему иронией.

Я мельком видел парней, с которыми он играл. Любой из них перевесил бы пару таких, как мой раб.

Или он невероятный храбрец, или...

Оказалось – «или».

Наконец я узнал о том, что и рабское положение имеет свои преимущества.

Это свободного человека можно вздуть за обидное слово. Раба может бить только хозяин. Имеется в виду – бить бесплатно. Всем остальным придется иметь дело с собственником обидчика.

То есть Васенька – самый маленький в классе, но старший братик у него – боксер-перворазрядник. Дальше сами решайте «гамлетовскую» проблему: бить или не бить.

Сам Гамлет, кстати, – местный парень. Датский принц, если верить Шекспиру. Не исключено, современник моих побратимов. Надо бы порасспросить...³⁷

Утром Хавчик тщательно упаковал обновки в водонепроницаемую тару, взвалил на спину, и мы отправились туда, где лежал на песочке наш славный драккар.

Нас ждали великие дела.

³⁷ Для тех, кто интересуется: шекспировской пьесе предшествовала другая (конец шестнадцатого века), а ей, в свою очередь, одна из «Трагических историй» французского писателя Франсуа Бельфоре. А еще ранее – «Деяния данов» Саксона Грамматика. Кроме того – «История об Амбале» и «Сага о Брьяме». И это еще не полный список. Желающих подробнее изучить исторические корни творческого заимствования отсылаю к господину Мэлоуну или любому другому из многочисленных исследователей данной темы.

Глава тридцать восьмая, в которой герой узнает, что и на учениях можно запросто отправиться в Валхаллу

Выход в море откладывался. Ольбард изучил небосвод и предположил, что надвигается непогода.

Хрёрек отнесся к прогнозу с уважением. А чтобы не терять времени зря, объявил военные учения. Хирд в полном составе отправился на прилегающий к городку выгон и занялся делом.

То есть мы, молодые дренги и хускарлы, выстроились клином, плечо к плечу, и с душе-раздирающим ревом припустили вверх по склону. Пересеченная местность (камни, кусты, ямы) мало способствовала сохранению строя, однако мы очень старались держаться поплотнее, потому что расположившиеся сверху хольды метко обстреливали нас бульжниками.

Я никогда особенно не увлекался пращей, но должен отметить, что примитивное это устройство при некоторых навыках может посылать камешки с изрядной силой. Меня разок достали, и, несмотря на броню, было больно. А достали меня, потому что мой сосед Рулаф споткнулся, опустил щит, схлопотал каменюкой по шлему и упал. Тут-то меня и приложили. Впрочем, я остался на ногах, а брешь тут же была закрыта мною и соседом Рулафа. Держать правильный строй – наилучшее средство защиты от летающих предметов небольшого размера.

Погоняв «молодых» как следует, Хрёрек разбил команду на два отряда и устроил учебный бой.

Чтоб отличать «своих» от «чужих», половина хирда повязала на шлемы и бицепсы белые тряпки.

Учебный бой – это значит, что все колющие и режущие части оружия упакованы в кожу и тряпки. В остальном – все как обычно. И смею вас заверить: удар топором, даже защищенным мягкой култышкой, это не игривый шлепок подружки.

Но я подобные игры любил. Сражение без кровопролития. Просто восхитительно.

Тем более что через минуту после столкновения наши ряды смешались и общий бой превратился в разрозненные поединки.

В реальном бою строй обычно держится дольше, но сейчас такой задачи не ставилось. Наоборот, надо было отрабатывать навыки драки в общей куче, когда удар может прилететь с любой стороны и с любого уровня. И еще – умение прикрыть спину товарища и сделать дырку в спине противника. Любому опытному рубаке известно, что благородный бой лицом к лицу в общем месилове не просто неуместен, а попросту нелеп. Убей или убьют тебя. Или – твоего друга. Правда, утверждение, что на затылке нет глаз, в моем случае можно оспорить. Иногда даже не «спиной чувствуешь», а именно «видишь», когда прикрывающий твою спину товарищ по какой-то причине (отвлёкся, устал, убили...) больше тебя не защищает. Я подобное необъяснимое с рациональной точки зрения чувство холил и лелеял, как мог. И не зря...

Со стороны, наверное, это выглядело неплохо. Умелый бросок копья – это вообще очень эффектное зрелище. Намного красивее, чем выстрел из лука.

Это копьё было брошено умело. И конечно его железко, как и положено, перед боем, было защищено «нахлобучкой».

Может, ремешок был завязан некачественно. Или порвался в процессе работы... Так или иначе, но брошенное с надлежащей силой и умением копьё во время полета растеряло все «предохранители». Что не помешало ему описать красивую дугу, конец которой теоретически

должен был упереться в щит прикрывавшего мою спину Руада, а фактически – в эту самую спину, потому что у Руада (чистая фантастика!) развязался шнурок на обуви, и как раз в этот момент он на него наступил. И упал на колени. Не больше, чем на секунду. И в эту секунду над его головой, едва не ширкнув Руада по шлему, прогудело копьё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.